

*Выпуск 3, 2022*

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

# **Вестник Ивановского государственного университета**



# ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

---

Серия «Гуманитарные науки»

---

2022. Вып. 3

---

Научный журнал

Издается с 2000 года

---

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций.  
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов  
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты  
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук  
(ред. от 22.10.2021 г.)

---

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

---

## РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)  
*Г.С. Смирнов*, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)  
*В.М. Тюленев*, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)  
*О.С. Горелов*, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)  
*А.Ю. Алексеев*, д-р филос. наук (Россия, Москва)  
*М.В. Белов*, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)  
*К.В. Воденко*, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)  
*Н.Ю. Гвоздецкая*, д-р филол. наук (Россия, Москва)  
*Д.И. Дубровский*, д-р филос. наук (Россия, Москва)  
*А.И. Жеребин*, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)  
*А.А. Житенев*, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)  
*Ф.И. Карташкова*, д-р филол. наук (Россия, Иваново)  
*Е.В. Маринова*, д-р филос. наук (Болгария, София)  
*Р.Я. Подоль*, д-р филос. наук (Россия, Рязань)  
*Д.И. Польшанский*, д-р ист. наук (Россия, Иваново)  
*Ф.А. Селезнев*, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)  
*Д.Г. Смирнов*, д-р филос. наук (Россия, Иваново)  
*Ц.Й. Степанов*, д-р ист. наук (Болгария, София)  
*А.А. Федотов*, д-р ист. наук (Россия, Иваново)  
*В.Н. Финогентов*, д-р филос. наук (Россия, Орёл)  
*З.А. Харитончик*, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)  
*Ю.Л. Цветков*, д-р филол. наук (Россия, Иваново)  
*В.Л. Черноперов*, д-р ист. наук (Россия, Иваново)  
*К.А. Юдин*, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Иваново,  
ул. Тимирязева, 5, к. 304  
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге  
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена  
на сайтах [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru),  
[www.ivanovo.ac.ru](http://www.ivanovo.ac.ru)

© ФГБОУ ВО «Ивановский  
государственный университет», 2022

ISSN 2219-5254  
ISSN 2500-2791 (online)

# IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

---

Series «The Humanities»

---

2022. Issue 3

---

Scientific journal  
2000

Issued since

---

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,  
Information Technology and Mass Communications.  
Registry entry III № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended  
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation  
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations  
(issued on 22.10.2021)

---

Founded by Ivanovo State University

---

## EDITION:

*E.M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)  
*G.S. Smirnov*, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)  
*V.M. Tyulenev*, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)  
*O.S. Gorelov*, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)  
*A.Yu. Alekseev*, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)  
*M.V. Belov*, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)  
*K.V. Vodenko*, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)  
*N.Yu. Gvozdetskaya*, Doctor of Philology (Russia, Moscow)  
*D.I. Dubrovsky*, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)  
*A.I. Zherebin*, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)  
*A.A. Zhitenev*, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)  
*F.I. Kartashkova*, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)  
*E.V. Marinova*, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)  
*R.Ya. Podol*, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)  
*D.I. Polyvyanny*, Doctor of History (Russia, Ivanovo)  
*F.A. Seleznev*, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)  
*D.G. Smirnov*, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)  
*C.Y. Stepanov*, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)  
*A.A. Fedotov*, Doctor of History (Russia, Ivanovo)  
*V.N. Finogentov*, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)  
*Z.A. Kharitonchik*, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)  
*Yu.L. Tsvetkov*, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)  
*V.L. Chernoperov*, Doctor of History (Russia, Ivanovo)  
*K.A. Yudin*, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

## Address of the editorial office:

153025, Ivanovo,  
Timiryazew str., 5, office 304  
e-mail: [vestnik.ivgu@mail.ru](mailto:vestnik.ivgu@mail.ru)

Index of subscription  
in the catalogue «Russian Press» 41512  
Electronic copy of the journal can be  
found  
on the web-sites [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru),  
[www.ivanovo.ac.ru](http://www.ivanovo.ac.ru)

© Ivanovo State University, 2022

---

---

## СОДЕРЖАНИЕ

---

---

### Филология

#### *Литературоведение*

<b>Анциферова О.Ю.</b> Жанровые трансформация мифа в проекте Canongate: Пелевин — Уинтерсон — Этвуд .....	5
<b>Карташкова Ф.И., Королева В.В.</b> Способы выражения отрицательных эмоций в произведениях Э. По и Э.Т.А. Гофмана) .....	14
<b>Киселева И.С.</b> Парадокс и черная клоунада в комедии Ф. Дюрренматта «Метеор» ....	22
<b>Лукьянова С.М.</b> Неистовый Феофилакт. Псевдоним А.С. Пушкина как автопортрет .....	28
<b>Садовникова Ю.М.</b> «Моралите» Барри Ансуорта: особенности структуры романа английского постмодернизма .....	39
<b>Филипповский Г.Ю.</b> У истоков русской литературы (О периодизации ранней литературы Руси) .....	48
<b>Юрчук Л.А.</b> «Он бог, он бог твой был, Россия»: Образ Петра I в одах М.В. Ломоносова .....	62

#### *Языкознание*

<b>Старостенко Т.Е.</b> ИмPLICITная диалогизация белорусского аукториального нарратива XX века .....	73
<b>Хорецкая Н.Ю., Кокурина И.В.</b> Названия полотен русских художников в немецком переводе .....	80

### История

<b>Дронова Я.А.</b> Источники «Церковной истории» Захарии Митиленского .....	88
<b>Исаков А.А.</b> Судьба наследия Палладия Роговского в России .....	94
<b>Логвинова А.А.</b> Анонимные христианские авторы житийной традиции в «Библиотеке» Патриарха Фотия .....	104
<b>Лю Цзяминь.</b> Казахстан и Киргизия в проекте «Один пояс и один путь»: основные направления сотрудничества, проблемы и перспективы .....	114
<b>Соколов Р.Н., Рыжов И.В., Рогожина Е.М.</b> Влияние внешних факторов на специфику деятельности частных военных компаний в рамках системы военных услуг .....	125

### Философия

<b>Шульга Е.Н.</b> Феномен сознания и методология его исследования .....	141
<b>Васюков В.Л.</b> Логика сознания .....	151
<b>Турчин А.С.</b> Философская антропология, вариативный семиозис, психосемиотика .....	159
<b>Мякинников С.П.</b> Идеи Платона и мировоззренческо-методологическая платформа постхолизма .....	166
<b>Слепцова А.О.</b> Движение к абсолюту как всеобщая онтологическая цель в теории Б.Н. Чичерина .....	180
<b>Петряков Л. Д., Кочура А.Л.</b> Вольное сознание: пограничная идентичность и жизнь на рубеже .....	189
<i>Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета» .....</i>	<i>196</i>

## CONTENTS

---

---

### Philology

#### *Literary criticism*

- Antsyferova O. Yu.** Genre Transformations of Myth in Canongate Myth Series:  
Pelevin, Winterson, Atwood ..... 5
- Kartashkova F.I., Koroleva V.V.** Ways of expressing negative emotions  
in the works of E. Poe and E.T.A. Hoffmann ..... 14
- Kiseleva I.S.** Paradox and black clowning in Friedrich Durrenmatt's comedy  
“Meteor” ..... 22
- Lukyanova S.M.** The frenzied Theophylact. The pseudonym of A.S. Pushkin  
as a self-portrait ..... 28
- Sadovnikova Y.M.** Barry Unsworth's “Morality Play”: features of the structure  
of english postmodernism ..... 39
- Philippovsky G.Yu.** At the origins of Russian literature (On the period structure  
of Old Russian literature) ..... 48
- Yurchuk L.A.** “He was god, he was your god, Russia”: The image of Peter I  
in the odes of M.V. Lomonosov ..... 62

#### *Linguistics*

- Starostenko T.E.** Implicit dialogization of the Belarusian auctorial narrative  
of the 20<sup>th</sup> century ..... 73
- Khoretskaya N.Yu., Kokurina I.V.** The names of the canvases by Russian artists  
in German transliteration ..... 80

### History

- Dronova Y.A.** Sources of the “Church history” of Zacharias of Mytilene ..... 88
- Isakov A.A.** The fate of Palladius Rogovsky’s heritage in Russia ..... 94
- Logvinova A.A.** Anonymous christian authors of agiography tradition  
in the “Library” of Patriarch Photius ..... 104
- Liu Jiamin.** Kazakhstan and Kyrgyzstan in the “One Belt and One Road” project:  
main areas of cooperation, problems and prospects ..... 114
- Sokolov R.N., Ryzhov I.V., Rogozhina E.M.** Influence of external factors  
on the specific activities of private military companies in the framework  
of the military services system ..... 125

### Philosophy

- Shulga E.N.** Phenomen of consciousness and the methodology of its study ..... 141
- Vasyukov V.L.** Logics of consciousness ..... 151
- Turchin A.S.** Philosophical anthropology, variable semiosis, psychosemiotics ..... 159
- Myakinnikov S.P.** Plato’s ideas and the ideological and methodological platform  
of postholism ..... 166
- Sleptsova A.O.** Movement to the absolute as a general ontological goal  
in the theory of B.N. Chicherin ..... 180
- Petryakov L.G., Kochura A.L.** Free consciousness: border identity and life  
at the turn ..... 189
- Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»* ..... 196

# ФИЛОЛОГИЯ

## PHILOLOGY

---

### ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

#### LITERARY CRITICISM

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 5—13.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 5—13.*

Научная статья

УДК 821(100)''20''

DOI: 10.46726/И.2022.3.1

#### **ЖАНРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИФА В ПРОЕКТЕ CANONGATE: ПЕЛЕВИН — УИНТЕРСОН — ЭТВУД**

*Ольга Юрьевна Анцыферова*

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,  
o.antsyferova@spbu.ru

**Аннотация.** Статья представляет собой prospect более объемного исследования корреляции мифа и литературы, специфичной для словесности XXI века. На материале трех первых книг межавторского проекта «Миф» издательства Canongate, вышедших в 2005 году — «Шлем ужаса» Виктора Пелевина, «Бремя» Джанет Уинтерсон и «Пенелопида» Маргарет Этвуд — изучаются формы освоения мифа литературой, характерные для начала XXI века и опосредованные влиянием постмодернизма, феминизма, массовой культуры, новой исповедальности. Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что для литературы рассматриваемого периода релевантно *одновременное* использование форм освоения мифа, типологически выделенных еще исследователями литературы XX века: (1) использование мифологических образов и сюжетов; (2) структурирование текста по матрице романа-мифа, в котором миф не является ни единственной линией повествования, ни единственной текстуальной точкой зрения; (3) создание авторского мифа. На первый план выдвигается деконструкция универсалистских смыслов мифа, что достигается запрограммированной множественностью интерпретаций. На материале анализируемых текстов выделяются две главные тенденции в использовании мифа новейшей литературой, которые подтверждаются и более поздними текстами проекта: (1) миф становится инструментом самопознания, при этом актуализируется его психотерапевтический эффект и, как частое следствие, генерируется автомиф (Пелевин, Уинтерсон, Байетт); (2) миф используется как инструмент полемики с остро современными идейными веяниями (Этвуд, Пулман).

---

© Анцыферова О.Ю., 2022

2022. Вып. 3 •

**Ключевые слова:** миф, жанр, Виктор Пелевин, Джанет Уинтерсон, Маргарет Этвуд, постмодернизм, феминизм, массовая культура, новая искренность

**Для цитирования:** Анцыферова О.Ю. Жанровые трансформация мифа в проекте Canongate: Пелевин, Уинтерсон, Этвуд // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 5—13.

Original article

## GENRE TRANSFORMATIONS OF MYTH IN CANONGATE MYTH SERIES: PELEVIN — WINTERSOMN — ATWOOD

*Olga Yu. Antsyferova*

Sint-Petersburg State University, Ivanovo, Russian Federation, o.antsyferova@spbu.ru

**Abstract.** The article is a promotional approach to a broader study of the correlation of myth and literature, specific to the 21<sup>st</sup> century literature. The first three books of the Canongate Myth Series published in 2005 — *The Helmet of Horror* by Viktor Pelevin, *Weight* by Jeanette Winterson and *The Penelopiad* by Margaret Atwood — are analyzed with the close focus on forms of assimilation of myth by literature in the early 21st century under the influence of postmodernism, feminism, mass culture, new sincerity. The comparative analysis allows to conclude that the literature of the period is characterized by simultaneous use of various forms of myth incorporation: (1) the use of mythological imagery and plots; (2) structuring the text according to the matrix of the mythological novel, wherein myth is neither the only plotline, nor the only narrative point of view; (3) generation of an authomyth. The deconstruction of the universalistic meanings of the myth comes to the fore, which is achieved by intended plurality of interpretations. Basing on the material of the analyzed texts, two main trends in the use of myth by the 21<sup>st</sup> century literature are underscored, which are also confirmed by the later texts of the project: (1) myth becomes a tool for self-knowledge and self-reflection, accordingly, its psychotherapeutic effect is put forward and, as a frequent consequence, an automyth is generated (Pelevin, Winterson, Byatt); (2) myth is used as an instrument of controversy with topical ideological trends (Atwood, Pullman).

**Keywords:** myth, genre, Victor Pelevin, Jeanette Winterson, Margaret Atwood, Postmodernism, feminism, mass culture, new sincerity

**For citation:** Antsyferova O.Yu. Genre Transformations of Myth in Canongate Myth Series: Pelevin, Winterson, Atwood, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 5—13.

Каждая эпоха в истории искусства характеризуется определённым осознанием соотношения искусства и мифологии [Лотман, Минц, Мелетинский: 220]. Е.М. Мелетинский, размышляя о роли мифа в разные культурные периоды, писал о трех этапах: изначальном мифологизме, дальнейшей демифологизации и частичной ремифологизации культурного сознания в XX веке. В рассуждениях Мелетинского не может не заинтересовать корреляция форм и степеней присутствия в литературе мифологического мышления с их жанровым оформлением. Так, мощная ремифологизация в XX веке сказалась, в частности, в особой «поэтике мифологизирования и создании мифологического романа как особой квази-жанровой разновидности» романа [Мелетинский: 298]. Можно предположить, что в XXI веке, когда мы имеем дело с

жанровым мышлением, уходящим корнями в иную социокультурную ситуацию, соотношение мифа и литературы вступает в некую новую стадию: перенасыщенная знанием о самой себе культура ныне воспроизводит свои собственные творения во множестве вторичных по сути своей жанров (параллельный роман, сиквел, приквел, мэшап, рителлинг, кавер-версия, постколониальный ответ, пастиш и т. д.).

Проект «Миф» (издательство «Кэнонгейт», Шотландия) можно рассматривать как симптоматичную для начала XXI века попытку спроецировать древние мифы на современную реальность. Известным авторам из разных стран (Великобритания, Россия, Франция, Израиль, Польша и др.) были заказаны короткие романы, основанные на мифах разных народов и культур. Планировалось выпустить сто книг, но, похоже, последнее издание этой серии вышло в 2011 году, им стал «Рагнарек» А.С. Байетт.

В своем вступлении к серии Карен Армстронг размышляет: «Миф — это про неизведанное, про то, для чего первоначально невозможно было найти слова. Поэтому миф всегда заглядывает в самое сердце молчания <...> Всякая мифология повествует о некоем параллельном мире, на котором, в определенном смысле, держится наш мир» [Alexander]. Постмодернистские по сути размышления Армстронг близки идеям Мирча Элиаде, высказанным еще в середине прошлого века. Миф для него — «это всегда рассказ о некоем “творении”, нам сообщается, каким образом что-либо произошло, и в мифе мы стоим у истоков существования “чего-то”» [Элиаде: 19]. Таким образом, миф оказывается созвучен самым актуальным тенденциям современной культуры — тяге к вариативности, попыткам распознать все через рассказ / нарратив / историю, а также стремлению человека как мыслящего существа докопаться до сути вещей, до их первоначала.

Итак, в 2005 г. практически одновременно вышли книги «Бремя: Миф об Атласе и Геракле» (*Weight*) Джанет Уинтерсон, «Пенелопиада» (*The Penelopiad*) Маргарет Этвуд и «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре» Виктора Пелевина. Они и станут предметом данной статьи.

Книга В. Пелевина уже своим заглавием настраивает читателя на остроактуальное переосмысление древнегреческого мифа о лабиринте, живущем в нем чудовище и побеждающем его герое. Написанный в начале XXI века текст объединил в себе все три возможных формы освоения мифа, характерные, по мнению Ю.М. Лотмана и его коллег, для литературы века двадцатого: (1) использование мифологических образов и сюжетов; (2) структурирование текста по матрице романа-мифа, в котором «миф принципиально не является ни единственной линией повествования, ни единственной точкой зрения текста»; (3) создание «авторского мифа», который как литературный жанр является развитием тенденций мифологического романа и использует мифологизацию в качестве инструмента семантической и композиционной организации текста [Лотман, Минц, Мелетинский: 225]. Избранная В. Пелевиным форма книги может одновременно и восприниматься как продукт эпохи Web 2.0 (текст написан в стилистике интернет-чата), и рассматриваться как антикизация (для переложения мифа о Тесее Пелевин использует форму драмы — наиболее характерный жанровый способ работы с мифологическим материалом в классической Греции).

Если попытаться определить существо пелевинского метода работы с мифологическим материалом, то это будет *программная множественность* — «зеркальное приумножение единой сущности, ее постоянное

самовоспроизводство в разных облициях — прием, восходящей к барочной и романтической поэтике, и, начиная с Борхеса, активно использующийся в литературе постмодерна» [Кабанова]. Сама мифологическая основа программно неоднородна и сочетает античные мифы со скандинавской мифологией: шлем ужаса (aegish-jalnr) принадлежал клану Одина. (Неоднородность мифологического субстрата пелевинского текста хорошо раскрыта в статье М. Решетняк [Решетняк]).

Кроме того, автор закладывает в свой текст множественность интерпретаций. С одной стороны, это роман об интернете, который составляет не только основной медиум, но и тему романа: «Восемь юзеров, запертых в автономных помещениях, сообща решают загадки, которые им подбрасывает виртуальная реальность» [Бавильский]. «Интернет — это лабиринт, в котором якобы обитает Минотавр, способный нас пожрать, но на самом деле Минотавр живёт в нас самих. Избавься от своего Минотавра, и Интернет станет обычным информационным и коммуникативным инструментом» [Басинский]. С другой стороны, как и всякий миф, это роман о человеческом уделе и, как и всякий пост-экзистенциалистский миф, — о фатальном одиночестве человека и заброшенности его в этот мир. Окет персонажей «Шлема ужаса» демонстрирует свою интеллектуальную, философско-религиозную и семиотическую пестроту. Появившийся на короткий миг в чате Тезей достраивает сумму инициалов персонажей до Минотавра, тем самым обеспечивая пусть мгновенное, но появление мифологического чудовища, сразу же, впрочем, дематериализующегося в нечленораздельных репликах персонажей.

Так же протеистична жанровая природа текста. Пелевин паратекстуально определяет его как «креатифф» — иронически переделанное «креатив» — что на жаргоне российских рекламщиков означает «идею как самого рекламного сообщения, так и [форму] его подачи. Как правило, креатив, креативная идея, креативная реклама должны содержать оригинальное творческое решение подачи информации нужной аудитории» [Словарь]. Такая пародийная жанровая автодефиниция сигнализирует не только об отказе от привычных конвенций, но и о том, что данный текст, подчеркивая свою генетическую связь с рекламой, творит *авторский миф*. Реклама для Пелевина является полем, заряженным мифотворческими потенциями. Вспомним его роман «Generation П», который, надо думать, и послужил для шотландского издательства поводом обратиться к Пелевину. Реклама у Пелевина мифогенна, а почвой для автомифологии, для проникновения мифологем в обыденную жизнь становятся манипуляции с сознанием, производимые рекламой, ТВ, коксом, мухоморами... (знаменательная цепочка, синкретически обеспечивающая для Вавилена Татарского слияние онтологии, аксиологии и социологии России 1990-х в неомифологию). В «Шлеме ужаса» авторский миф творится в буквальном смысле: сам автор не просто генерирует этиологический миф, но и становится его главным культурным героем. «“Шлем ужаса” — это пьеса, персонажами которой являются разные грани одной личности» [Верницкий]. «На самом деле, если приглядеться, Пелевиным покажется... каждый из восьми персонажей. Циничный политтехнолог Щелкунчик. Романтический Ромео-и-Коиба. Аскетичная христианка Угли. Брутально-жовиальный Организм. Простодушная Изольда. Книжный Монстрадамус. Загадочная и своевольная Ариадна. Понимаете, в чьей голове все это происходит? “Шлем ужаса” — это ведь автопортрет Пелевина, просто исполненный в пикассовской манере, из деформированных осколков» [Данилкин].

Среди литературных источников, на которые ориентировался Пелевин в своей «мифологической» книжке, называют и театр абсурда, и французский «новый роман». Мне лично представляется, что вся ситуация запертых персонажей «пьесы», заброшенных непонятно куда и гадающих о своей судьбе, взята из знаменитой пьесы Ж.-П. Сартра «За закрытыми дверями» (1943), действие которой происходит в аду. Отмечу также, что появление феномена гипертекста обогащает пелевинскую работу с мифом новыми возможностями, в частности, возможностью миметического воспроизведения архетипа лабиринта через нарративную структуру текста: текст о лабиринте сам представляет собой «лабиринт».

«Знать мифы — значит, приблизиться к тайне происхождения всех вещей. Иначе говоря, человек узнает не только то, каким образом все возникло, но также и то, каким образом обнаружить это и воспроизвести, когда все уже исчезнет» [Элиаде: 26]. Здесь уместно будет вспомнить, что «именно эта реконструирующая функция мифа, помогающего что-то “обнаружить... и воспроизвести, когда все уже исчезнет”, иначе говоря, мощный терапевтический эффект мифа, основанный на открываемых им новых перспективах самопознания, актуализирует в своей книге «Бремя» (2005) Джанет Уинтерсон. Уже в ее первом автобиографическом романе «Не только апельсины» (*Oranges are not the Only Fruit*, 1985), присутствие второй, мифологической по онтогенезу реальности очень ощутимо. Но если в «Апельсинах» повествовательница, девочка-подросток, живущая в Англии второй половины XX века, словно проваливается время от времени в сказочно-мифические расщелины, то в «Бремении» происходит своеобразная перефокусировка: подчиняясь заданию “Кэнонгейт”, Джанет Уинтерсон строит структурообразующий мифологический хронотоп, сквозь «разрывы» которого проглядывает иной, метанарративный мир, коррелирующий с биографическим «я» реального автора, и за мифологическим нарративом о двенадцатом подвиге Геракла начинает маячить все то же “гендерно обеспокоенное”, пользуясь метафорой Джудит Батлер, “я” автора» [Анцыферова: 495]. При опоре на сугубо мифологический сюжет от рассказывания истории автор часто переводит нарратив в плоскость исповедальности, проясняющей связь пересказываемого мифа с авторскими установками: «Нести меня было некому, и я научилась нести себя сама. Моя девушка говорит, что у меня комплекс Атласа <...> Чем больше я делала, тем больше мне приходилось тащить на себе. Книги, дома, возлюбленные, жизни — все это громоздилось у меня на спине, которая всегда была моим самым сильным местом. Я хожу в тренажерный зал и могу без труда поднять свой собственный вес. Я могу поднять свой собственный вес. Могу поднять свой вес... Я хочу рассказать историю заново» [Уинтерсон: 87—90]. Повторы здесь маркируют не только замедление повествования и возвращение к истории об Атласе и Геракле, но и приносят *интонацию ритуального заклинания*, а кроме всего прочего, позволяют заключить, что бремя для писательницы ассоциируется и с «рассказыванием историй», то есть с творческим даром. Таким образом, миф о бремени эксплицируется автором как размышления о человеческом уделе, как размышления об участии художника, как размышления о женщине, открыто отказавшейся от сексуальных стереотипов.

В зарубежном литературоведении появилось много работ, в которых «Бремя» прочитывается как «феминистская версия» древнегреческого мифа, констатируется сатирическое изображение маскулинности, сконструированность гендера и отсылки к первозданной гендерной нейтральности. Мне бы

хотелось отметить роль мифа как структурирующего начала в нарративном оформлении индивидуального автобиографического опыта. Ю.М. Лотман писал о двух типах искусства: один из них «ориентирован на канонические системы (“ритуализованное искусство”, “искусство эстетики тождества”)), другой — на нарушение канонов и заранее предписанных норм [Лотман: 243]. Если «получатель произведения XIX в. прежде всего слушатель — он настроен на то, чтобы получить информацию из текста», то получатель первого типа художественного сообщения «лишь поставлен в благоприятные условия для того, чтобы прислушаться к самому себе» [Лотман: 245]. В случае с Джанет Уинтерсон миф как образец канонического искусства, относящегося к «эстетике тождества», действует ровно таким образом: ставит автора (и читателя) «в благоприятные условия для того, чтобы прислушаться к самому себе» [Там же].

Нечто сходное мы имеем и в случае с книгой «Рагнарёк» (2011) Антони Сьюзен Байетт. Изображение древнескандинавской мифологии, натуралистичное, полное красочных и пластичных описаний и, в то же время, не лишенное саморефлексивности, моделирует иную мифологическую реальность, в которой укрывается от травматического опыта Второй мировой войны «тоненькая английская девочка» (сама Байетт в детстве?). И хотя эта альтернативная реальность рагнарёка — «гибели богов» — так же, как и военная жизнь, пронизана ощущением рокового неблагополучия и скорой гибели (критики прочитывают в описаниях мирового древа Иггдрасиля предупреждение о грозящей экологической катастрофе), девочке ностальгически начинает не хватать ее в мирной жизни. И, странным образом, когда отец героини, военный летчик, уподобляемый в мире детских мифологических грез золотоволосому богу, обреченному на гибель вместе со всем мифологическим миром, возвращается благополучно домой, то кроме радости девочка испытывает не называемое автором чувство более сложной природы: «и словно какая-то дверь захлопнулась для нее» [Байетт: 183]. Возвращение к мирной жизни, при всей бесспорной благотворности, становится и возвращением к обыденности, когда «сияюще-черный мир, в котором она так долго жила» [Там же], навсегда исчезает, оставив томительную тоску по неповторимому яркому опыту переживания мифической реальности. В книге Байетт именно она становится первичной. И эффект мифологической реальности подобен «размышлениям под стук колес»: она не просто уводит героиню в другой мир, но и «помогает самоорганизации воспринимающей личности» [Лотман: 245]. Эсхатологический мир обреченных богов наделен несомненной, даже довлеющей самоценностью.

«Пенелопида» Маргарет Этвуд представляет собой пересказ гомеровской «Одиссеи» с женской точки зрения. Из прочитанных мною книг проекта в этой автор наиболее виртуозно работает с мифологическим материалом, наиболее свободно и вместе с тем без излишнего яростного пафоса ниспровергательницы «тиранического патриархального дискурса» предлагает во многом ироническую женскую трактовку событий на древней Итаке, не скрадывая, впрочем, сложности и драматизма женской судьбы и добавляя отчетливое классовое измерение к размышлениям о гендерной проблематике (что, конечно, неудивительно, для автора одной из самых знаменитых антиутопий конца XX века «Рассказ служанки»). Следует отметить, что Этвуд в своей книге полемизирует не только с патриархальным Гомером, но, как всегда, и с феминистками второй волны, с которыми ее связывают сложные отношения

притяжения / отталкивания (вспомним ее программное эссе «Я — плохая феминистка»). С одной стороны, феминистки подготовили почву для этвудовской версии истории Пенелопы — именно они увидели в Пенелопе замечательное исключение из сонма античных героинь — по активности ее позиции, и по выбору социальной роли. С другой стороны, Этвуд в «Пенелопаде» продолжает свою непрекращающуюся полемику с феминистками по поводу абсолютизации гендерного измерения в культуре и обществе.

Выбирая в качестве ведущей повествовательной инстанции Пенелопу, образ которой давно канонизирован как символ женской верности, Этвуд включает в сюжет своей книги не только события, описанные в «Одиссее», но и всю историю жизни Пенелопы, начиная с детства. Кроме того, главы истории героини чередуются с десятью партиями хора, состоящего из служанок Пенелопы, повешенных за предательство, о чем упоминается в 22-й песни «Одиссеи». Таким образом в «Пенелопаде» представлены две точки зрения на события мифа, по-разному локализованные в социальной иерархии. Это позволяет Этвуд поставить события «Одиссеи» в контекст феминистских проблем. Отметим, что сама Этвуд неоднократно заявляла, что не считает свое произведение феминистским по установкам [Tolan: 2].

Писательница деканонизирует мифологический материал, чтобы показать амбивалентность ключевых моментов феминистской мысли: (1) женское сестринство как антидот патриархальному угнетению женщины в обществе (Этвуд напоминает своим читателям, что женщины могут быть не только «сестрами», но и злейшими врагами — тут и отношения с Еленой, и отношения между служанками и к служанкам); (2) телесность как топология женской субъективности (Пенелопа, находясь в царстве смерти, бестелесна); (3) разное отношение к традиционным ценностям у представительниц разных поколений (две «свекрови» Пенелопы, Антиклея и Эвриклея, «текучесть» ее биологической матери-наяды как воплощение женственности, что перекликается с идеями феминисток второго поколения); (4) соотношение социального и гендерного угнетения и явное преобладание и большая опасность первого. Этвуд убеждена в утопичности любого стремления освободиться от власти общества и сомневается в возможности преодоления навязанных женщинам социальных ролей.

Этвуд деконструирует всеведение гомеровского эпического рассказчика, строя свой нарратив на открыто субъективной женской точке зрения (да еще и не одной), подчеркивает амбивалентность и программную недостоверность любого высказывания, настаивает на множественности возможных толкований событий. Нарративный строй «Пенелопады» отражает феминистские представления о женщинах как об угнетенной социальной группе, лишенной права говорить. События десяти лет странствий Одиссея, составляющие ядро гомеровского эпоса, передаются в нарративе Пенелопы всегда с чужих слов, что лишает их однозначности. У Пенелопы словно бы нет собственного «голоса», чтобы строить свою жизнь за рамками ее отношений с Одиссеем.

Таким образом, Этвуд использует миф не как инструмент самопознания и самовыражения (как у Уинтерсон и Байетт), но делает его инструментом своей полемики с феминистскими представлениями. Чуть позже Филип Пулман подобным образом использует свою книгу «Добрый человек Иисус и негодник Христос» для критики современного клерикализма.

Подводя итоги сопоставительного анализа трех самых ранних книг, выпущенных в рамках проекта «Миф», можно предположить, что работа

с мифологическим материалом в начале XXI века, опосредованная влиянием постмодернизма, феминизма, массовой культуры, новой искренности, выдвигает на первый план деконструкцию универсалистских смыслов мифа и синтезирует формы освоения мифа, характерные для литературы XX в. Миф используется либо в качестве инструмента самопознания, порой актуализируя свой психотерапевтический эффект, следствием чего часто является создание автомифа (Пелевин, Уинтерсон, Байетт), либо в качестве инструмента полемики с остро современными идейными веяниями (Этвуд, Пулман).

### Список литературы / References

- Анцыферова О.Ю. Трансформация архетипов культурной памяти в феминистской версии мифа Джанет Уинтерсон (глава 5.1.) // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности: коллективная монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 493—503.  
(Antsyferova O. Transformation of cultural memory archetypes in the feminist version of myth by Jeanette Winterson, *Paradigms of Cultural Memory and constants of National Identity: Monography*, Nizhnii Novgorod, 2020, pp. 493—503. — In Russ.)
- Бавильский Д. Вы слышите их? «Шлем ужаса» Виктора Пелевина: книга и спектакль. Интернет-газета «Взгляд». 14 октября 2007. URL: <https://web.archive.org/web/20100409083349/http://vz.ru/culture/2005/12/13/15575.html> (дата обращения: 26.05.2022).  
(Bavil'skii D. Do you hear them? “The Helmet of Horror” by Victor Pelevin: the book and a play, *Internet-newspaper “Vzglyad”*, 2007. — In Russ.)
- Байетт А.С. Рагнарёк / пер. с англ. О. Исаевой. М.: Лайвбук, 2022. 208 с.  
(Byatt A.S. Ragnarök: The End of the Gods, Moscow, 2022, 208 p. — In Russ.)
- Басинский П. Ужас «Шлема» // «Литературная газета» URL: [https://web.archive.org/web/20061012230048/http://www.lgz.ru/archives/html\\_arch/lg482005/Polosy/7\\_2.htm](https://web.archive.org/web/20061012230048/http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg482005/Polosy/7_2.htm) (дата обращения: 26.05.2022).  
(Basinskii P. Horror of the Helmet, *Literaturnaia gazeta*, 2005. — In Russ.)
- Верницкий А.С. Рец.: Пелевин В. Шлем ужаса: Креатифф о Тесе и Минотавре // НЛЮ. 2006. Вып. 4. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/vernitsky-pelevin/> (дата обращения: 26.05.2022).  
(Vernitskii A.S. Rev.: Pelevin V. The Helmet of Horror, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2006, iss 4. — In Russ.)
- Данилкин Л. Рец.: Виктор Пелевин «Шлем ужаса». 2005. 18 окт. URL: <http://pelevin.nov.ru/inews/?n=1130334941> (дата обращения: 26.05.2022).  
(Danilkin L. Rev.: Viktor Pelevin. The Helmet of Horror, October 18, 2005. — In Russ.)
- Кабанова И.В. Троица по Пелевину: автор — герой — читатель в романе «t» // Филологический класс. 2011. Вып. 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/troitsa-po-pelevinu-avtor-geroy-chitatel-v-romane-t> (дата обращения: 26.05.2022).  
(Kabanova I. V. Trinity according to Pelevin: Author — Hero — Reader in the novel “t”, *Filologicheskii klass*, 2011, iss. 25. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: «Александра», 1992. С. 243—247.  
(Lotman Y.M. Canonical Art as An Information Paradox, *Lotman Y.M. Collected Papers in 3 vols, vol.1: Articles on semiotics and typology of culture*, Tallinn, 1992, pp. 243—247. — In Russ.)

- Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 220—226.  
(Lotman Y.M., Mints Z.G., Meletinskii E.M. Literature and Myth, *Myths of peoples of the World: Encyclopedia: in 2 vols*, vol. 1, Moscow, 1980, pp. 220—226. — In Russ.)
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Изд. 3-е репринтное. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.  
(Meletinskii E.M. Poetics of Myth, Moscow, 2000, 407 p. — In Russ.)
- Решетняк М. Мифологическая основа романа В. Пелевина «Шлем Ужаса». URL: <https://web.archive.org/web/20100224074352/http://pelevin.nov.ru/stati/o-myth/1.html> (дата обращения: 26.05.2022).  
(Reshetniak M. Mythological Background of Pelevin's Novel "The Helmet of Horror" — In Russ.)
- Словарь рекламных терминов и жаргонизмов в Интернете. URL: <https://web.archive.org/web/20100408075951/http://propel.ru/slovar/kreative.php> (дата обращения: 26.05.2022)  
(Online Dictionary of Advertising Terms and Jargon, 2001. — In Russ.)
- Уинтерсон Дж. Бремя / пер. с англ. А. Осипов. М.: Открытый мир, 2005. 128 с.  
(Winterson J. Weight, Moscow, 2005, 128 p. — In Russ.)
- Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. М.: Академический проект, 2017. 235 с.  
(Eliade M. Aspects of Myth. Moscow, 2017, 235 p. — In Russ.)
- Alexander C. Myths Made Modern, *The New York Times*, 2005, December 11. URL: <https://www.nytimes.com/2005/12/11/books/review/myths-made-modern.html> (дата обращения: 26.05.2022)
- Tolan F. Margaret Atwood: Feminism and Fiction, Amsterdam — New York: Rodopi, 2007, 322 p.

*Статья поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 16.06.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

#### ***Информация об авторе / Information about the author***

**Анцыферова Ольга Юрьевна** — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, o.antsyferova@spbu.ru

**Antsyferova Olga Yurievna** — Doctor of Science (Philology), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, o.antsyferova@spbu.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 14—21.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 14—21.*

Научная статья

УДК 821.11

DOI: 10.46726/И.2022.3.2

## **СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. ПО И Э.Т.А. ГОФМАНА**

***Фаина Иосифовна Карташкова***

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,  
kartashkova@rambler.ru

***Вера Владимировна Королева***

Владимирский государственный университет, г. Владимир, Россия,  
queenvera@yandex.ru

**Аннотация.** В статье рассматриваются вербальные и невербальные способы выражения эмоционального состояния страха/ужаса, злости/ненависти в произведениях Э.Т.А. Гофмана и Э. По. Показано, что вербальные единицы в анализируемых художественных текстах представлены словами отрицательной коннотации, усилительными частицами, междометиями, сравнительными оборотами метафорического характера. В невербальном поведении героев Гофмана и Э. По эмоции выражаются посредством контролируемых невербальных компонентов коммуникации (фонационных, жестовых), психофизиологических реакций (слезоотделения) и специфических невербальных действий (скрип, кашель).

**Ключевые слова:** Э.Т.А. Гофман, Э.А. По, эмоции, страх, ужас, злость, вербальная и невербальная коммуникация

**Для цитирования:** Карташкова Ф.И., Королева В.В. Способы выражения отрицательных эмоций в произведениях Э. По и Э.Т.А. Гофмана // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 14—21.

Original article

## **WAYS OF EXPRESSING NEGATIVE EMOTIONS IN THE WORKS OF E. POE AND E.T.A. HOFFMAN**

***Faina I. Kartashkova***

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kartashkova@rambler.ru

***Vera V. Koroleva***

Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, queenvera@yandex.ru

**Abstract.** The paper deals with verbal and non-verbal ways of expressing the emotional state of the characters in literary pieces of E.T.A. Hoffman and E. Poe. In the focus of attention are emotions of fear, terror, anger. They are expressed with the help of words

of negative connotation, intensifying particles, interjections, comparative constructions of metaphoric nature. The emotions in non-verbal behavior are rendered via phonation, gestures, crying and specific non-verbal actions (coughing, squeaking).

**Keywords:** E.T.A. Hoffman, E. Poe, fear, terror, anger, verbal and non-verbal communication

**For citation:** Kartashkova F.I., Koroleva V.V. Ways of expressing negative emotions in the works of E. Poe and E.T.A. Hoffmann, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 14—21.

Изучение способов выражения эмоций в художественном тексте — актуальная проблема лингвистики, которая поднималась в трудах В.И. Шаховского [Шаховской], Н.А. Красавского [Красавский], О.Е. Филимоновой [Филимонова] и др.

Целью настоящей статьи является сопоставительный анализ эмоций в произведениях Э.Т.А. Гофмана и Э. По. Такой анализ позволяет проследить не только способы выражения сходных эмоций в вербальном и невербальном поведении героев, но и служит доказательством возможной преемственности гофмановских языковых и неязыковых средств и приемов в творчестве Э. По.

Произведения Э.Т.А. Гофмана и Э. По отличаются глубоким психологизмом, умением детально и убедительно отражать душевное состояние героев. Для творчества обоих писателей типично описание эмоциональных состояний страха / ужаса, злости / ненависти, которые выражаются как вербально, так и невербально. В художественном тексте эти способы выражения эмоций передаются с помощью различных языковых единиц.

Рассмотрим способы вербализации эмоции *страха*. Прежде всего, отметим употребление языковых единиц отрицательной семантики, главным образом имен существительных и прилагательных, которые вызывают у читателя чувство страха. Так, Гофман в новелле «Der Sandmann» в качестве отрицательной номинации использует существительное *Satan* («Coppelius, verruchter Satan») [Hoffman].

Подобный прием характерен и для Э. По: «“*Scoundrel!*” I said, in a voice husky with rage, while every syllable I uttered seemed as new fuel to my fury; “*scoundrel! impostor! accursed villain!*”...» [Poe: 56]. «I had also been forced to notice that my *tormentor*» [Poe: 53]. В приведенном примере отрицательное отношение рассказчика к своему двойнику маркировано существительными с отрицательными коннотациями, что (в совокупности с восклицательными предложениями и приемом градации) указывает на интенсивность эмоций: *scoundrel, impostor, villain, tormentor*. У Э. По негативное отношение к отрицательному герою редко выражается с помощью прилагательных, например, *accursed*, чаще всего с помощью существительных.

У Гофмана прилагательные отрицательной семантики отражают отношение к герою-антагонисту и содержат характеристику, которая вызывает к нему неприязнь: «*Der fatale Wetterglashändler Giuseppe Coppola, widerwärtig, des grausamen Sandmanns, schreckliche Sandmann, häßlichen Advokaten Coppelius, abscheuliche Coppelius*» [Hoffman].

Отдельного внимания заслуживают номинации, описывающие состояние рассказчика, который испытывает чувство страха. Для создания у читателя эмоционального эффекта страха Э. По использует слова, характеризующие героя как жертву, что вызывает сострадание реципиента: «And am I not now

dying a *victim* to the horror and the mystery of the wildest of all sublunary visions?» [Poe: 28] или «To be brief upon a vile topic, none of the low finesse was omitted, so customary upon similar occasions that it is a just matter for wonder how any are still found so besotted as to fall its *victim*» [Poe: 48]. Состояние страха передается, как правило, с помощью языковых единиц с семантикой страха / ужаса: «But what human language can adequately portray *that* astonishment, *that* horror which possessed me at the spectacle then presented to view?» [Poe: 56].

При описании страха Гофман использует синонимы для усиления воздействия на читателя: «Als ich nun diesen Coppelius sah, ging es *grausig und entsetzlich* in meiner Seele auf»; «...alles *Entsetzliche und Schreckliche*, wovon Du sprichst, nur in Deinem Innern vorging» [Hoffman]. Гофман также использует метафору для описания реакции на страх: «*Das Herz bebte mir vor Angst und Erwartung*. — Dicht, dicht vor der Türe ein scharfer Tritt — ein heftiger Schlag auf die Klinke, die Tür springt rasselnd auf!» [Hoffman].

Для выражения состояния страха Гофман и Э. По используют также и грамматические формы, например, превосходную степень сравнения прилагательных, которая усиливает эмоциональное состояние героя: «Wilson's rebellion was to me a source of the *greatest* embarrassment» [Poe: 34]. «Nur noch den *schrecklichsten* Moment meiner Jugendjahre darf ich Dir erzählen» [Hoffman]. Эту функцию могут выполнять и усилительные частицы (even — даже; yet, still — ещё; just — как раз, именно; simply — просто; never — так и не).

Таким образом, можно сделать вывод, что в текстах Гофмана и Э. По имеют место как номинации рассматриваемых эмоций, так и выражающих их языковых единиц.

Кроме лексических средств эмоциональное состояние страха выражают и синтаксические конструкции. Прежде всего, это случаи использования *сравнительного оборота*: «Dunkle Ahnungen eines gräßlichen mir drohenden Geschicks breiten sich *wie schwarze Wolkenschatten über mich aus*, undurchdringlich jedem freundlichen Sonnenstrahl» [Hoffman]. Или «Mir war es, *als sei ich in schweren kalten Stein eingepreßt*» [Hoffman].

В рассказе Э. По «William Wilson» эмоциональное состояние страха сравнивается с лихорадкой героя во время болезни, что вербально выражается в предложно-именном словосочетании *with a fit of the ague*: «I saw, indeed, that they were his, but I shook as if *with a fit of the ague* in fancying they were not» [Poe: 42].

Другим способом выражения эмоции страха у Э. По и Гофмана является использование *невербальных знаков*, которые также воздействуют на читателя.

Одним из наиболее частотных невербальных компонентов коммуникации (далее — НВК) при описании страха служат фонационные НВК. В атрибутивных словосочетаниях ядерным элементом являются прилагательные, которые передают разные модуляции голоса. Например: «“Ja! — es ist Coppelius”, wiederholte der Vater mit *matter gebrochener Stimme*» [Hoffman]. Прилагательные *matter gebrochener*, характеризующие голос героя, в данном отрывке указывают на эмоции страха.

Невербальные способы выражения эмоции страха представлены у Э. По и Гофмана и такими *фонационными* НВК, как:

— *шепот* (провоцирует страх). Шепот в рассказе «William Wilson» Э. По указывает на появление двойника, которого боится главный герой Вильям: «At this moment I felt a light hand placed upon my shoulder, and that ever-remembered, low, damnable *whisper* within my ear» [Poe: 55]. «My rival had

a weakness in the faucal or guttural organs, which precluded him from raising his voice at any time *above a very low whisper*. It was the pregnancy of solemn admonition in the singular, low, hissing utterance; and, above all, it was the character, the tone, *the key*, of those few, simple, and familiar, yet *whispered syllables*» [Poe: 45].

— *звуки* (помогают создать атмосферу ужаса, страха, отчаяния).

У Гофмана встречается целый ряд звуковых эффектов, которые вызывают страх, так как ассоциируются с появлением Песочного человека. Это, главным образом:

— *скрип двери*: «Dicht, dicht vor der Türe ein scharfer Tritt — ein heftiger Schlag auf die Klinke, die Tür *springt rasselnd auf!*» [Hoffman].

— *звуки шагов*: «Einmal war mir jenes *dumpfe Treten und Poltern* besonders graulich»; «...*langsame eisenschwere Schritte* dröhnten durch den Hausflur die Treppe herauf» [Hoffman].

— *крик* как проявление страха испуганного: «*Matter und matter* wurden nun Claras Laute» [Hoffman]. Использование прилагательного «*matt*» в сравнительной степени в последнем примере отражает степень нарастания крика и усиления страха. Кульминацией, которая усиливает трагическое в данной сцене, становится фраза «*so erstarb die Stimme* in den Lüften», представленная глаголом «*sterben*» прошедшего времени и существительным «*die Stimme*».

Состояние страха / ужаса у Гофмана и Э. По помогают выразить *жестовые* НВК. Например, Гофман использует конструкцию *flehend die Hände*, характеризующую состояние героя, который полон страха и отчаяния: «Da hob mein Vater *flehend die Hände* empor und rief» [Hoffman].

У Э. По ощущение страха вызывает повторение двойником жестов героя: «There was that in the manner of the stranger, and in the tremulous shake of his uplifted finger, as he held it between my eyes and the light, which filled me with unqualified amazement» [Poe: 45]. Важной характеристикой персонажа может быть подчеркнутое отсутствие жестов, как у героини Гофмана (Олимпия). Это способствует появлению чувства страха и настороженности у героя: «...sie spielte mit keinem Schoßhündchen, mit keiner Lieblingskatze, sie drehte keine Papierschnitzchen, oder sonst etwas in der Hand» [Hoffman].

Среди контролируемых невербальных компонентов коммуникации важной характеристикой могут быть мимические НВК, которые отражают эмоции злости. Например, у Гофмана: «*meckerte er zähnfletschend!*» [Hoffman]. Миремические же НВК представлены у Гофмана взглядом, который выражает эмоции злости, ненависти: «Coppelius stand vor mir mit *funkelnden Augen*» [Hoffman].

Эмоции злости / ненависти в творчестве Гофмана и Э. По выражаются и с помощью проксемных НВК. Ярость и агрессия со стороны персонажа передаются причастием *dragging* в следующем примере: «*dragging him unresistingly with me as I went*» [Poe: 56]. У Э. По действия персонажа являются проявлением крайней степени злости, которая выражается в агрессии: «In a few seconds I *forced him by sheer strength against the wainscoting*, and thus, getting him at mercy, plunged my sword, *with brute ferocity*, repeatedly through and through his bosom» [Poe: 56]. В новелле Гофмана действия Песочного человека, когда он бросает Натанаэля в сторону очага, также выражают злость: «...*riß mich auf und warf mich auf den Herd...*» [Hoffman].

В рассматриваемых художественных текстах встречаются примеры использования контролируемых невербальных компонентов коммуникации респираторного характера — *смеха*. Страх провоцирует у героя панику и появление

безумного смеха на грани истерики, как, например, у Гофмана: «Ich muß es, das sehe ich ein, aber nur es denkend, *lacht* es wie toll aus mir heraus» [Hoffman].

Интересным представляется отрывок произведения, где в комплексе отражаются разные виды проявления злости: взгляд, фонация и смех: «...totenbleich starrte er Clara an, aber bald glühten und sprühten Feuerströme durch die rollenden Augen, gräßlich brüllte er auf, wie ein gehetztes Tier; dann sprang er hoch in die Lüfte und grausig dazwischen lachend schrie er in schneidendem Ton...» [Hoffman].

В творчестве обоих писателей эмоции страха и злости в ряде случаев выражены синкретично, например, у Гофмана: «Für der zweiten Treppe war verschlossen — stärker hallte Claras Jammergeschrei. Unsinnig vor Wut und Angst stieß er gegen die Tür, die endlich aufsprang» [Hoffman].

Отметим и описание психофизиологических реакций (далее — ПФР), эксплицирующих страх, в частности, *кашель*: «es *hustete* und *scharrte* und *brumnte* seltsam draußen» [Hoffman]. У Э. По крики отражают состояние крайнего ужаса, а также они могут предшествовать смерти, как в данном отрывке: «...which fell before him <...> with a shriek so horrid and harsh» [Poe: 99].

Эмоции страха в анализируемых художественных текстах также представлены ПФР *слезоотделения*, поскольку слезы зачастую связаны с эмоциями страха и отчаяния: «*Die Tränen* stürzten der Mutter aus den Augen. Er rannte fort, bittere Tränen vergoß die tief verletzte Clara: “Ach er hat mich niemals geliebt, denn er versteht mich nicht”, schluchzte sie laut» [Hoffman]. Или «*Schluchzend* rief sie laut» [Hoffman].

К движениям тела, обозначающим состояние страха, относится и такая психофизиологическая реакция как *ступор*: «...aber alles um mich her wurde schwarz und finster, ein jäher Krampf durchzuckte Nerv und Gebein» [Hoffman]. В данном примере наблюдаем ряд ПФР: дрожь, судороги, замирание тела «*ich war fest gezaubert*». Состояние оцепенения передается с помощью глагола *zaubern* (заколдовать, очаровать). Кроме того, у Гофмана можно наблюдать описание ПФР респираторного характера, которая проявляется в проблеме с дыханием: «*mein Atem stockte!*» [Hoffman].

Психофизиологическую реакцию страха в немецкой лингвокультуре концептуализирует фразеологизм *die Haare sträuben sich* (волосы встают дыбом). Гофман использует его, чтобы подчеркнуть состояние крайнего ужаса: «*die Haare sträuben sich* mir und es ist, als flehe ich Euch an, mich auszulachen, in wahnsinniger Verzweiflung, wie Franz Moor den Daniel. — Nun fort zur Sache!» [Hoffman]. Непроизвольная реакция Клары в новелле Гофмана «Der Sandmann», когда она вцепилась в перила, защищаясь от безумного Натанаэля, указывает на сильную отрицательную эмоцию страха: «Aber Clara *krallte sich* in verzweifelter Todesangst fest an das Geländer» [Hoffman]. Состояние оцепенения / ступора представлено в тексте поликомпонентным словосочетанием.

У Э. По также находим различные реакции тела на страх, которые часто проявляются в комплексе. Это такие состояния, как: оцепенение (выражается с помощью существительных *numbness, an iciness*), слабость в ногах, представленная предикативной фразой (*knees tottered*), а также проблемы с дыханием, что выражено причастным оборотом (*gasping for breath*): «I looked; — and a *numbness, an iciness* of feeling instantly pervaded my frame. My breast heaved, my *knees tottered*, my whole spirit became possessed with an objectless yet intolerable horror. *Gasping for breath*, I lowered the lamp in still nearer proximity to the face» [Poe: 42]. Для описания эмоции страха, которую испытывает

герой, используются определения, в том числе и обособленные, выраженные причастными оборотами: «*Awe-stricken, and with a creeping shudder, I extinguished the lamp, passed silently from the chamber*» [Poe: 43].

К психофизиологическим реакциям относится и динамика цвета лица и его частей. Например, у Гофмана: «*Aber die gräßlichste Gestalt hätte mir nicht tieferes Entsetzen erregen können, als eben dieser Coppelius. — Denke Dir einen großen breitschultrigen Mann mit einem unförmlich dicken Kopf, erdgelbem Gesicht, buschigten grauen Augenbrauen, unter denen ein Paar grünliche Katzenaugen stechend hervorfunkeln, großer, starker über die Oberlippe gezogener Nase*» [Hoffman]. В анализируемом отрывке прилагательные *erdgelbem, grauen, grünliche* при описании лица Песочного человека отражают эмоцию страха, которую испытывает Натанаэль.

В рассказе «William Wilson» Э. По прилагательное *pale* номинирует ПФР страха главного героя к двойнику: «*I stepped up to it in extremity of terror, mine own image, but with features all pale and dabbled in blood, advanced to meet me with a feeble and tottering gait*» [Poe: 57].

Следует отметить использование при описании внешности персонажа деталей, которые вызывают страх и антипатию. Например, у Гофмана волосатые руки у Песочного человека: «*Die ganze Figur war überhaupt widrig und abscheulich; aber vor allem waren uns Kindern seine großen knotigten, haarigten Fäuste zuwider, so daß wir, was er damit berührte, nicht mehr mochten*». В данном примере использовано соматическое прилагательное *haarigten*, модифицирующее соматизм *Fäuste*.

В анализируемых произведениях Гофмана и Э. По эмоция *страха* неразрывно связана с эмоциями *злости и гнева*, которые также выражаются с помощью вербальных и невербальных способов. Герои у Гофмана и Э. По, как правило, испытывают не только испуг, но и гнев, ненависть и даже ярость к тому, кто их пугает, к антагонисту. Рассмотрим отрывок текста, в котором эмоции ярости и страха представлены синкретично: «*They formed a motley and heterogeneous admixture; — some petulant animosity, which was not yet hatred, some esteem, more respect, much fear, with a world of uneasy curiosity*» [Poe: 36]. Слово с семантикой ненависти *hatred* расположено со словом с семантикой страха (*fear*).

Отрицательный персонаж изображается как злой, он испытывает чувство гнева, что, в свою очередь, вызывает реагирующее поведение адресата. Жертва преследования также находится под воздействием чувства злости / ненависти к своему противнику. Можно выделить следующие языковые средства выражения гнева, злости. Это, прежде всего, слова с отрицательной семантикой, характеризующие героя-антагониста, как в рассказе Э. По «Loss of Breath»: «*“Thou wretch! — thou vixen! — thou shrew!” said I to my wife*». В ряде случаев рассматриваемые эмоции описываются в речевых актах угрозы. В нижеследующем примере угроза выражается с помощью глагола *stab* (to push a sharp, pointed object, especially a knife, into somebody, killing or injuring them): «*Follow me, or I stab you where you stand!*» [Poe: 56].

Для выражения отрицательных эмоций авторы употребляют языковые единицы с семантикой злости / ненависти. Для текстов Гофмана типичны прилагательные, выражающие злость и отвращение к противнику: *abscheuliche*, которое имеет семантику «*ekelhaft, hässlich, abscheuerregend, in hohem Maße unangenehm*» [DWDS] («*Der verhaßte abscheuliche Coppelius*» [Hoffman]), *verruchte* — «*gemein, schändlich; ruchlos*» [DWDS], *gräßliche* — «*in hohem Maße unangenehm, heftigen Widerwillen hervorrufend, verursachend*»

[DWDS] («des gräßlichen Unholds»[Hoffman]). В нижеприведенном примере Гофман выражает эмоцию нарастающего неудовольствия, переходящего в гнев: «Wort ihrer Anklage fiel wie ein Funke in sein Inneres, so, daß der Unmut, den er wider den träumerischen Nathanael lange im Herzen getragen, sich entzündete zum wilden Zorn» [Hoffman].

Для Э. По характерно описание эмоции, спровоцированной раздражением, которое выражается с помощью существительных *vex*, *annoyance*, *harass*: «How his sagacity first discovered at all that so petty a thing would vex me, is a question I never could solve; but, having discovered, he habitually practised the *annoyance*» [Poe: 37]. Одной из ярких эмоций, которая неоднократно повторяется в рассказе Э. По «William Wilson» становится отвращение. Эта эмоция выражается с помощью существительных *repugnance* («a very strong feeling of dislike for something» [Oxford Learner's Dictionaries]), *disgust* (a strong feeling of dislike for somebody / something that you feel is unacceptable, or for something that looks, smells, etc. [Oxford Learner's Dictionaries]) и др. «I received it with a *repugnance* which gained strength as I grew in years»; «...when, upon the day of my arrival, a second William Wilson came also to the academy, I *felt angry* with him for bearing the name, and doubly *disgusted* with the name because a stranger bore it» [Poe: 38].

Двойник в рассказе Э. По «William Wilson», преследуя свою жертву, вызывает у рассказчика эмоцию раздражения: «How greatly this most exquisite portraiture *harassed* me (for it could not justly be termed a caricature)» [Poe: 39]. Близкой по значению эмоции раздражения является эмоция *досады*: «The feeling of *vexation* thus engendered grew stronger» [Poe: 38].

Более сильными отрицательными эмоциями у Э. По являются *ненависть* и *злоба*: «in some measure, abated, my sentiments, in nearly similar proportion, partook very much of *positive hatred*» [Poe: 40]. «I resolved to make him feel the whole *extent of the malice* with which I was imbued» [Poe: 42]. В ряде случаев имеет место использование контекстуальных синонимов, выражающих злость: «...had I less frequently rejected the counsels embodied in those meaning whispers which I then but too *cordially hated* and too *bitterly despised*» [Poe: 40].

Рассмотрим фрагмент рассказа «William Wilson» Э. По, где синонимический ряд способствует выражению обиды, злости: «I could not help observing, with a feeling made up of *wonder, abasement, and pique*, that he mingled with his *injuries, his insults, or his contradictions*, a certain most inappropriate, and assuredly most unwelcome *affectionateness* of manner» [Poe: 35].

Экспликации эмоций способствуют также усилительные частицы. В приведенном примере частица *still* выражает смешанные чувства злости и удивления от того, что двойник притягивает к себе соратников: «...just matter for wonder how any are *still* found so besotted as to fall its victim». Подобные функции выполняют и междометия. В текстах Э. По они помогают выразить эмоции отчаяния: «*Oh*, outcast of all outcasts most abandoned! — to the earth art thou not forever dead? to its honors, to its flowers, to its golden aspirations?» или «*Oh*, gigantic paradox, too utterly monstrous for solution!» [Poe: 31].

В рассказах Гофмана междометия обладают такой же семантикой: «“Ha! Sköne Oke — Sköne Oke”, sprang er über das Geländer». Кроме этого, в текстах Гофмана встречаются междометия, которые выражают эмоцию смеха («ha ha ha ha!»), что является проявлением агрессивного поведения персонажа и состояния безумия.

Таким образом, анализ художественных текстов Гофмана и Э. По показал значительные сходства при описании различных видов НВК. Наиболее частотными для произведений Гофмана и Э. По являются эмоции страха / ужаса и злости / ненависти, эксплицируемые как в вербальном, так и в невербальном поведении героев. Типичными способами языковой концептуализации рассматриваемых эмоций являются единицы отрицательной коннотации, усилительные частицы, междометия, сравнительные обороты метафорического характера. В невербальном поведении героев Гофмана и Э. По эмоции выражаются посредством контролируемых НВК фонационных, жестовых, ПФР (слезоотделения), специфических невербальных действий (скрип, кашель).

#### *Список литературы / References*

- Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Перемена, 2001. 495 с.  
(Krasavsky N.A. Emotional concepts in German and Russian linguocultures, Moscow, 2001, 495 p. — In Russ.)
- Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие для студентов. СПб.: Книжный Дом, 2007. 447 с.  
(Filimonova O.E. Emotionology of the text. Analysis of the representation of emotions in the English text: A textbook for university students, St. Petersburg, 2007, 447 p. — In Russ.)
- Шаховской В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 414с.  
(Shakhovskoy V.I. Linguistic theory of emotions, Moscow, 2008, 414 p. — In Russ.)
- DWDS. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. URL: <https://www.dwds.de/> (accessed: 13.04.2022).
- Hoffmann E.T.A. Der Sandmann. URL: <http://lingvo.asu.ru/germany/texts/hoffman/sandman.html> (accessed: 13.04.2022).
- Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 13.04.2022).
- Poe E.A. Tales of the grotesque and arabesque, Philadelphia: Lea and Blanchard, 1840, 243 p.

*Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 6.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 6.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

#### *Информация об авторе / Information about the author*

**Карташкова Фаина Иосифовна** — доктор филологической наук, профессор кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, [kartashkova@rambler.ru](mailto:kartashkova@rambler.ru)

**Kartashkova Faina Iosifovna** — Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, [kartashkova@rambler.ru](mailto:kartashkova@rambler.ru)

**Королева Вера Владимировна** — доктор филологических наук, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет, г. Владимир, Россия, [queenvera@yandex.ru](mailto:queenvera@yandex.ru)

**Koroleva Vera Vladimirovna** — Doctor of Science (Philology), Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, [queenvera@yandex.ru](mailto:queenvera@yandex.ru)

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 22—27.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 22—27.*

Научная статья

УДК 821.112.2(494)

DOI: 10.46726/И.2022.3.3

## ПАРАДОКС И ЧЕРНАЯ КЛОУНАДА В КОМЕДИИ Ф. ДЮРРЕНМАТА «МЕТЕОР»

*Ирина Станиславовна Киселёва*

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

lana.dollskaya@yandex.ru

**Аннотация.** В статье анализируются основные особенности комического в знаменитой комедии известного швейцарского немецкоязычного прозаика, драматурга и публициста Фридриха Дюрренматта. Как известно, характер комизма определяет жанровую разновидность комедии. Пьеса «Метеор» является черной комедией-фарсом, так как основной темой ее выступает смерть, и на протяжении двух актов комизм связан исключительно с подготовкой главной героя к кончине. В статье выявляется суть двух основных жанрообразующих элементов пьесы: парадокс и черная клоунада. Значение парадокса заключается в изображении явлений, лежащих за рамками обычного понимания действительности и содержащих в себе некое противоречие. Парадокс считается одним из наиболее мощных средств воздействия на читателя. Клоунада же указывает на глобальный характер конфликта, так как является собой взгляд на человека с позиции Космоса. Нет явления более всеобщего, одинаково предрешированного для любого существа, нежели физическая смерть. Этим фактом обусловлен выбор автором основного комического приема и его характер.

**Ключевые слова:** черная комедия, фарс, парадокс, клоунада, черная клоунада, жанр

**Для цитирования:** Киселева И.С. Парадокс и черная клоунада в комедии Ф. Дюрренматта «Метеор» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 22—27.

Original article

## PARADOX AND BLACK CLOWNING IN FRIEDRICH DURRENMATT'S COMEDY "METEOR"

*Irina S. Kiseleva*

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, lana.dollskaya@yandex.ru

**Abstract.** The article analyzes the main features of the comic in the famous comedy of the famous Swiss German-speaking novelist, playwright and publicist Friedrich Durrenmatt. As you know, the nature of comedy determines the genre variety of comedy. The play "Meteor" is a black comedy-farce, since its main theme is death, and for two acts the comedy is connected exclusively with the preparation of the main character for death. The article reveals the essence of the two main genre-forming elements

of the play: paradox and black clowning. The meaning of the paradox lies in the depiction of phenomena that lie beyond the ordinary understanding of reality and contain a certain contradiction. The paradox is considered one of the most powerful means of influencing the reader. Clowning, on the other hand, indicates the global nature of the conflict, since it is a view of man from the perspective of the Cosmos. There is no phenomenon more universal, equally predetermined for any being, than physical death. This fact determines the author's choice of the main comic technique and its character.

**Keywords:** black comedy, farce, paradox, clowning, black clowning, genre

**For citation:** Kiseleva I.S. Paradox and black clowning in Friedrich Durrenmatt's comedy "Meteor", *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 22—27.

Комедия Фридриха Дюрренматта «Метеор» впервые поставлена 20 января 1966 года в Цюрихе. Она вызвала немало споров и сразу же была определена как трудная для истолкования. «Почти все комментаторы цюрихского спектакля отказываются назвать главную идею пьесы, говоря о множестве возможных вариантов. Только церковная пресса однозначна в своей оценке этого “богохульного” произведения» [Павлова: 268].

Дюрренматт заметил однажды, что «парадокс — феномен сегодняшнего мышления. Сегодняшняя драматургия — драматургия парадоксов. В парадоксальном, — отмечал швейцарский драматург, — показывается действительность» [Симонян].

Парадокс лежит в основе уже жанрового определения. Пьеса «Метеор» является черной комедией, скорее даже черной комедией-фарсом, так как основной темой ее выступает смерть, и на протяжении двух актов комизм связан исключительно с подготовкой главной героя к кончине.

Сюжет практически строится на парадоксе. Комедия начинается со скорбного объявления по радио о смерти известного писателя, нобелевского лауреата Вольфганга Швиттера. В тот же миг он сам появляется на пороге мастерской художника и заявляет, что пришел сюда, чтобы умереть в той самой обстановке, где он сам рисовал 40 лет тому назад. Он дает бедному художнику Ниффеншвандеру и его жене денег, чтобы они ненадолго оставили его одного среди зажженных свечей, так как он уже обречен, и его смерть дело четверти часа. На самом деле известный профессор уже констатировал кончину Швиттера. Швиттер: «Моя болезнь — всемирная сенсация, моя смерть — общественное событие, а я удрал. Сел в городской автобус, и вот я здесь» [Дюрренматт: 213].

И снова парадокс: вместо мук агонии зритель видит массу действий, которые умирающий производит с невероятной энергией. Он хочет превратить свою смерть в торжественное, значительное событие, зажигает свечи, задергивает занавески. Однако умереть ему всегда что-то мешает: то его отвлекает жена художника, то многочисленные визитеры, то неправильно расставленная мебель, то бездарные картины Ниффеншвандера. Несколько раз все присутствующие думают, что Швиттер уже мертв, однако он снова поднимается и принимается за бурную деятельность: он пьет коньяк, соблазняет жену художника, просит своих посетителей помочь передвинуть мебель, велит вынести картины, выбрасывает венки, вступает в споры, сжигает в печи свои рукописи и полтора миллиона денег. При этом герой огорчается, что никак не может спокойно умереть: «Думал распрощаться с жизнью как-то достойно, по-человечески, а вот — наклюкался» [Дюрренматт: 223].

Парадоксально, что Швиттер, находящийся при смерти, никак не может умереть, более того, он полон энергии, но зато его посетители постоянно умирают: умирает сорокалетний пастор, умирает упавший с лестницы художник, умирает в кресле теща Швиттера, рассказав ему перед смертью о том, что его жена покончила с собой. А сам умирающий все жив и суетится, пытается устроить собственную смерть. Суетливость Швиттера вызывает смех. Герой настроился на смерть, все жизненные ценности утратили для него всякое значение, он освободился от бремени всех связей, как социальных, так и личных, сжег рукописи и деньги, прогнал наследников, его не смущают происходящие вокруг смерти. Перед лицом кончины делается несерьезным все. Реплики Швиттера звучали бы цинично, не будь он сам при смерти. Такое положение заставляет и зрителя воспринимать все происходящее как крайнюю степень условности, а значит, как клоунаду. «На комического героя, — пишет Дюрренматт, — мы чаще всего смотрим, как на клоуна, а с клоуном почти никогда не идентифицируются. В этом случае между зрителем и персонажем создается дистанция, ее создает смешное в персонаже, от которого зритель отмежевывается. В комическом, таким образом, заключается объективизация» (цит. по [Симонян]).

Когда в мастерскую приходит знаменитый профессор, который два раз констатировал смерть Швиттера, и застаёт его живым, то диалог снова приобретает парадоксальный характер. Пациенты профессора утратили доверие к нему как раз из-за того, что его пациент не умер, потому что с медицинской точки зрения он давно обязан был это сделать. Вообще никто не рад воскрешению Швиттера, для всех его смерть была бы куда более удобной.

Такой прием как неживое в живом нередко используется данным автором, присутствует и здесь, лишний раз доказывая, что перед нами клоунада: «Шлаттер. <...> Ваши легкие — ветошь. (Он указывает на рентгеновские снимки.) Ваши почки — обломочный материал, ваше сердце — кладбище, перепаханное бесчисленными инфарктами. Ваш мозг — сплошная известка... Целыми днями я не вылезал из операционной. Подключил вам искусственную почку, вставил вам в брюшную полость кишки из синтетического материала. Накачивал ваши легкие ядовитым газом. Заражал вас радиоактивными элементами. При этом не верил в ваше исцеление, вот в чем трагедия. <...> С вашей стороны было весьма безалаберно не умереть, так будьте же по крайней мере любезны войти в мое положение» [Дюрренматт: 259].

Однако речь идет об агонии, о смерти, поэтому перед нами черная клоунада.

Если вдуматься в художественные функции клоунады в пьесе, то стоит сначала вспомнить, какова философия клоунады, ее сущность. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что мы имеем дело с театральной клоунадой, которая все же отличается от клоунады цирковой: «Жанр театральной клоунады, даже при использовании приемов буффонады или эксцентрики, строится на развитии общего действия спектакля, когда каждый персонаж встраивается в сюжет, претерпевает определенные трансформации (характера, целей, взаимоотношений и т. д.) в соответствии с фабульными и смысловыми ходами. Цирковая клоунада, напротив, использует принцип узнаваемой маски, остающейся неизменной при любых обстоятельствах» [Лукьянов]. Клоунада — это не что иное, как пародия культуры на саму себя, взгляд на человека из космоса, с точки зрения вечности. Тогда как различные события жизни, связи, поступки, вещи, идеи кажутся человеку крайне важными, то стоит посмотреть на все эти ценности с космической точки зрения, так они окажутся

не более чем глупой суетой неразумных больших детей. Что есть по сравнению с вечностью мода? Не что иное, как нелепые костюмы, которые нацепили на себя эти неразумные существа, вообразившие себя хозяевами жизни, венцами творения. Итак, клоуны, лишённые возраста, национальности, привязанности к определенной эпохе — это люди вне времени, вне возраста, вне национальности. Это образ человека, увиденный сверху, с позиции вечности, человек вообще. Клоунада требует особого восприятия. Чтобы правильно ее воспринимать, т. е. находить клоунов смешными, необходимо отринуть частности, настроить себя на крайнюю степень условности происходящего, памятуя о том, что зритель смотрит с позиции Вселенной. Поэтому если в литературе появляется такой прием как клоунада, то следует предположить, что автор призывает читателя к такому «космическому» взгляду на героев, а значит, он хочет сказать о человеке вообще, обратить внимание на проблемы, присутствующие всему человечеству, независимо от места и времени.

Итак, в данном случае, если клоунада черная, то автор решает вопрос об отношении к смерти. С помощью парадоксов он переворачивает с ног на голову привычное представление о жизни, как о том, за что стоит бороться, и о смерти, как о поражении человека Швиттер хочет умереть: «Вина, покаяние, справедливость, свобода, милость, любовь — я отказываюсь от возвышенных мотивов и отговорок, которыми человек пользуется в своих общественных устройствах и разбойничьих походах. Жизнь жестока, слепа и брэнна... Ничто больше не имело для меня значения, ничто не имело ценности, ничто не имело смысла. В этом мире смерть — единственная реальность», — говорит он [Дюрренматт: 267]. Все то, что связано для него с жизнью, — это лишь нескончаемая пошлость и фальшь.

Говоря о творчестве писателя, герой воспринимает его как один из способов убежать от реальности: «Убегая от чудовищного хаоса вещей, я заточил себя среди химер, именуемых рассудком и логикой. Я окружил себя выдуманными созданиями, потому что не сумел заниматься реальными, ибо действительность нельзя постичь за письменным столом. Моя жизнь не стоила того, чтобы я ее прожил. Затем начались боли, начались уколы, появился скальпель. Пришли опыт и знание. Скрыться в мире фантазии я уже не мог. Литература мне изменила. Ничего не осталось, кроме моего старого, жирного, гангренозного тела. Ничего не осталось, кроме ужаса. И я опустился. Я падал, падал и падал. Ничто больше не имело для меня значения, ничто не имело ценности, ничто не имело смысла» [Дюрренматт: 267].

В мастерской художника, напоминающей его молодые годы, Швиттер хочет приобщиться к истинной полноте бытия, сделать свою смерть торжественным, грандиозным событием, когда «Возникают мысли, рушатся препоны, вспыхивают озарения...» [Дюрренматт: 215]. Говоря о жизни и о людях крайне цинично, в смерти он хочет быть поистине романтиком: «Когда приходит последний час, мы все склонны к романтике» [Дюрренматт: 216].

Смерть традиционно воспринимается как нечто неотвратимое, а в пьесе парадоксальным образом непреодолима жизнь. Все ждут, когда Швиттер наконец умрет, он сам восклицает в отчаянии: «Когда же я наконец схожну!» [Дюрренматт: 270].

«Комедия — это “своеобразная форма выражения отчаяния”» (цит. по: [Симонян]), — говорил Ф. Дюрренматт. Так как пьеса «Метеор» трактуется как «самая серьезная и личная» [Павлова: 270] в его творчестве, то избрав основной темой смерть, верный себе автор говорит, несомненно, о жизни.

Парадокс в том, что убежать от опостылевшей действительности желает человек, который имеет все: славу, деньги, почет уважение, поклонников. Он рассуждает о людях, о духовных ценностях, даже о Боге крайне цинично, не верит ни во что, кроме смерти, а с некоторым уважением относится только к своей теще, работающей уборщицей в сортире. Причина его уважительного отношения в том, что та рассуждает о проституции, как о самом честном труде на свете, позволяющем в старости иметь деньги и почет, если только запретить себе чувствовать и не выйти замуж. Свое писательство Швиттер тоже сравнивает с проституцией: «и с деловой, и с моральной стороны мы не так уж далеки друг от друга... Вы занимались блудом, а я литературой. Конечно, я старался быть порядочным. Писал только для заработка. Никаких нравов и житейских мудростей для потомков. Сочинял рассказы, и ничего больше. Давал пищу фантазии тех, кто покупал мои книги; за это имел право получать деньги и получал их» [Дюрренматт: 266].

Важным для понимания смысла пьесы представляется сравнение отношения к творчеству Швиттера и художника Ниффеншвандера. Гуго Ниффеншвандер никому не известен и беден, но считает себя непризнанным гением. На его бездарных картинах изображены всегда лишь только обнаженные женщины, и сам он говорит, что изображал только действительность. Свое творчество он считает настоящим и нетленным, тогда как Швиттер своими книгами осознанно лжет на потеху толпе и вполне это осознает: «У меня души нет, на нее не хватало времени. Попробуйте каждый год писать по книге, и с духовной жизнью мигом распрощаетесь» [Дюрренматт: 221]. При том Швиттер — нобелевский лауреат, и рассуждает о своих миллионах и славе примерно так же, как уборщица сортира о виллах и капиталах, которые она заработала на панели.

Истолковывая пьесу, Н.С. Павлова так определяет самый главный парадокс, который заключает в себе комедия: «Пьеса Дюрренматта по существу посвящена чудовищному, противоестественному и в то же время оправданному безвыходностью отношению героя к смерти, как посвящена она и противоестественному устройству жизни, порождающему к себе такое активное отвращение» [Павлова: 270]. Однако подняться до понимания того, что жизнь, которую он вел, отвратительна, сумел из всех героев только один лишь Швиттер. Все его посетители — сын, гуляка и бездельник, рассчитывающий на наследство, жена-проститутка, предприниматель — убийца Мухайм, издатель, пастор, доктор, — все эти персонажи начинают осознавать, что зашли в некий тупик только соприкоснувшись с непонятным для них феноменом: непомерной живучестью умирающего. Швиттер неумолимо разбивает все их замыслы, без всякого сожаления разрушает их судьбы».

Истинные клоуны всегда серьезны. Вот и герои пьесы погружены в свою действительность, в свои планы и иллюзии и не задумываются о жизни, бездуховность и фальшь их не смущают, лицемерие и неблагоприятные поступки ради денег кажутся им естественными. Прозревает только один Швиттер, и то потому, что давно уже, умирая, он насмотрелся на свою жизнь как бы со стороны, отрешившись от нее. Швиттер не видит в прожитой им жизни ничего значительного и стоящего, более того, он сделался противен сам себе и изо всех сил пытается выпутаться «из паутины ненужных и лживых связей. Смерть трактуется в пьесе как бунт, как полное истинного жизнелюбия стремление к естественности и свободе» [Павлова: 270]. Но как раз смерти он и не достигает, обреченный вновь и вновь воскресать, его

пошлая, опостылевшая реальность не отпускает его, постоянно врывается в его последнее прибежище в виде назойливых посетителей.

А вот «не прозревшие» еще, естественно держащиеся за жизнь остальные герои укладываются вокруг него штабелями трупов. А Швиттер, которому надоело существовать духовным трупом, зовет смерть, но при этом раз за разом оживает. Смысл пьесы действительно нельзя свести к тезису, как на это и указывал сам автор. Однако одним из вариантов истолкования пьесы представляется противопоставление прозрения умирающего героя и остальных персонажей, желающих жить, но духовно мертвых.

#### *Список литературы / References*

- Архипов Ю. 14 тезисов к Фридриху Дюрренматту // Дюрренматт Ф. Комедии. М.: Искусство, 1969. С. 480—503.  
(Arhipov Y. 14 theses to Friedrich Durrenmatt, *Durrenmatt F. Comedies*, Moscow, 1969, pp. 480—503. — In Russ.)
- Дюрренматт Ф. Метеор / пер. Н. Бунта // Дюрренматт Ф. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Прогресс, 1998. Т. 5. С. 209—270.  
(Durrenmatt F. Meteor, transl. by N. Bunt, *Durrenmatt F. Collected Works: in 5 vols*, Moscow, 1997, vol. 5. pp. 209—270. — In Russ.)
- Лукьянов С.Г. История возникновения и развития клоунады. URL: <https://nsportal.ru/kultura/teatralnoe-iskusstvo/library/2021/05/21/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-klounady> (дата обращения: 15.05.22).  
(Lukyanov S.G. History of the origin and development of clowning. — In Russ.)
- Макаров С.М. Клоунада мирового цирка М.: РОССПЭН, 2001. 367 с.  
(Makarov S.M. Clowning of the world circus, Moscow, 2001, 367 p. — In Russ.)
- Павлова Н.С. Жизнь-смерть-жизнь. Дюрренматт «Метеор» // Иностранная литература. 1966. № 7. С. 268—270.  
(Pavlova N.S. Life-Death-Life. Durrenmatt “Meteor”, *Foreign Literature*, 1966, iss. 7, pp. 268—270. — In Russ.)
- Симонян Л.О. Драматургии парадоксов (Фридрих Дюрренматт в «Иностранной литературе») // Иностранная литература. 1967. № 9. С. 234—236. URL: <https://first.livejournal.com/140108.html>  
(Simonyan L.O. Dramaturgy of Paradoxes (Friedrich Durrenmatt in “Foreign Literature”), *Foreign Literature*, 1967, iss. 9, pp. 234—236. — In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 16.06.2021; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 16.06.2021; approved after reviewing 23.06.2021; accepted for publication 30.06.2022.*

#### *Информация об авторе / Information about the author*

**Киселёва Ирина Станиславовна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, [iana.dollskaya@yandex.ru](mailto:iana.dollskaya@yandex.ru)

**Kiseleva Irina Stanislavovna** — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, [iana.dollskaya@yandex.ru](mailto:iana.dollskaya@yandex.ru)

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 28—38.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 28—38.*

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"

DOI: 10.46726/И.2022.3.4

## **НЕИСТОВЫЙ ФЕОФИЛАКТ. ПСЕВДОНИМ А.С. ПУШКИНА КАК АВТОПОРТРЕТ**

*Софья Михайловна Лукьянова*

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ivsu-info@yandex.ru

**Аннотация.** Статья посвящена актуальной проблеме интерпретации функциональных масок художника, позволяющих решать конкретные художественные и публицистические задачи в игровой форме. Объектом исследования является публицистическая маска А.С. Пушкина «Феофилакт Косичкин», комплексное изучение которой демонстрирует различные стратегии Пушкина-литератора и игровую многомерность его литературной личности. Основные результаты исследования показывают особую природу этой маски. Пушкин создает не просто имя, а игровую личность, наделенную характером, социальным положением, биографией, — нечто на грани маски и автопортрета. Косичкин создан для решения конкретной задачи тотального разоблачения «самозванца» Булгарина, но не путем прямой полемики, а с помощью литературной игры, которая должна запутать противника. Используя журналистский фельетон и маску «самозваного» автора, Пушкин вторгается на поле соперника, вкладывая свои идеи в уста «наивного читателя», и этот собирательный образ читателя-потребителя беллетристики раскрывает качество подобной литературы. Игровой «самозванец», будучи орудием в руках подлинного творца, таким способом заставляет настоящих «самозванцев» (с точки зрения истинного положения дел, а не их представлений) саморазоблачаться. «Литературная личность» Феофилакта Косичкина органично вписывается в ряд псевдонимов-масок, объединенных такими общими чертами, как функциональность, игровая природа, самозванчество и автопортретность. Все перечисленные черты — отражения определенных граней пушкинского дарования, призмы, как бы функционально сужающие, фокусирующие его многомерность для выполнения определенных творческих задач.

**Ключевые слова:** псевдоним; маска; самозванчество; автопортретность; мистификация; многомерность

**Для цитирования:** Лукьянова С.М. Неистовый Феофилакт. Псевдоним А.С. Пушкина как автопортрет // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 28—38.

Original article

## THE FRENZIED THEOPHYLACT. THE PSEUDONIM OF A. S. PUSHKIN AS A SELF-PORTRAIT

*Sofya M. Lukyanova*

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ivsu-info@yandex.ru

**Abstract.** The article is devoted to the actual problem of interpretation of the functional masks of the artist, which allow solving specific artistic and journalistic tasks in a playful way. The object of the research is the publicist mask of A.S. Pushkin “Theophylact Kosichkin”, a comprehensive study of which demonstrates various strategies of Pushkin the writer and the game multidimensionality of his literary personality. The main results of the study show the special nature of this mask. Pushkin creates not just a name, but a game personality endowed with character, social position, biography — something on the verge of a mask and a self-portrait. Kosichkin was created to solve the specific task of total exposure of the “impostor” Bulgar, but not by direct polemic, but with the help of a literary game that should confuse the enemy. Using a journalistic feuilleton and the mask of a “self-styled” author, Pushkin invades the opponent’s field, putting his ideas into the mouth of a “naive reader”, and this collective image of a reader-consumer of fiction reveals the quality of such literature. The game “impostor”, being an instrument in the hands of the true creator, in this way forces the real “impostors” (from the point of view of the true state of affairs, and not their ideas) to reveal themselves. The “literary personality” of Theofilakt Kosichkin organically fits into a number of pseudonyms-masks united by such common features as functionality, playful nature, imposture and self-portraiture. All these features are reflections of certain facets of Pushkin’s talent, prisms, as if functionally narrowing, focusing his multidimensionality to perform certain creative tasks.

**Keywords:** pseudonym; mask; imposture; self-portraiture; mystification; multidimensionality

**For citation:** Lukyanova S.M. The frenzied Theophylact. The pseudonym of A.S. Pushkin as a self-portrait, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 28—38.

Общеизвестно, что А.С. Пушкин питал особое пристрастие к псевдонимам. Зачастую это приписывается традиции пушкинского времени (когда В.А. Жуковский имел псевдоним «Маремьян Данилович Жуковятников, председатель комиссии о построении Муратовского дома, автор тесной коношни, огнедышащий экс-президент старого огорода, кавалер трех печенок и командор Галиматъи»; О.И. Сенковский — «барон Брамбеус», и т. д.) или желанию поэта скрыть свою реальную личность. Действительно, часто Пушкин прибегает к псевдонимам тогда, когда выступает в нетипичной для себя роли — не поэта, а, например, прозаика (Иван Петрович Белкин) или публициста, однако приписывать эту привычку боязни разоблачения или сомнениям в успехе произведения было бы неправильно, потому что любовь Пушкина к псевдонимам имеет гораздо более глубокие социальные, психологические и философские предпосылки и, следовательно, подлежит внимательному осмыслению.

Среди псевдонимов Пушкина немало цифронимов («1...14-16», «1...17-14», «1...14-17» — и др.), криптонимов («А. Б.» — первые две буквы русского алфавита, оформленные как инициалы), иногда встречается просто «А. П.»

(инициалы) или «А. П-нь». Пушкин как будто хочет, чтобы его расшифровывали и обязательно узнали, поэтому шифр всегда имеет доступный «избранным» ключ. Таковы, например, псевдонимы «Нкшп» (обратное прочтение согласных фамилии), геоним «Арз.» (усеченная форма слова «арзамасец» — в честь литературного кружка «Арзамас», что указывает на узкий круг адресатов — «своих» людей, близко знакомых с биографией автора). Псевдоним как бы предстает «именем для посвященных». Более загадочны собственно псевдонимы «Иван Петрович Белкин», «Издатель» (отсылка к деятельности автора), аллоним (гемероним) «Давыдов Д.» (здесь Пушкин, возможно, выражая солидарность или просто играя, использует имя своего близкого друга — поэта Дениса Давыдова) — и др. Иногда Пушкин вовсе не ставил подписи под статьями и рецензиями.

Предельный случай такого кодирования и самый таинственный псевдоним поэта — это «Я». Конечно, можно воспринимать его как зеркало начальной буквы имени «Александр», что вполне соответствует пушкинской шифровальной логике. Можно трактовать его как попытку создать псевдоним, расшифровка которого доступна только подлинному автору текста. Если рассматривать язык в качестве знаковой системы, можно заметить, что только к слову «я» не существует ясно определенной, единственной противоположности. Язык полон дихотомий: муж — жена, друзья — враги, близкие — чужие, он — она, мы — они, но к местоимению «я» возможно подобрать самые различные противопоставления: «я — ты», «я — он(а)», «я — они», «я — вы», «я — не я (другой)», «я — другие», «я — мы», «я — Бог»... Таким образом, «я» — это единственное, что мы можем противопоставить чему угодно. На возможность такой трактовки указывает пушкинское стихотворение «Ты и Вы», в котором эти местоимения имеют разные (противоположные) семиотические параметры.

Без сомнения, Пушкин мыслит свое имя как семиотическую систему. (Пушкин в целом был склонен использовать для обозначения на письме систему знаков, в которую входил, в частности, крестик — им он обозначал в альбомах уже изданные тексты.) Для него имя — это такой же инструмент авторской атрибуции, как автопортрет на полях рукописи, который тоже постоянно подвергается перекодировке — то в женский образ, то в образ старика, монаха и пр. Имя является инструментом «воскрешения» в стихотворении «Что в имени тебе моем?» В этом тексте имя многократно кодируется через шум волны, ночной звук в глухом лесу, узор надгробной надписи *на непонятном языке*. Имя составляет как будто некую тайну, обладает сакральным значением и мистическими свойствами.

В отличие от иронических псевдонимов, например, Чехова (их более 50: Антоша Чехонте, Шиллер Шекспирович Гете, Шампанский, Брат моего брата, Гайка № 6, Гайка № 9, Грач, Человек без селезенки, Акакий Тарантулов, Некто, Архип Индейкин — и мн. др.), псевдонимы Пушкина не равнозначны и не взаимозаменяемы. Практически каждый из них наделен особым функционалом.

«Феофилакты Косичкина» проще всего отнести к пайзонимам — шуточным псевдонимам, использующимся для усиления комического эффекта, тем самым поставив его в один ряд с чеховским «Человеком без селезенки» или катаевским «Митрофаном Горчицей». И такое обозначение было бы справедливым, имей мы дело с литературным псевдонимом, а не с публицистическим, полемическим лицом Пушкина-журналиста.

Хотел ли Пушкин, используя данный псевдоним, скрыть свою личность? Вероятно, он хотел сделать это временно, т. к. рассчитывал на совершенно

определенный эффект воздействия. Пушкин создает не просто имя, а игровую личность, наделенную характером, социальным положением, биографией, — нечто на грани маски и автопортрета (автопортретность и пристрастие Пушкина к псевдонимам связаны напрямую). Пушкин является носителем игрового сознания, предвосхитившим гипертекстуальные свойства постмодерна, присущие журналистике по ее природе.

Феофилакт Косичкин порожден конкретной ситуацией — необходимостью вести (а скорее, невозможностью не вести) полемику с Фаддеем Булгариным. Пушкин обнажает этим приемом сущность своего оппонента, который тоже притворяется не тем, кем является на самом деле, и Косичкин в данном случае (как прием) — препарация Булгарина, внутри которого обнаруживается Видок. Самозванцу противостоит самозванец. Так ли это?

И.П. Иоанниди напрямую указывает на то, что «А.С. Пушкин в полемических рассуждениях со своим оппонентом (статья “Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем”) представлен как “автор-маска”» и что «это был не просто псевдоним, а литературная маска, надев которую автор превращается в сатирический персонаж, однако при этом он дает возможность прорваться из-под маски своей иронии и негодованию» [Иоанниди: 11]. Е.Г. Тихомирова рассматривает псевдоним в качестве одного из важных выражений идеи маски в межличностной коммуникации [Тихомирова]. С.Н. Переволочанская смотрит шире, утверждая, что это «удачно найденный прием, где сатирический пушкинский образ, скрытый за маской, расширяет границы условного псевдонима Феофилакт Косичкин до литературного персонажа» [Переволочанская: 484]. Следовательно, перед нами одновременно автор и герой, занимающийся построением самого себя через речь, а значит, разновидность автопортрета. Функциональные сходства маски и автопортрета выражаются в идее самопознания. «Идея маски — направление пути, одновременно ведущего как к множественности Я, так и к его совершенной целостности. Маска — способ познания своей индивидуальности, идентификации, тождественности, порождающая ощущение неделимости, единства, иллюстрация способности Я к саморазвитию. Маска являет собой зеркало-текст, отражающее нас и мир в нас» [Тихомирова].

Не будем, однако, забывать, что самопознание — все же не основной мотив, который обычно движет публицистом. В современной журналистике, впрочем, метод маски (скрытого включенного наблюдения) обозначает совсем другое — он родился в 1890 году благодаря Нелли Блай, проведшей 10 дней в сумасшедшем доме ради репортажа. Пушкин, конечно, не менял профессию, не рисковал здоровьем и не вступал в конфликт с действующим законодательством. Зато пошел на определенный репутационный риск: выступил автором несуществующего романа «Настоящий Выжигин» — и именно этот обман возымел действие, нейтрализовав оппонента.

Главных текстов, написанных Косичкиным, два: это фельетоны «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце господина Булгарина и о прочем», опубликованные в 1831 году в журнале «Телескоп». Но это не единственный и не последний опыт создания Пушкиным сатирических образов-масок. В «Путешествии из Москвы в Петербург» с Радищевым полемизирует помещик-консерватор, а в анонимно вышедшей статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» под видом разбора статьи Лобанова критикуется современная литература (причем Ф.В. Булгарин в «Северной пчеле»

отметил анонимную статью как «дельную и хорошо написанную»). Характерно, что авторы этих сочинений больше похожи на маски не самого Пушкина, а его Косичкина.

Но Косичкин выступает не просто как аноним, а как самозванный автор. Действительно, его мнения никто не спрашивал — он сам решил вписаться в контекст. Е.И. Журбина справедливо акцентирует внимание на том, что уже в эпиграфе к фельетону «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» Пушкин цитирует Цицерона: «Я вышел на арену вместе с равными мне» [Журбина: 217], и это выстраивает притворный ассоциативный ряд, где автор мыслит себя в одном пространстве с Булгариным, Гречем, Орловым. Пушкин в свойственной ему интеллектуально-ироничной манере обозначает, что его Феофилакт будет работать на территории соперника, используя его методы. Пушкин оказывается самозванцем в ряду настоящих самозванцев, самозванчество которых спешит обличить.

Действительно, все герои «Торжества дружбы...» являются самозванцами. А.А. Орлов — как издавший свои романы о Выжигиных после успеха болгаринского «Ивана Выжигина» (1829). Булгарин — как сфабриковавший свой роман «Димитрий Самозванец», посвященный Гречу, и придержавший, будучи цензором, публикацию пушкинского «Бориса Годунова». Сам Пушкин-Косичкин так абсурдизирует ситуацию, иронизируя по поводу использования в романе Булгарина «Димитрий Самозванец» (1829) некоторых страниц рукописи «Бориса Годунова» (1825): «Но разве А.С. Пушкин не дерзнул вывести в своем “Борисе Годунове” все лица романа г. Булгарина и даже воспользоваться многими местами в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?» [Пушкин: 83]

Абсурдность усиливается тем, что Орлов совершенно не понимает сатирической направленности пушкинского фельетона, принимая его за выражение дружеской поддержки и даже предлагая знакомым копии письма за деньги, чем пользуется «арзамасец»-Пушкин для продолжения карнавализации ситуации. Литературная критика тех лет в целом была подвержена театрализации из-за моды на употребление псевдонимов («Лужницкий старец» (М.Т. Каченовский); «Житель деревни Тентелевой» (Н.И. Гнедич) — и др.), и Косичкин в этой «маскарадности» лишь доводит до абсурда уже готовый прием. Многие знали скептическую позицию Пушкина по отношению к такой театрализации критики, которую он высказывал ранее, следовательно, заподозрить Пушкина в Косичкине становилось сложнее — маска работала под прикрытием обозначенной позиции истинного автора, тем самым вписываясь в общую ситуацию игры, только на куда более «продвинутом» уровне. По мнению С.А. Дубровской, «поведение Орлова — абсолютно карнавальная ситуация с самоосмеянием: смеховые пушкинские фразы Орлов считает, как серьезную похвалу, как увенчание», и именно карнавалльно-смеховая глубина «определяет специфику комизма Пушкина-Феофилакты Косичкина» [Дубровская: 127]. Известно, что Орлов написал Косичкину письмо, на которое Пушкин ответил в свойственной Косичкину манере, от его имени, чем усугубил карнавальность ситуации.

Но Орлов в этой игре — вспомогательная фигура, случайная контекстуальная жертва пушкинской мистификации. Маска Косичкина была вызвана к жизни появлением серьезного оппонента, личность которого носила черты самозванчества. Поляк, названный в честь Тадеуша Костюшко, участвовавший в походе против французов, а затем воевавший против России;

сочувствовавший декабристам (даже одна из рукописей «Горя от ума» — Булгаринская), а затем сотрудничавший с Третьим Отделением, Фаддей-Тадеуш Булгарин, казалось, вовсе не имел лица, а только различные его выражения, выгодные ему в тот или иной момент. Булгарин, как тень, преследует Пушкина: то пишет «Бахчисарайский фонтан», то одновременно с ним избирается в Общество Любителей Русского Слова. (Формальным поводом для «войны», кстати, стала отрицательная рецензия А.А. Дельвига на роман Булгарина «Дмитрий Самозванец», ошибочно приписанная им Пушкину.) Пушкин, не желая признать законность Булгарина как явления, наделяет псевдонимами его самого (Флюгарин, Видок Фиглярин), будто с помощью новых масок пытается сорвать маску с истинного лица (но его нет!), однако для разоблачения оппонента этого недостаточно.

Ситуация требует игры более тонкой и более опасной — и Пушкин вынужден вступить на территорию врага. Его оружием оказываются журналистика, фельетон и собственное «самозванство».

Имя «Феофилакт Косичкин» — это не просто оксюморон, не только сочетание величественного и комического, — в нем уже закодирована пушкинская позиция. Во-первых, «Феофилакт» означает «Богом хранимый», следовательно, автор сразу дает понять, на чьей стороне находится высшая справедливость. Во-вторых, это перевод с греческого (и здесь зашифрован еще один контекстуальный участник полемики — Греч). Но есть и еще один неочевидный участник, уже с пушкинской стороны, — Н. Надеждин, издатель журнала «Телескоп». Это он позволил себе ряд критических замечаний в адрес романа Булгарина, это ему отвечает Греч про «мизинец» своего друга (параллельно обвиняя Орлова в плагиате). Отвечает не вполне этично, высмеивая «косичку» (намек на недворянское происхождение Надеждина, который был сыном дьякона и получил духовное образование насмешки). С большой вероятностью отсюда Пушкин и позаимствовал фамилию «Косичкин», тем самым давая понять, что он на стороне Надеждина.

И.П. Смирнов в статье «Самозванство и философия имени» указывает на связь самозванства с булгаковским представлением о том, что люди являются «выразителями энтелехии своего имени». «Узурпатор чужого имени полагает, что он, производя такую операцию, меняет свою сущность. <...> И выдвигая на социополитическую сцену одного за другим множество самозванцев, и философски борясь с этим явлением, русская культура была в своем основании продолжением платонизма» [Смирнов].

В том числе поэтому Пушкин не ограничивается именем, а наделяет Косичкина характером, предпочтениями, социальным положением. Положение это, очевидно, ниже пушкинского, поскольку он высказывает мнение о книгах, которых не читает образованная публика, и не стесняется при этом в выражениях, пародируя тем самым стилистику высказываний самих Греча и Булгарина. То, что не мог позволить себе дворянин Пушкин, с моцартианской легкостью делает неистовый Косичкин. Советские ученые были склонны видеть в нем маску бесхитростного носителя идеологии помещика-консерватора, однако такому не мог быть доступен весь спектр риторических приемов, которыми пользуется Пушкин в своих фельетонах, приближающихся по своему пафосу к памфлетам: от прямой пародии до мнимого согласия с оппонентом, от иронического тона к пародийно серьезному, от полнейшей наивности к удивительной осведомленности — и т. д. Н. Полевой называл пушкинскую маску «броней семинариста». А.В. Кошелев отмечает, что

«в реалиях журнальной борьбы начала 1830-х гг. позиция “дурака”, вздумавшего сравнивать “гении” Александра Анфимовича и Фаддея Венедиктовича, оказалась действенным средством» [Кошелев 2018: 126] и даже спровоцировала волну подражаний в критике.

Второй фельетон буквально высосан из пальца, поскольку исходной посылкой является единственная фраза Греча о мизинце Булгарина, на дальнейшей абсурдизации которой построен весь текст этой «филиппики».

Показательно, что Феофилакт Косичкин — потенциальный читатель, скорее, «Северной пчелы», а уж никак не «Современника». Пушкин самозванно вторгается на поле соперника, вкладывая свои идеи в уста наивного читателя, для которого в произведении важна в первую очередь занимательность сюжета. Можно сказать, что это собирательный образ читателя-потребителя беллетристики того времени, призванный дать убийственную характеристику этому роду литературы. Игровой «самозванец», будучи орудием в руках подлинного творца, таким способом заставляет настоящих «самозванцев» (с точки зрения истинного положения дел, а не их представлений) саморазоблачаться.

Несмотря на мнимый комический характер разыгранной ситуации, Пушкин использует в своей работе серьезные методы сбора данных, характерные более для современного журналистского расследования. Зрелый Пушкин обнаруживает удивительную для его темперамента скрупулезность и способность терпеливо работать с разными источниками информации (так он работал, как настоящий исследователь — историк и филолог, собирая материалы по истории пугачевского восстания или материалы об истории своего рода). Так и в своих фельетонах Пушкин оперирует не сплетнями и слухами, а ясно дает понять, что собрал много компрометирующего материала, что ему известны подлинные факты биографии Булгарина — от разжалования в солдаты и периода «ревельских запоев» до перебежек, сомнительной женитьбы и покровительства со стороны Бенкендорфа.

В довершение всего Косичкин объявляет о существовании рукописи романа «Настоящий Выжигин» и в качестве доказательства приводит его оглавление, представляющее собой не что иное, как нравственно-сатирическое содержание биографии Булгарина («Рождение Выжигина в кудлашкиной конуре», «Московский пожар, Выжигин грабит Москву», «Выжигин-ябедник. Выжигин-торгаш», «Выжигин пишет пасквили и доносы» и т. д.). Намеки на подобную осведомленность не могли не напугать оппонента. Обещая опубликовать или не опубликовать роман, «смотря по обстоятельствам» [Пушкин: 87], Пушкин, конечно, хитрил, играл и предугадывал реакцию человека, характер которого хорошо изучил. Естественно, поэт понимал, насколько его дарование больше замысла подобного произведения, и пошел ва-банк, заявляя о существовании романа, которого, с одной стороны, никогда не было, а с другой — он был уже в полной мере реализован всей жизнью своего главного героя. Одновременно это было мистификацией — приемом, не чуждым и любимым Пушкиным. Естественно, человек таких умственных способностей и душевных качеств, как Фаддей Булгарин, отреагировал на намек именно так, как и предполагал Пушкин, ведь он не знал, кто такой Косичкин, и не мог поручиться, что роман в самом деле не будет опубликован, что нанесло бы Булгарину сокрушительные репутационные потери. Пасквили прекратились, и необходимость в продолжении мистификации отпала. В.А. Кошелев неслучайно называет эту полемику «водевилем», обозначая характерные жанровые характеристики, среди которых драматическое напряжение, маски, интрига,

финал, увенчавшийся «торжеством справедливости» [Кошелев]. Учитывая масштаб литературной игры и градус развернувшейся полемики, можно говорить не только о водевиле, но даже в каком-то смысле о многосерийном литературно-критическом «блокбастере», в котором есть герой и антагонист, а также остросюжетный сценарий с мистификациями, перевоплощениями и разоблачениями (Косичкин с этой позиции неуязвим, ведь нельзя разоблачить того, кого нет).

У многих исследователей возникают разные версии при определении жанра произведений, подписанных Феофилактом Косичкиным и при попытках определения природы самого этого образа. Спектр жанровых обозначений варьируется от фельетона до памфлета и даже водевиля. Еще сложнее обстоит дело с самим Феофилактом.

В.В. Эйдинова в работе «Ю. Тынянов о “литературной личности”» отмечает, что Тынянову удалось проследить эволюцию форм пушкинского «авторского лица», «которая проявляется или “в новом использовании старых приемов”, или — “в смене конструктивного принципа”. Пушкин, по его наблюдениям, движется от стилизованного автора в лицейской лирике — к “поэту с адресом” (“потомок негров безобразный”); к конкретному автору в лирике 20-х годов; далее — к многоликому автору (“то эпический рассказчик, то иронический болтун” — в “Руслане и Людмиле”; к автору-эпику в “Цыганах”; к многомотивному лирическому автору в “Евгении Онегине”; наконец — “к нейтральному автору”, зачастую разделенному на два лица, — в прозе» [Эйдинова: 76]. Осмысление природы образа Феофилакты Косичкина чрезвычайно важно для понимания этих изменений, поскольку в чистом виде не вписывается ни в одну из заявленных модификаций. В нем есть черты и стилизованного автора, и иронического болтуна, но он как бы всегда оказывается сложнее (хитрее) одного определения. Это автор-самозванец, сущность которого нельзя свести к обыкновенной литературной маске, несмотря на то, что факт присутствия образа-маски в пушкинских фельетонах признавали такие ученые и публицисты, как Е.И. Журбина, Ю.Г. Оксман и др. Скорее, было бы правильнее утверждать, что в отношении некоторых псевдонимов Пушкина речь идет о «литературных личностях» автора. Феофилакт Косичкин — в их числе. Это личность, порожденная конкретной полемической ситуацией и утратившая свою необходимость после окончания острой фазы полемики (но предусмотрительно не «убитая» автором, в отличие от И.П. Белкина — следовательно, Пушкин мог предполагать, что Косичкин еще может пригодиться ему). Так не проще ли в таком случае надевать и снимать маску по мере необходимости, чем иметь в структуре авторских ролей «запасную личность» для написания текстов строго определенного рода? Но маска обычно предполагает ситуацию игры, в то время как самозванчество не является перевоплощением с целью игры. Пушкин, какие бы приемы он ни использовал, не просто играет, а ведет серьезную полемику с представителями враждебной идеологии и хочет добиться победы в принципиальном для себя вопросе. В пользу «личности» говорит и многоликость автора как прием, выражающийся в постоянных переходах от серьезного тона к сарказму; Косичкин как бы раскачивает читателя на эмоциональных качелях, постоянно срывает горизонты ожидания и, глумясь таким образом, держит своих оппонентов в нервическом напряжении. Феофилакт Косичкин — это своего рода псевдоним-автопортрет, сочетающий функциональное декларирование авторской позиции с игровыми приемами карнавализации.

Закономерно, что следующим шагом для Пушкина становится настоящая мистификация («Песни западных славян»), в которой он отказывается от псевдонима (не скрывает своего авторства) — и одновременно стремится к максимальной обезличенности, выдавая переложение Проспера Мериме за собрание подлинного славянского фольклора, заставляя читателя исходить сразу из нескольких ложных посылок. Это попытка создать «антиавтопортрет», где подмена строится на подмене, а уровень самозванчества становится критическим. Пушкин подписывает, но не выдает «Песни» за собственное сочинение, прикрываясь «замещающей» личностью иностранного автора. Также ему важно, чтобы собственный голос совпал с подлинным голосом народа, и здесь ему удается создать одновременно глубоко народный (причем в большой степени — русский, т. к. Пушкин при переводе вносит в стилистически нейтральный прозаический текст типичную для русского фольклора лексику, стилистические обороты, стиховые формы, даже заменяет некоторые числа на более символические — 3, 7 и т. д. Конечно, Пушкин знал, что сербы — не западные славяне, а южные) и абсолютно пушкинский цикл. «Пушкин сделал народные песни как бы фактом своего индивидуального творчества, не поступившись ни народностью, ни индивидуальностью», — пишет О.С. Муравьева [Муравьева: 163]. Эта многоуровневая игра — уже не напоказ, это игра в области чистого искусства. «Я перевел то, что записал не я, но тот, который не записал это, а написал», — как бы говорит Пушкин, прекрасно зная, что он именно написал, а не записал, но за основу взял написанное другим, и это не фольклор, принадлежащий народу, а произведение, принадлежащее автору, о котором Пушкин в предисловии говорит как об издателе (11 стихотворений из цикла представляют собой поэтическое переложение прозаического текста песен из книги Мериме «Гузла, или Избранные иллирийские стихотворения, собранные в Далмации, Боснии, Кроации и Герцеговине»). Буквально позиционирование «Песен...» Пушкиным — это калька, дословный перевод. Пушкин просто перевел на русский язык «Стихотворения, собранные в Далмации, Боснии, Кроации и Герцеговине» как «Песни западных славян», а «Мериме» перевел как «Пушкин». И нигде при этом не соврал, потому что книга Мериме также представляла собой мистификацию, хотя и основанную на тщательном изучении источников.

О.С. Муравьева указывает на то, что «в 1830-х годах Пушкин постоянно проявлял интерес к различного рода мистификациям. Его внимание привлекают и знаменитый мистификатор граф Сен-Жермен, выдававший себя за Вечного Жида (“Пиковая дама”), и современница Пушкина “кавалерист-девица” Наталья Дурова, в издании записок которой поэт принял, как известно, живое участие. Занимают его и серьезнейшая проблема о возможной мистификации в связи с авторством “Слова о полку Игореве”, и явные розыгрыши, такие как письмо Вольтера к Дюлису (“Последний из свойственников Иоанны д’Арк”). Много мистификаторов среди героев пушкинских произведений. Это и Дубровский, и Дон Гуан, и Бурмин из “Метели”, и Лиза из “Барышни-крестьянки”, и кухарка из “Домика в Коломне”. В известном смысле можно отнести сюда же и Самозванца (Лжедмитрия) из “Бориса Годунова”» [Муравьева: 149—150]. Приводятся и другие примеры.

Э. Свенцицкая пишет, что «более точной представляется трактовка произведения Мериме как необходимого Пушкину этапа на пути творческого овладения фольклорным мирозерцанием» [Свенцицкая: 319—320]. Возможно, «Песни...» действительно были тренировкой по выработке новой «литературной

личности» — фольклорной, автора сказок, над которыми Пушкин активно работает в этот период. Совпадение его интересов в области фольклора и мистификаторства заставляет некоторых полагать, что Пушкин, а не Ершов, вполне мог быть автором «Конька-горбунка». Эта гипотеза недоказуема, однако в ее пользу говорят некоторые наблюдения, в том числе совершенно «сказочные». Например, сам образ конька «с аршинными ушами», выступающего в роли волшебного помощника главного героя, может отсылать к домашней легенде о зайце, автором которой является сам Пушкин (якобы он не поехал самовольно в Петербург, куда собирался отлучиться из ссылки, чтобы принять участие в восстании декабристов, из-за того, что дорогу ему перебежал заяц, что является дурным предзнаменованием; таким образом, именно заяц спас Пушкина от ужасных последствий, поэтому он вполне мог «мифологизировать» это животное). В образе ерша, упавшего на колени, Пушкин вполне мог вывести Ершова, которому кит (сам Пушкин, так обозначивший свой масштаб в сравнении с «просителем») оказал услугу (подарил текст сказки) в обмен на загадочный «перстень Царь-девицы», о природе которого до сих пор спорят биографы. Изображая кита царским пленником, Пушкин мог указывать на то время, которое он провел в опале, в ссылках по воле императора. Пушкин сам дает столько поводов к подобным гипотезам, что не кажется удивительным даже возникновение вовсе конспирологической теории о инсценировке его гибели и продолжении литературной деятельности во Франции под именем Александра Дюма. Действительно, кто знает, до каких масштабов мистификаторства мог пойти поэт, если бы не роковая дуэль.

Таким образом, «литературная личность» Феофилакта Косичкина органично вписывается в ряд псевдонимов-масок, объединенных такими общими чертами, как функциональность (создаются для реализации конкретного замысла и исчезают после того, как он исполнен), игровая природа (мистификации), самозванчество [см., напр.: Лукьянова] и автопортретность. Все перечисленные черты — отражения определенных граней пушкинского дарования, призмы, как бы функционально сужающие, конкретизирующие и фокусирующие его многомерность для выполнения определенных творческих задач.

#### Список литературы / References

- Дубровская С.А. Переакцентуация смехового слова в прозе О.И. Сенковского 1830-х годов // Филология: научные исследования. 2018. Вып. 2. С. 120—129.  
(Dubrovskaja S.A. The re-accentuation of the laughing word in the prose of O.I. Senkovsky of the 1830s, *Philology: scientific research*, 2018, iss. 2, pp. 120—129. — In Russ.)
- Журбина Е.И. Искусство фельетона. М.: Худож. лит., 1965. 287 с.  
(Zhurbina E.I. The art of the feuilleton, Moscow, 1965, 287 p. — In Russ.)
- Иоанниди И.П. «Моя родословная» А.С. Пушкина (к вопросу об истоках стихотворного фельетона) // Вестник Оренбургского государственного университета. 1999. Вып. 2. С. 11—14.  
(Ioannidi I.P. “My pedigree” by A.S. Pushkin (on the question of the origins of the literary feuilleton), *Bulletin of the Orenburg State University*, 1999, iss. 2, pp. 11—14. — In Russ.)
- Кошелев А.В. Судьба Феофилакта Косичкина: пушкинская маска в русской критике начала 1830-х годов // Болдинские чтения 2018. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 124—129.  
(Koshelev A.V. The fate of Theophylact Kosichkin: Pushkin’s mask in Russian criticism of the early 1830s, *Boldinsky Readings 2018*, Nizhnyi Novgorod, 2018, pp. 124—129. — In Russ.)

- Лукьянова С.М. «Самозванчество» в контексте автопортретирования: «Моцарт и Сальери» А.С. Пушкина // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 4. С. 29—37.  
(Luk'yanova S.M. "Imposture" in the context of self-portraiture: "Mozart and Salieri" by A.S. Pushkin, *Ivanovo State University Bulletin. Series Humanities*, 2021, iss. 4, pp. 29—37. — In Russ.)
- Муравьева О.С. Из наблюдений над «Песнями западных славян» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. Т. 11. С. 149—163.  
(Murav'eva O.S. From observations on the "Songs of the Western Slavs", *Pushkin: Research and Materials*, Leningrad, 1983, vol. 11, pp. 149—163. — In Russ.)
- Переволочанская С.Н. Номинация как смысловой вектор пушкинской мысли // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. Вып. 2. С. 475—489.  
(Perevolochanskaia S.N. Nomination as a semantic vector of Pushkin's thought, *Bulletin of the RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 2019, vol. 10, iss. 2, pp. 475—489. — In Russ.)
- Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Критика и публицистика. М.: ГИХЛ, 1962. 590 с.  
(Pushkin A.S. Collected works in 10 volumes, vol. 6: Criticism and journalism, Moscow, 1962, 590 p. — In Russ.)
- Свенцицкая Э. «Песни западных славян» Пушкина как художественное единство // Вопросы литературы. 2001. Вып. 1. С. 319—328.  
(Sventsitskaia E. Pushkin's "Songs of the Western Slavs" as an Artistic unity, *Questions of literature*, 2001, iss. 1, pp. 319—328. — In Russ.)
- Смирнов И.П. Самозванство и философия имени // Звезда. 2004. Вып. 3. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=35> (дата обращения: 23.02.2022).  
(Smirnov I.P. Imposture and philosophy of the name, *Zvezda*, 2004, iss. 3. — In Russ.)
- Тихомирова Е.Г. «Маскарад имен» — псевдонимика (альтернативные самопрезентации) // Современные проблемы науки и образования. 2013. Вып. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7741> (дата обращения: 20.02.2022).  
(Tikhomirova E.G. "Masquerade of names" — pseudonyms (alternative self-representations), *Modern problems of science and education*, 2013, iss. 1. — In Russ.)
- Эйдинова В.В. Ю. Тынянов о «литературной личности» // Филологические науки. 1980. Вып. 3. С. 74—78.  
(Eidinova V.V. Yu. Tynyanov on the "literary personality", *Philological sciences*, 1980, iss. 3, pp. 74—78. — In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 03.05.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 03.05.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

#### **Информация об авторе / Information about the author**

**Лукьянова Софья Михайловна** — кандидат филологических наук, доцент отделения журналистики, рекламы и связей с общественностью, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, [ivsinfo@yandex.ru](mailto:ivsinfo@yandex.ru)

**Lukyanova Sofya Mikhailovna** — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, [ivsinfo@yandex.ru](mailto:ivsinfo@yandex.ru)

*Вестник Ивановского государственного университета.  
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 39—47.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 39—47.*

Научная статья

УДК 821.111

DOI: 10.46726/И.2022.3.5

## **«МОРАЛИТЕ» БАРРИ АНСУОРТА: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ РОМАНА АНГЛИЙСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА**

*Юлия Михайловна Садовникова*

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского г. Калуга, Россия,  
orangelioness@yandex.ru

**Аннотация.** В представленной работе рассматриваются особенности английского варианта романа постмодернизма на примере «Моралите» Барри Ансуорта (B. Unsworth «Morality Play»), который был опубликован в 1995 году, а впервые на русском языке был издан в 2005 году. Произведение Ансуорта является показательным примером плодотворного сочетания двух обновленных жанров: новой исторической фантастики и метафизического детектива. Подобный синкретизм объясняется спецификой самого английского постмодернизма, отличительные черты которого — тесная связь с литературной традицией и антимодернистская направленность в сочетании с комедийно-сатирическим содержанием. Современный английский роман характеризуется смешением жанров, вымысла и реальности и преобладающей критической деконструкции. Опираясь на исследования М.М. Бахтина, можно утверждать, что по законам «карнавализации», все привычное изменяется, через отрицание происходит обновление мира. В основе повествования лежит версия Барри Ансуорта, точнее переосмысление того, как в средневековые времена произошел переход от религиозной к светской драме.

**Ключевые слова:** постмодернизм, синкретизм, Барри Ансуорт, жанр моралите, карнавальная поэтика, игра

**Для цитирования:** Садовникова Ю.М. «Моралите» Барри Ансуорта: особенности структуры романа английского постмодернизма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 39—47.

Original article

## BARRY UNSWORTH'S "MORALITY PLAY": FEATURES OF THE STRUCTURE OF ENGLISH POSTMODERNISM

*Yuliya M. Sadovnikova*

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation,  
orangelioness@yandex.ru

**Abstract.** The article attempts to consider the specifics of the English version of postmodernism on the example of Barry Unsworth's novel "Morality Play", published in 1995, and for the first time in Russian was published in 2005. This is a good example of a fruitful combination of two updated genres: new historical fiction and metaphysical detective. Such syncretism is explained by the specifics of English postmodernism itself, a distinctive feature of which is a close connection with the literary tradition, an antimodernist orientation combined with comedic and satirical content. The modern English novel is characterized by a mixture of genres, fiction and reality and the prevailing critical deconstruction. Based on M.M. Bakhtin's research, it can be argued that according to the laws of "carnivalization", everything familiar changes, through denial, the world is renewed. The narrative is based on Barry Unsworth's version, or rather a reinterpretation of how the transition from religious to secular drama took place in medieval times.

**Keywords:** postmodernism, syncretism, Barry Unsworth, genre of morality, carnival poetics, game

**For citation:** Sadovnikova Y.M. Barry Unsworth's "Morality Play": features of the structure of English postmodernism, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 39—47.

Развитие современного английского романа на рубеже XX и XXI вв. происходит в диалоге реализма и постмодернизма, традиции и эксперимента, нового и старого, вечного и сиюминутного. Говоря о судьбе романа в Англии 1980—2000-х гг., Б.М. Проскурнин утверждает, что «в английских исторических повествованиях осмысляемого периода наличествует совсем иной принцип «работы» с историей: автор отнюдь не претендует на создание иллюзии реальности изображаемого, наоборот, он всячески подчеркивает, что излагает свою версию когда-то произошедших событий, и чем более частной является эта версия, чем более лично проживание этих событий, тем лучше» [Проскурнин: 47]. Таким образом, современные писатели, обращаясь к истории, предлагают иную, альтернативную трактовку событий прошлого, ставя своей целью не воссоздание эпохи, а формирование новой реальности, совмещив классические и модернистские каноны.

Английский писатель Барри Ансуорт, известный своей исторической фантастикой, опубликовал 17 романов и вошел в шорт-лист Букеровской премии трижды, один раз выиграв. Роман «Моралите» («Morality Play») был опубликован в 1995 году, а впервые на русском языке был издан в 2005 году и является примером плодотворного сочетания двух обновленных жанров: новой исторической фантастики и метафизического детектива. Несмотря на то, что произведение было написано в XX веке, действие происходит в Англии в эпоху Средневековья во второй половине XIV века, когда свирепствует Черная Смерть. Не случайно повествование начинается словами: «Все это

началось со смерти, и ещё одна смерть вела нас» [Ансворт: 2]. Образ смерти в романе выступает еще одним персонажем, т.к. именно тема смерти становится магистральной.

О.А. Кривцун в «Эстетике» определяет постмодернизм как «игру по-смертным масок», обращение с персонажами постмодернизма, которые легко управляемы, уподобляет «манипуляции с трупами» [Кривцун: 420]. «Манипуляции с трупами» в романе Барри Ансуорта сопровождают главного героя на протяжении всего романа. В первой главе повествователь произносит пророческую фразу: «Но, клянусь, мне и в голову не приходило занять место покойника. Знай я, в какую ловушку зол заведет нас эта смерть у дороги, то незамедлительно пошел бы своим путем, ни словечка не сказав и со всей быстротой, на какую был способен» [Ансворт: 5].

Обратимся к названию романа. Моралите — это средневековый жанр нравоучительного аллегорического театрального представления с библейским сюжетом, зародившийся в Средние века во Франции, а в XV в. достигший большой популярности в Англии, появившись из мираклей и мистерий, моралите делает «шаг» от библейских сюжетов к светским.

Мария Хесус Мартинес Альфаро [Alfaro: 79—92] указывает на сходство между романом и средневековыми пьесами о морали; Ричард Рэнкин Рассел [Russell: 221—239] предполагает, что структура романа повторяет этапы раскаяния, в конечном итоге приводящие к исповеди и отпущению грехов; и, наконец, Дж. Кэмерон Мур [Moore: 321—340] рассуждает о том, как на рассказчика влияет его встреча со злом даже после окончания действия.

Назвав роман «Моралите», Барри Ансворт не пытался показать какую-то конкретную пьесу, странствующие актеры зарабатывали на жизнь, разыгрывая мистерии и миракли. М. Боккарди [Boccardi: 204—213] считает, что слово «мораль» — сильное слово в английском языке двадцать первого века; роман рассказывает о различных видах морали, которые могут возникнуть из разных представлений об актерской игре. Барри Ансворт создает основанную на реальных событиях историю, что не было свойственно жанру моралите, используя аллегорических персонажей.

Странствующие актеры, движимые голодом и нищетой, соглашаются со своим главарем в том, что вместо отрепетированной «Игры об Адаме» они должны показать совершенно новую во всех смыслах пьесу «Игру о Томасе Уэллсе». Они создают новую реальность, отступив от общепринятых канонов жанра.

Ансворт показывает нам, как труппа актеров решает перейти от религиозных сюжетов мистических и нравственных пьес к событию из реальной жизни — убийству маленького мальчика. Комедианты создают свою реальность, обретающую смысл, указывая на задумку автора: в основе романа лежит версия писателя, точнее переосмысление того, как в средневековые времена произошел переход от религиозной к светской драме.

Мартин, старший труппы, видит только один выход, чтобы сделать то, что «жонглеры не могут» [Ансворт: 34], он предлагает «сыграть убийство» [Там же]. Труппа не понимает: «Как могут люди сыграть то, что совершено только один раз? Где для этого слова?» [Там же]. Соломинка уверен, что это безумие, в подтверждение своих слов «он вскинул обе руки и зашевелил пальцами в жесте хаоса» [Там же]. Маргарет убеждена, что «Женщина, которая совершила это, еще жива, — сказала Маргарет. Если она жива, то она в своей роли, никто другой не может сыграть за нее» [Там же]. Мартин пытается

убедить своих товарищей, что с профессиональной точки зрения нет разницы между убийством Авеля и убийством Томаса. «Тобиас покачал головой. Оно само по себе, — сказал он. О нем нигде не написано. А про Каина и Авеля говорится в Библии» [Там же].

Никлас счел предложение Мартина «кошунственным»: «В Священном Писании есть дозволение, — сказал я. История Каина и Авеля завершена по мудрости Божьей, это не просто убийство, оно находит продолжение в каре. Оно происходит по воле Творца. Как и это убийство, как и все убийства в мире, — сказал Прыгун, а его худое лицо, лицо вечного сироты, уже озаряла мысль Мартина. Воистину, — сказал я, — но здешнее лишено общего признания, Бог не даровал нам эту историю для нашего использования. Он не открыл нам ее смысла. Значит, в этом убийстве смысла нет, это просто смерть. А комедианты подобны всем людям, они не должны выдумывать свой смысл. Это ересь, это источник всех наших бед, по этой причине наши прародители были изгнаны из Земного Рая» [Ансворт: 34—35].

Средневековая литература основана на христианских идеалах и ценностях и стремится к эстетическому совершенству. Литературное произведение для средневекового человека теряет смысл, если отсутствует моральная составляющая. Название жанра моралите происходит от латинского «moralis» — нравственный. Мартин, по мнению Никласа, предлагает безнравственный поступок, им движет жажда обогащения. Чтобы похоронить одного, они должны «воскресить» другого. Игра о Томасе Уэллсе должна была возместить траты на церковные похороны Брендана. Таким образом, для развития сюжета важнейшей категорией является профанация, происходит приземление священных текстов, точнее приземление жанра. Грешники-лицедеи, взяв за основу Священное Писание, создают по образу и подобию библейского сюжета свою новую Игру. Характерными чертами постмодернизма являются интертекстуальность и создание новой реальности. Переосмыляется библейский текст, жанр моралите становится социально-бытовым и основывается на реальной истории.

Убийство становится предметом пьесы для жителей деревни, и их игра оказывается средством расследования преступления, которое превращает игроков в своего рода детективов. Чтобы «сыграть убийство», комедианты собирают улики. В процессе инсценировки осознают, что невозможно разыграть все события в правильной последовательности. Сомнения в правдивости полученной информации возникают на сцене, в момент разыгрывания. Предлагаемые обстоятельства лишаются смысла, потому что рушатся причинно-следственные связи, появляются иные мотивы и возможности. Представление начинает выходить за рамки обычной Игры и, как в шекспировском «Гамлете», превращается в род следственного эксперимента.

В романе Барри Ансуорта «Моралите» можно выделить черты, присущие постмодернистскому роману: хаотичное разорванное сознание личности, карнавализация как признание имманентности смеха, «веселой относительности» предметов, как участие в диком беспорядке жизни.

Находясь в поиске, терзаясь сомнениями, главный герой, от чьего лица и ведется повествование, перестраивает свой привычный уклад жизни, трансформируя себя, подчиняясь предлагаемым обстоятельствам. Никлас Барбер, «бедный служитель Божий» [Ансворт: 4], а также «беглец, без разрешения покинувший пределы своей епархии» [Ансворт: 5], встречает на своем пути бродячих комедиантов. Автор иронизирует и десакрализирует

с первой главы, показывая человека, облеченного саном священнослужителя, который соглашается принимать участие в игрищах и начинает практиковать ремесло, воспрещенное Святой Церковью, важно отметить, что Никлас занимает в труппе место покойника, умершего во грехе. Бедный школяр смалодушничал и «опоздал исполнить свой долг» [Ансворт: 3]. Таким образом, перед нами грешный поп, который вместо того, чтобы отпустить грехи, добавил их к своим, облачившись «в грязные и зловонные тунику и куртку Брендана» [Ансворт: 9]. Барри Ансуорт подвергает сомнению истинность того суждения, что священнослужители безвинны. Можно предположить, что подобно герою жанра моралите, душе Никласа предстоит пройти ряд испытаний, и встреча с бродячими комедиантами не случайна. Заменив Брендана, главный герой примет участие в моралите о своей душе. Священнослужитель, который забыл о морали, должен научиться её играть, подобно комедиантам. С первых глав, спародировав структуру жанра моралите, бродячая труппа начинает посмертное путешествие своего товарища и подобно добродетелям борется за его душу. «Тут же его подняли, и он был уложен среди масок и костюмов со свернутой веревкой под головой и укрыт полосами алого сукна, которые они возили с собой, чтобы вешать как занавес в глубине сцены» [Ансворт: 11].

За одиннадцать дней до Рождества, подчиняясь движению, труппа принимает решение продолжить странствия. Нарушив христианские законы и не предав своего товарища земле, комедианты путешествуют с неуспокоенной душой, чтобы похоронить его в освященной земле. Перед нами не что иное, как карнавальный хронотоп: Брендан окончил свой земной путь, но продолжает движение.

Для творчества постмодернистских художников (У. Эко, Д. Фаулза, Д. Барта и др.) характерна теоретическая рефлексия о романе, обуславливающая синкретичность жанров. Трансформация религиозной дидактики позволяет говорить об эволюции жанров. Фабула оказывается важнее законов жанра, границы которых размыты, а структурные признаки, несмотря на указанный автором жанр — роман «Моралите», позволяют нам говорить о синкретизме жанров: фаблю, авантюрного романа, рыцарского романа.

В отличие от классического романа с линейным повествованием и сюжетостроением, роман постмодернизма создает бесконечное разнообразие и вариативность текста, «открытого» для многозначных прочтений и интерпретаций.

Несмотря на трагическую составляющую романа, основанного на смерти двенадцатилетнего мальчика, можно отметить карнавальный смех, который вызывает вся эта ситуация: труппа гастролирует с покойником, рассказывая историю покойника. Таким образом, смерть продолжает вести героев и читателя. Люди становятся участниками представления и смеются от того, что видят смерть. В пьесе про убитого мальчика, сам того не желая, принимает участие Брендан. Если вспомнить тот факт, что изначально его завернули в занавес, то можно с уверенностью заявить, что своей смертью он благословил их на постановку. Ситуация изначально перевернута и основана на фарсе.

Карнавал не знает разделения на исполнителей и зрителей. Во время карнавала можно жить только по законам карнавальной свободы. Ганс-Георг Гадамер, говоря о понятиях «игра» и «праздник», утверждает, что игра обозначает совместное действие, в котором участвуют все. «Подобное определение игрового действия в то же время означает, что игра всегда требует участия в ней» [Гадамер: 17]. Зрители, в большей своей степени ставшие

невольными соучастниками, сами о том не догадываясь, творят историю и присутствуют при рождении нового жанра.

Странствующие комедианты реконструируют убийство, используя официальную версию. Убийца Томаса Уэллса находится в тюрьме, поэтому комедианты собирают дополнительную информацию, чтобы объяснить, каким образом произошло убийство и как улики привели к преступнику. Блуждая по лабиринтам показаний свидетелей, они приходят к выводу, что у официальной версии убийства есть автор, точнее преступник-исполнитель. Именно он ввел всех в заблуждение, пустив всех по ложному следу. Во втором спектакле шесть персонажей Игры о Томасе Уэллсе находятся в поисках автора. Все нити ведут к духовнику лорда, монаху-бенедиктинцу, который обвинил девушку и нашел кошелек в ее доме. Но если он автор, то этот автор оказывается мертвым. Второе представление снова без финала, оно прервано внезапным появлением солдат с мертвым телом монаха. Истина, кажется, отступает по мере того, как игроки приближаются к ней. Смерть монаха проливает свет на преступление и приближает комедиантов-детективов к развязке:

«— Кто видел, как мальчика похоронили? — Голос Мартина загремел над всем двором. Задавая вопрос, он посмотрел на нас, и мы ответили ему нестройным хором:

— Управляющий Лорда.

И вновь загремел его голос, требуя ответа:

— Кому служил Монах?

И опять в один голос, будто принуждаемые, мы ему ответили:

— Он был духовником Лорда, он служил благородному Лорду»

[Ансворт: 77].

В романе постмодернизма карнавальная поэтика устроена иначе. Карнавальная поэтика сохраняется, но меняется, чтобы детективная составляющая не была нарушена. Роман Барри Ансуорта построен на профанации и амбивалентности.

М.М. Бахтин<sup>1</sup> в своей работе «Проблемы поэтики Достоевского» рассуждал о ведущем карнавальном действе «увенчание и последующее развенчание карнавального короля», причем «увенчание — развенчание — двуединый амбивалентный обряд»: «Сквозь увенчание с самого начала просвечивает развенчание. И таковы все карнавальные символы: они всегда включают в себя перспективу отрицания (смерти) или наоборот. Рождение чревато смертью, смерть — новым рождением» [Бахтин: 140].

В исследуемом романе можно найти подтверждение взглядов Бахтина: смерть комедианта Брендана — «рождение» комедианта Никласа. Перед нами развенчанный карнавальный король. В «Моралите» два карнавальных короля, представляющих собой амбивалентную пару: Никлас Барбер — Симон

<sup>1</sup> К проблеме анализа «карнавальной» поэтики обращаются не только исследователи средневековых жанров, но и произведений современных отечественных и зарубежных авторов: так, к изучению тоталитаризма через теорию карнавала обращается Б. Гройс [Гройс: 104—126]; изучением карнавальной поэтики в повести Б. Васильева «Завтра была война» занимается О.Е. Похаленков [Ковалева, Похаленков: 33—43], интерпретацию «Капитанской дочки» А.С. Пушкина с точки зрения теории Бахтина поднимала в своих работах И.В. Марусова [Марусова], исследуя творчество Томаса Гарди, обращает внимание на монизм и карнавальную традицию Г. Викенс [Wickens].

Дамиан. Обладая противоположными качествами, герои романа проходят через ряд переодеваний и масок. Никлас в самом прямом смысле: носит одежду умершего, надевает маски пороков. Симон Дамиан изначально скрыт под маской духовника Лорда, в финале своего жизненного пути будет разоблачен. Пародия на религию. Являясь священнослужителями, герои грешат, что противоречит законам морали. Герои открывают свою истинную сущность. Как итог, Симон Дамиан развенчан, а Никлас повенчан, ведь именно он, не являясь комедиантом по профессии, был допущен до разговора с судьей.

По законам жанра моралите Никласу уготована встреча с Правосудием. Убежав из замка Лорда, покинув сцену «Игры о Томасе Уэллсе», наш герой продолжает существовать в жанре пьесы о морали. Персонаж Правосудие одновременно является аллегорической фигурой — Правосудием — и Королевским Правосудием, которое прибыло в город по неизвестным до этого момента причинам. Когда Николас делится с ним тем, что он знает, Правосудию удается разгадать тайну гибели двенадцатилетнего мальчика. Правосудие действует не по канону. Он пришел в деревню не для того, чтобы отомстить за Томаса Уэллса и других мальчиков или предотвратить повешение невинного. Судья выслушал Никласа не потому, что он беспокоился о судьбе комедиантов.

«Королевское правосудие? — сказал он. — Знаешь ли ты, что такое королевское правосудие? Ты думаешь, что я оставил бы дела в Йорке, проехал бы эти утомительные мили в такую погоду до этой жалкой гостиницы, где мне подают еду, годящуюся только для свиной кормушки, ради мертвого серва и немой козьей пастушки?

— Я не подумал, что могла быть другая причина твоего приезда. Я думал...

— Ты думал, что я один из твоей труппы, один из комедиантов, прибывший, чтобы надеть маску Юстиции в вашей Правдивой Игре о Томасе Уэллсе? Имелся Монах, и Лорд, и Ткач, и Рыцарь. А теперь еще Судья, который в конце расставит все по своим местам. Но я занят в другой Игре. Как, ты сказал, тебя зовут?» [Ансворт: 94—95].

Даже в поведении Правосудия можно отметить ироническую переоценку ценностей. Под маской Правосудия скрывается судья, играющий свою роль, подобно комедиантам. Он прибыл не вершить правосудие, а получить информацию о сэре Ричарде де Гизе, одном из сильнейших баронов Англии, который стал опасно могущественным, и с которым у короля были проблемы в течение многих лет. Единственный способ заставить его покорно подчиниться королю — это найти что-нибудь против него, что-нибудь вроде истории о содомии с участием его собственного сына и наследника.

«И теперь я знаю правду.

— И теперь ты предашь его правосудию, одновременно служа делу короля.

Он покачал головой и опять улыбнулся.

— Вижу, тебя сажали переписывать не те книги, — сказал он. — Ты думаешь, де Гиз кротко согласится предстать перед судом? Правосудие труднее применить к сильному, чем к беззащитному. Больше всего он озабочен славой своего рода. Природа этого преступления для нас великая удача.

— Удача? Томас Уэллс не сказал бы так, имей он голос» [Ансворт: 96].

Правосудие призывает «обратить случившееся себе на пользу» [Там же]. Правосудие воспользуется шантажом: «я поговорю с ним, и он прислушается, и будет продолжать прислушиваться до конца своих дней» [Там же].

О какой моральной составляющей может идти речь? Судья считает мертвых мальчиков полезными для своих целей, а девушку и комедиантов — просто случайностями. Правосудие оказывается вовсе не Правосудием, а грешным человеком.

Николас и Правосудие хоронят мертвое тело Томаса Уэллса, которое все еще несет на себе не только следы преступления, но также и следы чумы. Правосудие не задержало убийцу, читателя заставляют предположить, что мальчик передал ему болезнь, а значит справедливость восторжествует, зло будет наказано.

Средневековая культура религиозна и ориентирована на воспроизведение канона. А канон — это Священное Писание. И вымысел, и злоба дня считались от лукавого. Представляя Игру о Томасе Уэллсе, актеры не просто находят убийцу — они нарушают средневековую мораль, по понятиям того времени, наживаются на убийстве ребенка. Можно прийти к выводу, что моральная составляющая романа оказывается перевернутой. Никлас понимает, что жизнь — это не моралите, где все является частью тщательно продуманного сюжета.

Финал романа остается открытым, неизвестна судьба комедиантов в замке Лорда. Несмотря на то, что личность преступника раскрыта, роман заканчивается чувством беспокойства, разочарования и неуверенности, что отличает его как от моралите, так и от классических детективных историй.

Таким образом, в «Моралите» Б. Ансуорт показывает, что в литературе постмодернизма все, принимаемое за действительность, на самом деле не что иное, как лишь представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена ее ведет к кардинальному изменению самого представления.

#### Список литературы / References

- Ансуорт Б. Моралите: роман / пер. с англ. И. Гуровой. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 239 с.  
(Ansvort B. Moralite: a novel, Moscow, 2004, 239 p. — In Russ.)
- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. Соч.: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 505 с.  
(Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics, *Bakhtin M.M. Collected works in 7 volumes*, Moscow, 2002, vol. 6, 505 p. — In Russ.)
- Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.  
(Gadamer G.G. Relevance of the beautiful, Moscow, 1991, 368 p. — In Russ.)
- Гройс Б. Ницшеанские темы и мотивы в Советской культуре 30-х годов // Бахтинский сборник. Вып. 2. М., 1992. С. 104—126.  
(Groys B. Nietzschean themes and motifs in Soviet culture of the 30s, *Bakhtin collection*, iss. 2, Moscow, 1992, pp. 104—126. — In Russ.)
- Ковалева В.С., Похаленков О.Е. Карнавальная поэтика повести Б. Васильева «Завтра была война» // Известия Смоленского государственного университета. 2021. Вып. 1 (53). С. 33—45.  
(Kovaleva V.S., Pokhalenkov O.E. Carnival poetics of B. Vasiliev's story "Tomorrow was the war", *Izvestiya of Smolensk State University*, 2021, iss. 1 (53), pp. 33—45. — In Russ.)
- Кривцун О.А. Эстетика. М., 1998. 549 с.  
(Krivtsun O.A. Aesthetics, Moscow, 1998, 549 p. — In Russ.)

- Марусова И.В. Проблемы поэтики романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007. 200 с.  
(Marusova I.V. Problems of poetics of A.S. Pushkin's novel "The Capitan's Daughter": dis. ... Candidate of Philology Sciences, Smolensk, 2007, 200 p. — In Russ.)
- Проскурнин Б.М. О некоторых тенденциях развития современной английской литературы (судьбы романа в Англии 1980—2000-х гг.) // *Мировая литература в контексте культуры*. 2013. Вып. 2 (8). С. 38—51.  
Proskurnin B.M. On some trends in the development of modern English literature (the fate of the novel England in the 1980s—2000s), *World literature in the context of culture*, 2013, iss. 2 (8), pp. 38—51. — In Russ.)
- Boccardi M. Barry Unsworth's Morality Play: Narrative, detection, history, *Postmedieval: a journal of medieval cultural studies*, 2016, iss. 7 (2), pp. 204—213.
- Martínez Alfaro M.J. Mystery and Performance in Barry Unsworth's Morality Play, *Miscelánea: A Journal of English and American Studies*, 2001, iss. 24, pp. 79—92.
- Moore J.C. 'The Shadow of this Crime ...Is over Me Yet': Narrative Discourse and the Knowledge of Evil in Barry Unsworth's Morality Play, *Renascence*, 2012, iss. 64.4, pp. 321—340.
- Russell R.R. The Dramatic Conversion of Nicholas Barber in Barry Unsworth's Morality Play, *Renascence*, 2006, iss. 58.3, pp. 221—239.
- Wickens G. Glen. Thomas Hardy, Monism and the Carnival Tradition: The One and the Many in *The Dynasts*, Toronto: University of Toronto Press, 2002, 255 p.

*Статья поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 16.06.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

#### ***Информация об авторе / Information about the author***

***Садовникова Юлия Михайловна*** — аспирант кафедры литературы Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, Россия, orangelioness@yandex.ru

***Sadovnikova Yuliya Mikhailovna*** — Postgraduate student of the Literature Department of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russian Federation, orangelioness@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 48—61.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 48—61.*

Научная статья

УДК 821.161.1\*0.09

DOI: 10.46726/И.2022.3.6

## У ИСТОКОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (О периодизации ранней литературы Руси)

*Герман Юрьевич Филипповский*

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,  
г. Ярославль, Россия, fil.gerr@yandex.ru

**Аннотация.** Статья посвящена актуальным вопросам периодизации ранней русской литературы X—XIII веков. Многие курсы вузовской истории древнерусской литературы по-прежнему используют термин «Литература Киевской Руси X—XIII веков». Однако ясно, что подобная формулировка неприемлема для эпохи XII—XIII веков. Поскольку с 1155 года столица Руси перенесена князем Андреем Боголюбским из Киева во Владимир-на-Клязьме, тогда же развивается литература Владимирской Руси, а также других княжеств, претендующих на самостоятельное, независимое от Киева развитие (Смоленское, Турово-пинское, Галицко-Волыньское, Полоцкое, Новгородская земля). «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» 1160-х годов, произведение Владимирской литературы XII в., выступает программным, состоит из цикла новелл-чудес Владимирской иконы Богоматери на её пути из Киева во Владимир. Оно завершается чудом у новопостроенных Золотых ворот Владимира, как символа новой столицы и новой державы Руси. Киев, как выявил Д.С. Лихачёв, уходит в область эпического предания, что заложило основы создаваемого в XII веке цикла эпических былин киевского цикла. Новая фаза единения Руси с новым общерусским столичным центром во Владимире-на-Клязьме натолкнулась на сопротивление киевского митрополита-грека и византийского патриарха: они заблокировали введение митрополии во Владимире, убили в Киеве владимирского претендента на этот сан Феодора, а затем, в результате заговора, был убит и князь Андрей Боголюбский («Повесть об убиении Андрея Боголюбского»). Владимирский период XII—XIII вв. дал русской литературе выдающиеся литературные произведения: «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», «Сказание (затем «Житие») Леонтия Ростовского», «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», «Слово о полку Игореве», «Слово («Моление») Даниила Заточника», «Слово о гибели Русской Земли», а затем «Житие Александра Невского». Новый период развития русской литературы XII—XIII вв., продолжая традиции ранней русской литературы, проложил путь последующей русской литературе средневекового и нового периода.

**Ключевые слова:** Д.С. Лихачёв, периодизация ранней литературы Руси, Владимирская Русь Андрея Боголюбского, эпический образ Киева, «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», «Слово о полку Игореве», «Повесть об убиении Андрея Боголюбского»

*Для цитирования:* Филипповский Г.Ю. У истоков русской литературы (о периодизации ранней литературы Руси) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 48—61.

Original article

## AT THE ORIGINS OF RUSSIAN LITERATURE (On the period structure of Old Russian literature)

*German Yu. Philippovsky*

Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl,  
Russian Federation, fil.gerr@yandex.ru

**Abstract.** The paper is related with the actual problems of Old Russian literature, its period structure. Many of the university courses used traditionally the term “Kievan Rus X—XIII cc.” for the early Russian literature. It’s clear, however, that this usage is not correct. Because since 1155 the capital of Rus’ was moved from Kiev to Wladimir-on-Klyazma. It has become the main centre of politics and literary work (along with some other centres independent of Kiev). New literary important text “The Tale of Wladimir Virgin` miracles” was created in 1160-s. It consists of 12 short novels-miracles of the Virgin` icon on the way from Kiev to Wladimir-on-Klyazma. The last miracle of the cycle presents the image of the Golden Gates as a symbol of new capital of Rus’ (following ancient christian and pre-christian tradition). Kiev, as academician D.S.Likhachov assumed, moved to the historical “shade” in 1150-s and its image had become the matter of epic legend with further creation of Kievan epic cycle of bylines. The same epic image of Kiev can be found in the final episode of the “Igor` Tale” and the “Tale of Prince Andrew the Godloved` murder” (early XIII c.). New (Wladimir) period in the development of Old Russian literature (XII — beg. XIII c.) laid foundation for all further Medieval and New literary movement in Russia.

**Keywords:** D.S. Likhachov, structure of periods in early Russian literature, Wladimir Rus by Andrew the Godloved, epic image of Kiev, the “Igor`Tale”, the “Tale of Prince Andrew the Godloved`murder”

**For citation:** Philippovsky G.Yu. At the origins of Russian literature (On the period structure of Old Russian literature), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 48—61.

Периодизация древнерусской литературы — это алгоритм её движения, её развития во времени и пространстве, важная научная проблема, без которой не обходится практически ни один курс истории литературы Древней Руси. Опыты периодизации возникали, сопутствуя практически всем попыткам систематического изложения истории русской литературы с её начал, истоков. В XIX веке первые отечественные истории русской литературы Н.И. Греча (1822) [Греч], С.П. Шевырёва (1846—1860) [Шевырёв], А.Н. Пыпина (1898) [Пыпин] начинались с обзора памятников древнерусского, начального периода зарождения и развития нашей литературы. Например, в четырёхтомной «Истории русской литературы» А.Н. Пыпина древнерусской литературе были посвящены первые два тома (это говорило о том, что автор отводил этому периоду в развитии русской литературы особое, важное место). Конечно, уже в XIX — начале XX вв. появляются различные пособия к истории русской литературы и словесности для средних учебных заведений

(гимназий), например, А.Д. Галахова «История русской словесности, древней и новой» в 3-х томах (1863) [Галахов]; П. Смирновского «Пособие для средних учебных заведений (гимназий) при изучении русской словесности». Ч. 1. Древний и средний период (1915) [Смирновский].

Системы периодизации характерны для многочисленных опытов истории древнерусской литературы в XX веке: «История русской литературы» (под редакцией А.Е. Грузинского, Д.Н. Овсянко-Куликовского, П.Н. Сакулина, первый том — «допетровская литература», 1916) [История... Грузинский...], «История древней русской литературы. Пособие к лекциям» М.Н. Сперанского (1914) [Сперанский]; истории древнерусской литературы Е.В. Петухова (1911) [Петухов], П.В. Владимирова (1900) [Владимиров], И.Я. Порфирьева (1904) [Порфирьев], В.А. Келтуялы (1906) [Келтуяла], А.С. Орлова (1937) [Орлов], В.М. Истрина (1922) [Истрин], Н.К. Гудзия (1938 и другие издания) [Гудзий], Д.С. Лихачёва (1980) [История... 1980], В.В. Кускова (1977 и другие издания) [Кусков. История...], а также подобные курсы истории древнерусской литературы последующих учёных авторов. В одном из последних по времени учебных пособий для вузов «Древнерусская литература XI—XVII веков» под редакцией В.И. Коровина (2003) параграф 2 Введения именуется «Проблема периодизации русской средневековой литературы» [Древнерусская...]. Действительно, сколько бы ни было вузовских курсов истории древнерусской литературы, до сих пор остаются спорные, дискуссионные вопросы в этой важной, можно сказать, ключевой теме науки о возникновении и первоначальном развитии русской литературы.

При таком большом внимании, которое отечественная и мировая наука уделяла и уделяет изучению ранних этапов возникновения и развития русской литературы, то есть, древнерусской, средневековой литературы, естественно предположить, что должен существовать некий оптимум в вопросах периодизации этой самой ранней русской литературы. И действительно, такой оптимум существует, в том числе применительно к первым этапам возникновения и становления литературы Руси. Он связан с трудами и именем крупнейшего исследователя древнерусской литературы академика Д.С. Лихачёва. Конкретно речь идёт о первом томе академической трёхтомной «Истории русской литературы» 1958 года [История... 1958]. Хотя он включает материал не только древнерусской, но и русской литературы XVIII века, всё же его древнерусская половина имеет, пожалуй, особое значение, в том числе и в вопросах периодизации литературы Руси. Важность этого вклада Д.С. Лихачёва особенно подчёркивает тот факт, что отмеченная выше вузовская, можно сказать, новейшая «Древнерусская литература XI—XVII веков» под редакцией В.И. Коровина (написанная в 2003 году коллективом авторов, где основная доля исследований ранних этапов возникновения и развития литературы Руси принадлежит Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникову), в основном, в плане периодизации ранней древнерусской литературы практически повторяет наработки Д.С. Лихачёва.

В отмеченном выше первом томе академической «Истории русской литературы» 1958 года Д.С. Лихачёв особо подчёркивает мысль о непрерывном развитии русской и древнерусской литературы, об учёте исторической перспективы, особенностей эпохи и её мировоззрения как ведущих параметров алгоритмов периодизации истории древнерусской литературы. Выдающийся учёный отмечал, говоря о процессе развития древнерусской литературы, что «периодизация истории древней русской литературы не может строиться

только по литературным признакам», ибо «каждая историческая эпоха обладает при этом и своими особенностями развития литературы и искусства» [История... 1958: 22]. Чёткость мышления Д.С. Лихачёва как ведущего исследователя древнерусской литературы проявилась в характерных для алгоритмов периодизации литературы Руси заглавиях первых глав первого тома трёхтомной академической истории русской литературы [Там же: 15—133]/

1. Литература конца X — первой половины XI века. Появление первых русских и переводных литературных произведений.

2. Литература второй половины XI — первой четверти XII века. Развитие оригинальных русских жанров. Углубление связей с русской действительностью.

3. Литература второй четверти XII — первой четверти XIII века. Рост местных литературных центров. Критическое отношение прогрессивной литературы к феодальному дроблению страны и отражение идеи единства Руси.

Сразу следует сказать, что в данной статье исследовательское внимание привлечено, главным образом, к проблеме периодизации первых, начальных этапов развития древнерусской литературы, то есть тех, которые прописаны в пунктах приведённой выше периодизации Д.С. Лихачёва. Нужно отметить, что важность вклада выдающегося учёного в данную конкретную проблему особенно заметна на фоне практически унифицированной, принятой подавляющим большинством учёных авторов XIX—XX вв. формулировки первого, начального этапа древнерусской литературы: «Литература Киевской Руси XI—XIII веков». Спорность подобной формулировки для науки о древнерусской литературе уже во второй половине XX века, особенно сейчас стала несомненной. Кроме того, Д.С. Лихачёв достаточно рано в своих работах о древнерусской литературе стал акцентировать динамическую составляющую в её оценках и характеристиках. Наряду с введением термина «динамический монументализм» ранней литературы Руси [Лихачёв 1976: 24—37], Д.С. Лихачёв особо подчеркнул динамические аспекты истории древней русской литературы в заглавиях и текстах своих книг «Развитие русской литературы X—XVII веков» [Лихачёв 1973], «Великий путь. Становление русской литературы XI—XVII веков» [Лихачёв 1987].

Конечно, литература домонгольской Руси X — первой трети XIII в. была по общему признанию «золотым», первоначальным этапом возникновения, становления и развития русской литературы. Разумеется, были попытки сформулировать особенности этого периода без обращения к ориентиру Киева. Например, академик В.М. Истрин назвал свой труд, посвящённый этому периоду, «Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.)», Петроград, 1922 [Истрин]. Выше уже была приведена периодизация Д.С. Лихачёва 1958 года, где ни в первой, ни во второй, ни в третьей позиции киевская вежа не упомянута. В отличие от периодизаций, например, Н.К. Гудзия (первый период: Литература Киевской Руси) [Гудзий]; В.В. Кускова (второй период: Литература Киевской Руси — середина XI — первая треть XII вв.) [Кусков. История...]; в хрестоматии «Древнерусская литература» Н.И. Прокофьева (первый период: Литература Киевской Руси — XI — первая треть XII в.) [Древняя русская...]. Действительно, по словам Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникова, «в литературе древней Руси долгое время выделяли период литературы древнерусского государства XI — первой половины XIII вв., или литературы Киевской Руси» [Древнерусская...: 14]. Прошедшее время употреблено здесь весьма характерно: уже названы периодизации, где киевский ориентир не фигурирует.

Примечательно, что если сопоставить активно востребованные сейчас периодизации Д.С. Лихачёва, В.В. Кускова, Л.А. Ольшевской — С.Н. Травникова касательно первого этапа древнерусской литературы, то окажется, что киевский ориентир у них не упомянут. Формулировка Д.С. Лихачёва уже приведена выше. Формула В.В. Кускова: возникновение древнерусской литературы [Кусков. История...]. Версия Л.А. Ольшевской — С.Н. Травникова: первый период (XI — первая треть XII вв.) — начальный этап в истории русской литературы, период ученичества [Древнерусская...: 15]. Возникает вопрос: почему у этих наиболее востребованных авторов периодизаций русской литературы киевский ориентир отсутствует? Ответ дают, например, Л.А. Ольшевская — С.Н. Травников. Единство литературы этого периода «определяется взаимосвязью двух главных культурных центров древнерусского государства — Киева и Новгорода» [Древнерусская...: 15]. Действительно, уже тогда Русь была двуцентрива: на юге — Киев, на севере — Новгород Великий [Древнерусская...: 15—16]. Северная по происхождению правящая династия Рюриковичей контролировала и политическую, и культурную жизнь Руси, уже христианизованной с конца X века. Уместно добавить, что Русь — Россия была изначально и до сих пор остаётся двуцентральной (сейчас столичные центры России — Москва и Санкт-Петербург).

И всё же главным параметром в формулировке первого периода древнерусской литературы (и русской литературы вообще) в отмеченных периодизациях остаётся фактор **начала**. У Д.С. Лихачёва: появление **первых** русских и переводных литературных произведений [История... 1958: 22—23]. У В.В. Кускова: возникновение древнерусской литературы [Кусков. История...]. И, как уже отмечалось, у Л.А. Ольшевской — С.Н. Травникова: **первый** период (XI — первая треть XII в.), **начальный** этап в истории русской литературы, период ученичества [Древнерусская...: 15]. С последним тезисом можно поспорить. На ученичество как-то не очень похоже, если взять высочайшие по уровню памятники письменной литературы, созданные на Руси в это время. Можно даже сказать, непревзойдённые по своим достоинствам во всём последующем развитии древнерусской литературной культуры. Например, «Остромирово Евангелие» 1055—1056 годов. Несомненна византийско-болгарская традиция, но уникально и необычайно высоко оригинальное художественное достоинство памятника. Так же и «Слово о Законе и Благодати» Илариона — оригинальнейшее литературное произведение, уникальный манифест Руси, принявшей христианство, как передовой части мировой христианской культуры. Характерно киевско-новгородское происхождение «Остромирова Евангелия». Уже в самом заглавии-паспорте звучит имя посадника Великого Новгорода Остромира, заказчика данного памятника. Участие не только Киева, но и Новгорода в его создании несомненно. Это не только знак высочайшей культуры и уровня начальной христианской Руси, но и символ той самой киевско-новгородской двуцентричности её, о которой шла речь выше. Так что о каком-то «ученичестве», подготовительном характере литературы и культуры ранней Руси вряд ли уместно вести речь. Или же таком «ученичестве», какое, например, отразилось в участии гениального Леонардо да Винчи на картине своего учителя Андреа дель Верроккьо, где ученик очевидно безмерно превзошёл наставника по своему уровню и таланту.

Общерусский, не только «киевский» характер литературной работы в первый период возникновения, становления литературы Руси, отмечают практически все учёные-исследователи. Действительно, первый великий

князь-книжник Руси Ярослав Владимирович Мудрый был и новгородским, и ростовским, и киевским князем. В его княжение были созданы великие Софийские соборы и в Киеве, и в Новгороде Великом, и в Полоцке, то есть и на юге, и на севере, и на западе Руси. Иное положение, казалось бы, существует применительно ко второму периоду (вторая половина XI — первая треть XII века) литературного движения Руси. Здесь несомненна роль Киево-Печерского и Михайловского Выдубицкого монастырей в литературно-книжной работе и ситуации с дальнейшим развитием книжно-литературного дела. Однако не все редакции «Повести временных лет» [Библиотека... 1: 62—315] связаны с Киевом. Третья её редакция, которую патронировал Мстислав Владимирович Великий, возникла в Переяславле Русском [Лихачёв 1947]. Владимир Мономах, который был соредактором второй редакции «Повести временных лет» был прежде всего переяславским князем, а также контролировал существовавшую ещё со времён Ярослава Мудрого северную вотчину Мономашичей — Залесскую землю с центрами в Ростове и Суздале [Филипповский 2019]. Выдающееся произведение игумена Василия в составе «Повести временных лет» — «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича», где одним из главных героев был образ Владимира Мономаха, вряд ли можно считать произведением Киевской Руси. Скорее очевиден антикиевский пафос этого выдающегося литературного текста: главным антигероем-преступником изображён великий киевский князь Святополк Изяславич вместе со своим подручником-клеветником Давидом Игоревичем, князем Владимира Волынского. Именно они ответственны, по повести, за преступное ослепление без вины Тербовльского князя Василька Ростиславича, за преступное нарушение клятвы крестоцелования князей на съезде в Любече, за преступную клевету в адрес ни в чём не повинного авторитетного на Руси Владимира Мономаха. Войска именно киевского князя Святополка Изяславича терпят поражение в финальном эпизоде повести (причём поражение представлено как Божий Суд свыше, как наказание за преступление крестной клятвы) [Библиотека... 1: 270—283].

Вписанное в «Повесть временных лет» рядом с выдающимся литературным текстом об ослеплении Василька Ростиславича (предваряет через века, ни много, ни мало, такие шедевры русской литературы, как «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Войну и мир» Л.Н. Толстого) знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха [Филипповский 2019] также вряд ли можно соотносить с литературой Киевской Руси. Действительно, уже во вступительной его части основной эпизод встречи Мономаха с послами южнорусских князей носит очевидный антикиевский характер. Предъявленный Мономаху ультиматум, который он отвергает, исходил прежде всего от великого киевского князя Святополка Изяславича. Отказ Мономаха идти на преступную сделку с нарушителями крестной клятвы равносителен разрыву не только военного союза с Киевом, но и традиционных родовых связей. Критерием отказа стали как раз новые христианские приоритеты в междукняжеских отношениях, на которых принципиально настаивает Мономах и о которых как раз и говорит «Поучение» — великий литературный памятник ранней Руси, литературное и политическое послание ко всем князьям и народу страны [Там же]. Третья, важнейшая часть «Поучения» также не связана с Киевом. Это личное письмо-послание Мономаха, обращённое к черниговскому князю Олегу Святославичу (кстати, центральным эпизодом второй части большого текста произведения является также черниговский инцидент,

и также с Олегом Святославичем, которому Мономах уступает Чернигов ради «христианых душ» — им смертельно угрожают половецкие наёмники Олега Святославича) [Там же].

И вообще, Владимир Мономах, выдающийся писатель ранней Руси, проявил себя и как полководец — творец окончательной победы над половцами, опасными врагами Руси. Он же стал инициатором грядущего переноса политического центра Руси из Киева на север, в свою древнюю вотчину, Ростово-Суздальскую землю [Филипповский 2021: 17—27]. Мономах не писал по этому поводу никаких литературных текстов. Он строил новую Русь, города в Залесской земле, готовя перенос столичного центра Руси из Киева на север [Филипповский 2019: 80—85]. Трагическая история с ослеплением Василья Ростиславича и крестопреступлением южнорусских князей, потрясшая всю Русь в конце XI — начале XII века, повлияла и на Владимира Мономаха, оклеветанного южнорусскими князьями и обвинённого в заговоре против киевского князя. В конце XI — начале XII века Мономах заново отстраивает Суздаль, сожжённый дотла Олегом Святославичем, строит там каменный Успенский собор, покрывает внушительными валами территории суздальского Кремля X века и укрепления Ярослава Мудрого начала XI века, то есть, по сути, создавая новый Суздаль. Он закладывает в 1108 году Владимир-на-Клязьме [Филипповский 2019: 80—85] сразу как «новый Киев», с прицелом на новый столичный статус Владимира, взамен старому Киеву. Все последующие грандиозные строительные и политические мероприятия XII века в Залесской Руси сына Мономаха Юрия Владимировича Долгорукого и внука Андрея Юрьевича Боголюбского следовали грандиозному замыслу Владимира Мономаха по переносу политического центра Руси с юга на север, точнее в Русь Срединную, между Киевом и Новгородом Великим [Филипповский 2021: 17—27].

Третий этап периодизации древнерусской литературы (вторая половина XII века — первая треть XIII века) признаётся как таковой всеми учёными-исследователями. Другое дело, его понимание, его статус как завершающего этапа развития литературы домонгольской Руси. Именно он, как и предшествующий период (вторая половина XI — первая треть XII в.), подвиг Д.С. Лихачёва на корректировку выдвинутого им же литературного стиля эпохи — «монументальный историзм». Учёный предложил другой, уточняющий, дополнительный термин — «динамический монументализм» [Лихачёв 1976]. И это, конечно, не случайно. Действительно, XII век в истории и литературе Руси занимает особое, важное место как квинтэссенция русского варианта эпохи Высокого Средневековья. Больше того, именно здесь Русь подключается к общеевропейской картине Средневекового Ренессанса XII века (термин Чарльза Хаскинса) [Haskins]. Примечательно, что именно этот период в развитии древнерусской литературы Д.С. Лихачёв именовал эпохой «Слова о полку Игореве» [Лихачёв 1976]. Автор этих строк посвятил литературе этого времени статью «Мотив движения в “Слове о полку Игореве” и литературе Руси XII века» в юбилейном сборнике 1986 года под редакцией Д.С. Лихачёва. Здесь, в частности, мы указываем: «Русь XII в. как историческая эпоха характеризуется прежде всего неуклонным развитием феодальных отношений и расцветом русской культуры. Строятся новые города, развиваются и старые городские центры, возникают новые княжества, многие из которых, например Владимиро-Суздальское, претендуют на ведущую роль в государственной жизни Руси... То, что принято называть периодом феодальной

раздробленности XII в., было на деле временем стремительного развития Русской Земли в целом и каждого её княжества, каждого города в отдельности» [Филипповский 1986: 60].

Парадоксально, но у большинства исследователей (кроме Д.С. Лихачёва) обсуждаемая эпоха древнерусской литературы именуется «периодом феодальной раздробленности Руси» [Древнерусская...: 3]. Хотя в классификации Д.С. Лихачёва 1958 года, уже приведённой выше, этот третий период развития литературы Руси точно и справедливо именуется: «Рост местных литературных центров. Критическое отношение прогрессивной литературы к феодальному дроблению страны и отражение идеи единства Руси» [История... 1958: 87—133]. Конечно, ведущий специалист в изучении средневековой литературы Руси имел здесь в виду, прежде всего, такой памятник, как «Слово о полку Игореве». Но данный период не замыкается только на этом, безусловно, великом произведении русской и мировой литературы. Динамика эпохи ярче всего заявлена в другом литературном тексте середины XII века «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери». К сожалению, он не стал достоянием литературных курсов истории древнерусской литературы. Но от этого его значимость и выдающееся место в развитии литературы Руси не становится меньше. Уместно напомнить, что впервые этот литературный текст опубликован В.О. Ключевским в «Памятниках древней письменности» 1878 года (по списку XVII века) [Ключевский], а затем, уже недавно, в четвёртом томе (XII век) двадцатитомной «Библиотеки литературы древней Руси» (по списку XV века) [Библиотека... 4: 218—225].

Об этом произведении необходимо сказать больше. «Сказание» явилось литературным отражением эпохального события: перехода 1155 года князя Андрея Боголюбского из Киева во Владимир-на-Клязьме и переноса им столичного, политического центра Руси на новое место, то есть, главного события исторической динамики Руси XII века. Текст имеет форму цикла новелл-чудес Владимирской иконы Богоматери на её пути из Киева к новой столице. Да и сама инициатива перехода приписана конкретно самой иконе: она сходит с места в Вышгороде (Киеве) и как бы приглашает другого главного героя повествования, князя Андрея Юрьевича Боголюбского, в дальнюю дорогу. Как и первое программное произведение Руси «Слово о Законе и Благодати», «Сказание» особый акцент делает на мотивах воды и женской теме (кстати, эти же мотивы чрезвычайно популярны и в других произведениях ранней Руси «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» XI—XII вв. и «Слово о полку Игореве» начала XIII века). Конечно, следует уточнить, Владимирской эта прославленная византийская икона начала XII в. стала только по итогам эпохального перехода из Киева во Владимир-на-Клязьме, новую столицу Руси (кстати, предтечу Москвы). «Сказание», как литературный текст, отразивший динамику Руси XII века, привлекал внимание В.О. Ключевского [Ключевский], Н.Н. Воронина [Воронин], Г.Ю. Филипповского [Филипповский 1986]. Остаётся только пожелать, чтобы этот текст, выдающийся и принципиальный в русле литературы «динамического монументализма» XII — начала XIII вв., стал необходимой частью вузовских курсов истории древнерусской литературы.

А.Н. Ужанков, автор книги по обсуждающейся тематике периодизации древнерусской литературы — «О специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII века. Стадии и формации» (2009) [Ужанков] останавливает внимание на термине Г.К. Вагнера «трансформация монументального

историзма» [Вагнер: 131—155], как бы в след известному термину Д.С. Лихачёва. В чём же здесь разница и специфика? Ведь тот же Д.С. Лихачёв уже ввёл корректирующее определение «динамический монументализм» [Лихачёв 1976: 24—37]. Слово «трансформация», видимо, имеет оттенок не простой динамики, а качественного слома, преобразования как эпохи, так и её литературы, культуры в целом. Действительно, как теоретик культуры и искусства Г.К. Вагнер не уступает, но в чём-то как бы дополняет глоссарий Д.С. Лихачёва или даже его уточняет. Середина XII века — вторая волна обновления христианской культуры Руси (как это понимал князь Андрей Боголюбский) на базе обновления государственно-политических приоритетов. Уже не Киев, и не Новгород Великий, а центральный регион: Владимир-на-Клязьме — Ростов — Суздаль выходит на первый план. Киевские прежние приоритеты остаются теньными, как бы цивилизационным фоном вместе с византийско-константинопольской подосновой. Андрей Боголюбский в 1169 году посылает сына Мстислава на взятие Киева, во главе объединённой армии разных земель [Полное собрание... 1: стлб. 361], в 1170-е годы Киев неоднократно подвергается нападению и разорению [Там же: стлб. 363—367]. Штурм и ограбление Киева устраивает Рюрик Ростиславич [Там же: стлб. 418—419], ближайший родственник великого Владимирского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, в 1203 году. Ранее, в середине XII века совсем не случайно именно киевский митрополит и константинопольский патриарх (оба греки) резко воспротивились инициативе Андрея Боголюбского о введении независимой митрополии во Владимире-на-Клязьме [Филипповский 1986]. Весьма вероятно, что отголоски этой политической борьбы проявились и в последующем убийстве князя Андрея Юрьевича [Библиотека... 4: 206—217].

Новое теневое положение Киева как великой, но уже прежней столицы Руси, отразилось также на литературной почве («Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» [Библиотека... 4: 218—225], «Сказание о Леонтии Ростовском» [Сказание... : 125—129], другие произведения эпохи Андрея Боголюбского и, конечно, «Повесть об убиении Андрея Боголюбского») [Библиотека... 4: 206—217], но и в словесности данной эпохи, прежде всего, эпическом фольклоре. Д.С. Лихачёву принадлежит замечательное открытие, которое он сделал в своей статье 1952 года «Эпическое время русских былин» [Лихачёв 1952]. Здесь учёный прозорливо разглядел истоки и историческую подоснову возникновения первых былинных циклов героических сказаний Руси. Профессор-фольклорист В.П. Аникин утверждал (фактически вслед за Д.С. Лихачёвым), что былина «Первая поездка Ильи Муромца» и последующие возникли уже во второй половине XII века [Аникин: 218—220]. Именно после ухода Киева, бывшей столицы Руси, «в тень», его образ переместился в область эпического предания [Лихачёв 1952: 55—63]. Тем самым было положено начало возникновению и развитию так называемого «киевского» цикла русского былинного эпоса [Аникин: 218—220] (записан он был много столетий позже). Существовавшее всегда на Руси взаимодействие литературы и фольклора, двух различных, но коррелятивных систем словесности, со второй половины XII века приобрело новое качество и новый размах. Именно этот феномен повлиял, в частности, на появление такого шедевра, как «Слово о полку Игореве» в начале XIII века. Не случайно в концовке «Слова о полку Игореве» находим эпический образ Киева, куда в апофеозе славы эпического героя возвращается князь Игорь Святославич, что

парадоксально, поскольку вся его дружина погибла («а Игорева храброго войска уже не кресити»), а он сам волею провидения сумел бежать из половецкого плена [Библиотека... 4: 254—267].

Подобный же эпический образ Киева находим в финале «Повести об убиении Андрея Боголюбского» [Библиотека... 4: 206—217] конца XII века, которая читается в Ипатьевской летописи. Здесь приведён плач Владимирских людей у Серебряных ворот города при встрече тела убитого в Боголюбове князя Андрея Юрьевича. Здесь звучит тема Золотых ворот Киева явно эпического свойства. Литературный текст повести, как ни парадоксально, включает фольклорный по тону плач-оплакивание погибшего князя, к тому же обогащённый эпическим образом Киева: «Уже ли Киеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми вороты, их же делать послалъ быше той церкви на велицемъ дворе на Ярославле, а река: “Хочю создати церковь таку же, ака же ворота си золота — да будетъ память всему отечеству моему!”» [Библиотека... 4: 216—217]. Характерно, что в этом плаче народ соединяет образы Золотых ворот Киева и Владимира, соотнося старую и новую столицы Руси через символическую древнюю традицию Золотых ворот (идушую от шумерской и египетской древности через известные в христианском Средневековье образы Золотых ворот Иерусалима и Константинополя).

Эпический формат проявился и в тексте знаменитого «Слова о погибели Русской Земли», обычно датируемого временем между 1223 годом (битва на Калке, трагическая для Руси) и 1237 годом (годом Батыева нашествия). В «Слове о погибели Русской Земли» отразилась средневековая легенда о Владимире Мономахе, «которымъ то половоци дети своя ношаху в колыбели, а литва из болота на светъ не выныкываху, а угры твердыху каменныя города железными вороты, абы на нахъ великый Володимерь тамо не всехаль, а немци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ, буртаси, черемиси, вьда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера, и жюръ Мануиль цесарегородскый опасъ имея, поне и великыя дары посылаша къ нему, абы под нимъ великый князь Володимерь Цесаря города не взялъ» [Древняя русская...: 217]. Подобный же эпический образ Владимира Мономаха находим и в тексте Галицко-Волынской летописи под 1201 год в характеристике князя Романа Галицкого: «...устремил бо ся быше на поганьи, яко и левъ, сердить же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ; и прехожаше землю ихъ, яко и орель, храборъ бо бе, яко и турь. Ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганья измаилтяны, рекомья половцы... Тогда Володимерь и Мономах пиль золотом шоломомъ Донъ; и приемшю землю ихъ всю и загнавшю окаянныя агаряны» [Древняя русская...: 130—131]. Легендарный образ Владимира Мономаха появляется уже в 1117 году в «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» в составе второй редакции «Повести временных лет». В течение всего XII века он контаминировался в народной памяти и легенде с образом Владимира I — крестителя Руси, что привело в итоге к возникновению образа эпического князя Владимира первых русских былинных циклов [Аникин: 218—220]. Конечно, здесь сложились два явления: эпический образ Киева и эпический образ князя Владимира. И то, и другое явилось итогом уникальной литературно-исторической ситуации, сложившейся на Руси к середине, второй половине XII века. Начало же этим процессам положил исторический факт: уход Андрея Боголюбского из Киева, переход его во Владимир-на-Клязьме, который стал по его воле новой столицей Руси [Филипповский 1986]. Соглашаясь с Д.С. Лихачёвым, мы предлагаем

рассматривать «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» XII века не только под углом его литературных достоинств, но и в связи с историческими событиями, исторической ситуацией эпохи Андрея Боголюбского [Филипповский 1986].

В.В. Кусков вводит термин «историческая ретроспективная аналогия» [Кусков 1988: 68] применительно к литературе Руси XII—XIII веков. Этот приём, его широкое применение в литературе отмеченного периода спровоцированы обсуждавшимся переходом образа Киева в «эпическую тень», сменной ситуации со столицей Руси, что в плане литературы, культуры и искусства обозначил Г.К. Вагнер своим термином «трансформация монументального историзма» [Вагнер: 131—155]. С точки зрения отношений Руси и Византии (а они были базовыми с эпохи Крещения Руси) слом ситуации, подобный произошедшему в 1155 году по политической воле Андрея Боголюбского, произошёл после 1204 года [Попова: 292]. Тогда, как известно, Византийская империя фактически прекратила своё существование после коварного захвата крестоносцами «второго Рима» (при помощи венецианцев). О.С. Попова пишет по этому поводу о «перенесении центра тяжести художественной жизни из столицы в страны и районы, культура которых раньше была провинциальной по сравнению с Константинополем» [Там же]. Тогда же, в начале XIII века, отмечает О.С. Попова: «Интерес к прошлому в условиях политического краха государства приобретает патриотическую окраску» [Там же].

Сказанное всецело относится к ситуации новой Владимирской Руси конца XII — первой трети XIII в., когда в связи с переходом образа Киева в пространство эпического предания особую роль приобретает литературный, как впрочем, и фольклорно-эпический приём исторической ретроспективной аналогии (термин В.В. Кускова) [Кусков 1988: 68]. В применении к «Слову о полку Игореве» начала XIII века данный приём необходимо признать основным, можно сказать, решающим в литературной поэтике этого уникального текста. Речь идёт не только об образе Бояна, вещего певца из эпического прошлого Киева, но и о поэтике текста в целом (по нашей версии его автором являлся великий князь Владимирский Константин Всеволодович — филолог, историк, книжник и поэт) [Филипповский 2014: 257—263].

Итак, периодизация ранней древнерусской литературы X—XIII вв. не мыслима сейчас без учёта Владимирского этапа её развития (вторая половина XII — первая треть XIII в.) [Филипповский 1986]. Он знаменуется выдающимися литературными произведениями: «Сказанием о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» — первым на Руси литературным текстом — циклом новелл о прославленной иконе (получил развитие в XV веке в московских пространственных текстах «Сказания о Владимирской иконе» и «Повести о Темир-Аксаке») [Филипповский 1991]; «Сказанием об обретении мощей святителя Леонтия Ростовского», которое в 1190 году становится полноформатным «Житием Леонтия Ростовского» — первым русским святительским житием [Филипповский 1991]; «Повестью об убиении Андрея Боголюбского» — выдающимся текстом русской литературы конца XII века; «Словом» или «Молением Даниила Заточника» — талантливым текстом Владимирской литературы начала XIII века; «Словом о полку Игореве» — средневековой поэмой мирового значения; «Словом о погибели Русской земли» — гимном былой красоте и величию Руси. Все отмеченные произведения характеризуются приёмами ретроспективной исторической аналогии [Кусков 1988: 68], включая использование эпического образа Киева, ушедшего со середины XII века

в область эпического предания [Лихачёв 1952: 55—63]. Развивая приобретённые с X века книжно-византийские традиции, литература Руси второй половины XII — первой трети XIII в. вместе с тем устремлена в будущее великой русской литературы. Эпоха первоначального развития русской литературы со середины XII века обогащается возникновением и первоначальным развитием сюжетов, образов, тем, циклов русского эпического фольклора — былин. Данный (Владимирский) период характеризуется особым взаимодействием литературы и фольклора, представляя характерные явления грядущего развития русской литературы в целом.

#### Список источников

- Аникин В.П., Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. М.: Высшая школа, 1983. 479 с.
- Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997—2000.
- Владимиров П.В. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1900. 375 с.
- Галахов А.Д. История русской словесности древней и новой: в 3 т.: учебное пособие для средних учебных заведений. М.: Издание книжного магазина В.В. Думнова, 1863.
- Греч Н.И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб.: Типография Н. Греча, 1822. 596 с.
- Гудзий Н.К. История древней русской литературы. 6-е изд. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. 511 с.
- Древнерусская литература XI—XVII веков / под ред. В.И. Коровина. М.: Владос, 2003. 445 с.
- Древняя русская литература: Хрестоматия / сост. Н.И. Прокофьев. М.: Просвещение, 1980. 399 с.
- История русской литературы: в 3 т. / под ред. Д.Д. Благого. Т.1. Литература X—XVIII веков. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. 730 с.
- История русской литературы X—XVII веков / под ред. Д.С. Лихачёва. М.: Просвещение, 1980. 462 с.
- История русской литературы / под ред. А.Е. Грузинского, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, П.Н. Сакулина. Т. 1. Допетровская литература. М.: Мир, 1916.
- Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода XI—XIII веков. Петроград: Наука и Школа, 1922. 248 с.
- Келтуяла В.А. Курс истории русской литературы: пособие для самообразования. Ч. 1. СПб.: тип. Попечительства Человеколюб. общ-ва, 1906. 784 с.
- Кусков В.В. История древнерусской литературы. 5-е изд. М.: Высшая школа, 1989. 304 с.
- Ключевский В.О. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери // Памятники древней письменности. М.: тип. В.С. Балашева, 1878. С. 29—43.
- Орлов А.С. Древняя русская литература XI—XVI веков. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937. 379 с.
- Петухов Е.В. Русская литература: исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Юрьев: Типография К. Матиссена, 1911. 496 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Изд. восточной литературы, 1962. 577 с.
- Порфирьев И.Я. История русской словесности. Ч. 1. Древний период. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904. 728 с.
- Пыпин А.Н. История русской литературы. Т. 1. Древняя письменность. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 537 с.
- Сказание о Леонтии Ростовском // Древнерусские предания (XI—XVI вв.) / сост., вступ. статья, коммент. В.В. Кускова; подгот. текста и пер. Г.Ю. Филипповского. М.:

- Советская Россия, 1982. С. 125—129 (Серия «Сокровища древнерусской литературы»).
- Смирновский П. Пособие для средних учебных заведений (гимназий) при изучении русской словесности. Ч. 1. Древний и средний периоды. М.: Издание А.С. Панфидиной, 1915. 388 с.
- Сперанский М.Н. История древней русской литературы. Пособие к лекциям в университетах и на высших женских курсах в Москве. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1914. 593 с.
- Шевырёв С.П. История русской словесности, преимущественно древней. Т. 1. Ч. 1—4. М.: Унив. тип., 1846—1860.

### Список литературы / References

- Вагнер Г.К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М.: Искусство, 1987. 287 с.  
(Vagner G.K. Canon and style in Ancient Russian art, Moscow, 1987, 287 p. — In Russ.)
- Воронин Н.Н. Из истории русско-византийской церковной борьбы. II. Культ Владимирской иконы // Византийский временник. Т. 26. М.: Наука, 1965. С. 190—218.  
(Voronin N.N. From the history of the Russian-Byzantine Church struggle. II. The cult of the Vladimir icon, *The Byzantine time book*, vol. 26, Moscow, 1965, pp. 190—218. — In Russ.)
- Кусков В.В. Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования / отв. ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1988. С. 62—79.  
(Kuskov V.V. Historical analogies of events and heroes in “The Word about Igor’s Regiment”, “A word about Igor’s regiment”. *Comprehensive research*, Moscow, 1988, pp. 62—79. — In Russ.)
- Лихачёв Д.С. Великий путь. Становление русской литературы XI—XVII веков. М.: Современник, 1987. 301 с.  
(Likhachev D.S. The Great Way. The formation of Russian literature of the XI—XVII centuries, Moscow, 1987, 301 p. — In Russ.)
- Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1947. 479 с.  
(Likhachev D.S. Russian chronicles and their cultural and historical significance, Moscow—Leningrad, 1947, 479 p. — In Russ.)
- Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.  
(Likhachev D.S. The development of Russian literature of the X—XVII centuries. Epochs and styles, Leningrad, 1973, 254 p. — In Russ.)
- Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // Русская литература. 1976. № 2. С. 24—37.  
(Likhachev D.S. “The Word about Igor’s regiment” and aesthetic representations of his time, *Russian literature*, 1976, iss. 2, pp. 24—37. — In Russ.)
- Лихачёв Д.С. «Эпическое время» русских былин // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: сборник статей. М.: Изд. АН СССР, 1952. С. 55—63.  
(Likhachev D.S. “Epic time” of Russian epics, *Academician Boris Dmitrievich Grekov on his seventieth birthday: collection of articles*, Moscow, 1952, pp. 55—63. — In Russ.)
- Попова О.С. Византийское искусство // Очерки истории искусства / под ред. Н.Е. Григоровича и Г.Г. Пospelова. М.: Советский художник, 1987. С. 242—303.

- (Popova O.S. Byzantine art, *Essays on the history of art*, Moscow, 1987, pp. 242—303. — In Russ.)
- Ужанков А.Н. О специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII века. Стадии и формации. М.: Языки славянской культуры, 2009. 259 с.  
(Uzhankov A.N. On the specifics of the development of Russian literature of the XI — first third of the XVIII century. Stages and formations, Moscow, 2009, 259 p. — In Russ.)
- Филипповский Г.Ю. Мотив движения в «Слове о полку Игореве» и литературе Руси XII в. // Исследования «Слова о полку Игореве» / отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1986. С. 58—64.  
(Filippovsky G.Y. Motive of movement in “The Word about Igor’s regiment” and the literature of Russia of the XII century, *Research “Words about Igor’s regiment”*, Leningrad, 1986, pp. 58—64. — In Russ.)
- Филипповский Г.Ю. Столетие дерзаний. Владимирская Русь в литературе XII в. / отв. ред. А.Н. Робинсон. М., Наука, 1991. 160 с.  
(Filippovsky G.Y. A century of daring. Vladimir Rus in the literature of the XII century, Moscow, 1991, 160 p. — In Russ.)
- Филипповский Г.Ю. Средневековая идентичность «Слова о полку Игореве». 2-е изд. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. С. 257—263.  
(Filippovsky G.Y. Medieval identity “Words about Igor’s regiment”. 2nd ed, Yaroslavl, 2014, pp. 257—263. — In Russ.)
- Филипповский Г.Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: проблемы литературной поэтики. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 119 с.  
(Filippovsky G.Y. “The Teaching” of Vladimir Monomakh: problems of literary poetics, Yaroslavl, 2019, 119 p. — In Russ.)
- Филипповский Г.Ю. «Поучение» Владимира Мономаха как литературный памятник XI—XII вв. и политическое послание Руси // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4. С. 17—27.  
(Filippovsky G.Y. “The Teaching” of Vladimir Monomakh as a literary monument of the XI—XII centuries and the political message of Russia, *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 2021, iss. 4, pp. 17—27. — In Russ.)
- Haskins Ch. *The Renaissance of the Twelfth Century*. Cambridge: Harvard University Press, 1927. 487 p.

*Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 24.05.2022.*

*The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 24.05.2022.*

#### **Информация об авторе / Information about the author**

**Филипповский Герман Юрьевич** — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, fil.gerr@yandex.ru

**Philippovsky German Yurievich** — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, fil.gerr@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.  
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 62—72.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 62—72.*

Научная статья

УДК 821.161.1.09"17"-141

DOI: 10.46726/И.2022.3.7

## **«ОН БОГ, ОН БОГ ТВОЙ БЫЛ, РОССИЯ»: ОБРАЗ ПЕТРА I В ОДАХ М.В. ЛОМОНОСОВА**

*Любовь Алексеевна Юрчук*

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия, lk2185@rambler.ru

**Аннотация.** В формировании мифа о Петре I, сложившегося в русской литературе, творчество Ломоносова сыграло определяющую роль. В статье рассматривается образ Петра I в одах поэта. Автор выявляет словесно-понятийные лейтмотивы, формирующие данный образ, который воплощает центральную для поэта идею просвещенного монарха. Утверждается, что в торжественных одах Ломоносова создается героический отвлеченно-идеальный образ императора Петра I, доминирующим в разработке которого является мотив преемственности власти, в большинстве од сопряженный с мотивом мудрости политика. Не посвятив Петру ни одной своей оды, Ломоносов создает его образ почти в каждой из них, настойчиво разясняя российским императорам необходимость продолжать дело Петра на благо Отечества. Частотны в одах Ломоносова мотивы вечной жизни Петра как посланника неба и вершителя божественной воли, сопряженные с мотивами бессмертия Петра, его вечной жизни, вовлекающие в одические тексты пространственную образность «космического» масштаба и обуславливающие отсутствие установки на портретирование. К числу базовых с точки зрения формирования образа также относится мотив совершенства царем воинских подвигов.

**Ключевые слова:** торжественная ода, образ, образ Петра I, словесно-понятийные лейтмотивы, лейтмотив преемственности

**Для цитирования:** Юрчук Л.А. «Он бог, он бог твой был, Россия»: Образ Петра I в одах М.В. Ломоносова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 62—72.

Original article

## “HE WAS GOD, HE WAS YOUR GOD, RUSSIA”: THE IMAGE OF PETER I IN THE ODES OF M.V. LOMONOSOV

*Lubov A. Yurchuk*

Pskov State University, Russian Federation, lk2185@rambler.ru

**Abstract.** Lomonosov’s work played a decisive role in shaping the myth of Peter I, which developed in Russian literature. The article deals with the image of Peter I in the poet’s odes. The author reveals the verbal-conceptual leitmotifs that form this image, which embodies the idea of an enlightened monarch. It is argued that in the solemn odes of Lomonosov, a heroic abstract-ideal image of Emperor Peter I is created. In its development, the dominant motive is the continuity of power, which in most odes is associated with the image of Peter I as a wise politician. Lomonosov did not dedicate any of his odes to Peter, but created his image in almost every ode, persistently explaining to the Russian emperors the need to continue the work of Peter for the good of the Fatherland. Frequent in Lomonosov’s odes are the motives of Peter’s eternal life as a messenger of heaven and the arbiter of divine will, coupled with the motives of Peter’s immortality, his eternal life. These motifs involve in the odic texts the spatial figurativeness of the “cosmic” scale and cause the absence of portrait details and concretization. Among the basic motives is also the motive of the king’s military exploits.

**Keywords:** solemn ode, image, image of Peter I, verbal-conceptual leitmotifs, leitmotif of continuity

**For citation:** Yurchuk L.A. “He was god, he was your god, Russia”: The image of Peter I in the odes of M.V. Lomonosov, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 62—72.

Из всех русских царей Петр I является наиболее популярным героем новой русской литературы, отсчет которой принято вести с петровского времени. В светском ораторском слове Феофана Прокоповича, «Элегии о смерти Петра Великого» Третьяковского, близких поэтике панегирического стихотворства, в одах и надписях Ломоносова и Сумарокова, в набросках героических поэм Кантемира и Ломоносова формировался тот канон изображения Петра в литературе, который, пережив своих создателей, стал устойчивым в литературе XVIII века способом художественного воплощения идеи просвещенного монарха — великого реформатора, насаждавшего в России науку, работника на троне, основателя новой столицы, победителя на море и на суше. В формировании мифа о Петре, начавшемся еще при его жизни, литература сыграла едва ли не ведущую роль. При этом научные труды об отображении личности Петра I в литературе XVIII века немногочисленны. В основном это работы обзорного или обобщающего характера. Так, один из параграфов диссертации Крыстевой Денки Недевой «Тема Петра I в творчестве А.С. Пушкина» посвящен эволюции оценок Петра I в массовой литературе XVIII в. [Крыстева]; политическая идеология Петра I стала предметом изучения в диссертации С. А. Мезина «Петр I в русской литературе и общественной мысли XVIII века» [Мезин]; в 1987 г. в составе сборника «Ломоносов и русская литература» (М., 1987) вышла в свет статья В.П. Гребенюка «Петр I в творчестве М.В. Ломоносова, его современников, предшественников и последователей», в которой дается общая оценка поэтического осмысления образа Петра I в русской литературе без анализа художественных произведений.

На этом фоне выделяется лишь вступительная статья Ю.В. Стенника к изданной им антологии «Петр I в русской литературе XVIII века (Тексты и комментарии)» (СПб., 2006), в которой ставится задача выявления эволюции в осмыслении и оценке Петра I в творчестве писателей XVIII века и утверждается, что вокруг личности Петра уже в XVIII веке сложилась «особая атмосфера возвеличения, граничащая с обожествлением. <...> Обостренное внимание к его любому поступку превращало действия царя в легенды, приобретавшие черты мифа, и в самой личности Петра I эстетическая ипостась начинала играть едва ли не определяющую роль», в связи с чем можно говорить о «феномене мифологизации исторической личности» [Стенник: 5, 6]. Материалы, включенные Ю. В. Стенником в антологию, позволяют представить литературный портрет Петра I, каким он отобразился в поэзии и прозе XVIII столетия, и увидеть, что из совокупности литературных оценок возникает многогранный и нередко противоречивый образ великого преобразователя России.

Предметом настоящей работы является образ Петра I в одах М.В. Ломоносова. Данный аспект темы не привлекал отдельного внимания ученых, хотя очевидно, что именно в творчестве Ломоносова образ царя-реформатора обрел те черты демиурга, создающего новое бытие из хаоса, которые стали базовыми для дальнейшей эволюции этого образа в русской литературе. Обращение к данной теме, актуальное в год 350-летия со дня рождения великого русского императора, нацелено на выявление словесно-понятийных лейтмотивов, из которых в поэзии Ломоносова формируется образ Петра I, ставший одним из наиболее востребованных в творчестве поэтов более позднего времени.

В год смерти Петра I Ломоносову было всего четырнадцать лет, и он еще жил в далеком поморском селе. Само выдвижение Ломоносова из крестьянской среды в число первых русских ученых и поэтов стало возможно только в русле преобразовательной деятельности Петра, равно как и реформаторский характер и исследовательский масштаб трудов Ломоносова оказались следствием формирования его как личности в атмосфере петровских реформ. Неслучайно К.Н. Батюшков уподоблял Ломоносова Петру: «Он то же учинил на трудном поприще словесности, что Петр Великий на поприще гражданском. Петр Великий пробудил народ, усыпленный в оковах невежества; он создал для него законы, силу военную и славу; Ломоносов пробудил язык усыпленного народа; он создал ему красноречие и стихотворство, он испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам» [Батюшков: 31]. Через несколько лет ту же мысль повторил В.Г. Белинский: «с Ломоносова начинается наша литература; он был ее отцом и пестуном; он был ее Петром Великим» [Белинский: 42].

В соответствии с предложенной Ю.В. Стенником периодизацией, творчество М.В. Ломоносова относится ко второму из этапов в истории осмысления образа Петра I в русской литературе XVIII века, а именно к этапу, на котором создавалась панегирическая светская поэтическая традиция — произведения, которые были «призваны раскрывать эстетически личность Петра I в аспекте утверждения идеалов просвещенного абсолютизма» [Стенник: 7]. Данный этап совпадает с периодом утверждения в русской литературе художественной системы классицизма и одного из его ведущих жанров — оды — «своеобразной трибуны, которую поэт стремится использовать с целью направить деятельность монархии по пути, означенному Петром I»

[Стенник: 22]. Именно в жанре оды в творчестве Ломоносова и получил оформление образ Петра.

В одах Ломоносова созданы образы многих исторических деятелей и просто выдающихся людей разных эпох. Это и Дмитрий Донской, боровшийся за укрепление политической самостоятельности и военной мощи русского государства; это и Иван IV Грозный, упомянутый в «Оде ... на взятие Хотина 1739 года»; это и императрицы Анна Иоанновна, и Елизавета Петровна, и Екатерина Алексеевна. Петру I Ломоносов не посвятил ни одной своей оды, однако образ Петра присутствует почти в каждой из них, будь то ода на день восшествия на престол или ода на день рождения. Поэт не упускал ни одного повода возвеличить Петра, объявив его «богом России», постоянно настойчиво внушая и разъясняя российским императорам необходимость продолжать политику Петра, деятельность которого на благо Отечества Ломоносов ставит в пример всякому новому самодержцу.

Обобщенное представление о Петре I в торжественных одах Ломоносова формируется из ряда словесно-понятийных лейтмотивов — понятий, выражающих идеальные свойства монарха и дающих формулы необходимого государственного устройства. Такие лейтмотивы присутствуют в каждой оде и связываются с центральной для Ломоносова идеей просвещенного монарха.

Один из ведущих лейтмотивов од Ломоносова — *лейтмотив преемственности*. Петр I сопоставляется с другими русскими царями, правопреемником которых он выступает. Одновременно его потомки выступают преемниками его дела в разных аспектах.

В «Оде на прибытие из Гостинии ...» 1742 года смерть Петра, по мысли поэта, вызывает скорбь у всего русского народа. И все же есть повод для радости: из Голстинии приезжает преемник Петра, в жилах которого течет «дражайшая Петрова кровь» [Ломоносов: 82] — 14-летний племянник Елизаветы Петровны Карл Петр Ульрих, внук Петра I, имевший право на российский престол и при переходе в православие получивший имя Петра:

Красуются Петровы стены,  
Что к ним его приходит внук,  
Прекрасной Анной днесь рожденный.  
В сие благоприятно время,  
Когда всещедрый наш творец  
Восставил нам Петрово племя  
И нашей скорби дал конец... [Ломоносов: 81]

После периода политической нестабильности внук Петра должен вернуть России былую славу: «И радость паки обновилась: / Ты зришь Великого Петра, / Как феникса воскресша ныне / <...> Кому возможно описать / Твои доброты все подробну? / Как разве только указать / В Петре природу в том подобну?» [Ломоносов: 82, 83]. Петр III, по Ломоносову, может быть прославлен только в сопоставлении с Петром Великим, имя которого останется в истории на века.

В «Оде на прибытие императрицы ... 1742 года по коронации» впервые появляется перифраз «дщерь Петрова», который поэт впоследствии будет использовать в каждой оде, посвященной императрице Елизавете Петровне: «Мы славу дщери зрим Петровой» [Ломоносов: 85]. Как известно, первые годы царствования Елизаветы прошли под лозунгом воскрешения имени и дела

Петра. В этом контексте наиболее высокая похвала ее дел — та, которая звучит в оде из уст самого Петра:

«Исполнен я веселья ныне,  
 Что вновь дела мои растут <...>  
 Блажен тот год, тот день и час,  
 Когда господь ущедрил нас,  
 Подав ее нам на утеху  
 И всех трудов моих к успеху» [Ломоносов: 93]

«Воспоминанием о том, каким опасностям подвергались “дела Петровы”, и как хорошо стало русским людям, когда “на трон взошла Петрова дочь”. <...> Как будто бы вернулся великий Петр в лице своей дочери, дивно сочетающей мужество и красоту” [Западов 1961b: 73], является также «Ода на день восшествия на престол ... 1746 года», в которой ни слова не сказано о деятельности самой Елизаветы: «дочь Петрова» находится в тени своего великого отца. Цель ее жизни состоит в том, чтобы продолжить начатое Петром. Так выражен в оде мотив преемственности: «Конец увидим оных дел: / Что ради нашего блаженства / На верьх поставить совершенства / Входящий в небо Петр велел» [Ломоносов: 110].

В «Оде на день восшествия на престол ... 1747 года» Елизавета Петровна «Щедроты отчи превышает, / Довольство муз усугубляет / И к счастью отверзает дверь» [Ломоносов: 118]. В «Оде на день восшествия на престол ... 1748 года» поэт вновь подчеркивает, что Елизавета явилась «на российском троне», «Петров в себе имея дух», «в отеческой короне», приняв которую, она взяла на себя обязательство продолжить начатое Петром I: «Мы видим, что в тебе единой / Великий Петр с Екатериной / К блаженству нашему живет» [Ломоносов: 125]. И далее, словно забыв о своем предмете, Ломоносов начинает славить Петра: «Сквозь степь и блата Петр прошел, / В средину Азии достигнул, / Свои знамена там воздвигнул, / Где день скрывали тучи стрел» [Ломоносов: 125].

«Нередко, взявшись восхвалять очередного представителя царской фамилии, Ломоносов отступал от задания и пел гимны в честь Петра I», — замечает И.П. Щеблыкин [Щеблыкин: 46]. Подобная же подмена предмета имеет место в «Оде на день брачного сочетания великого князя Петра Феодоровича и великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года». Получающая в ней развитие любовная тема — лишь повод для того, чтобы выразить надежды на просвещение страны трудами «Петрова племени»:

О ветвь от корене Петрова! <...>  
 От вас Россия ожидает  
 Счастливых и спокойных лет,  
 На вас по всякой час взирает  
 Как на всходящий дневный свет. <...>  
 Как бог продлит чрез вечно время  
 Дражайшее Петрово племя,  
 Счастлива жизнь и наших чад;  
 Не будет страшныя премены,  
 И от российских храбрых рук  
 Рассыплются противных стены  
 И сильных изнеможет лук. [Ломоносов: 103, 104]

Ломоносов уверен, что новый брачный союз принесет спокойствие в страну, поскольку в брак вступает внук Петра Великого («россов обновителя»), и обращается к Богу с просьбой благословить потомков Петра: «О Боже, крепкий Вседержитель! / Подай, чтоб россов обновитель / В потомках вечно жил своих / Воспомяни его заслуги / И преклонив небесны круги, / Благослови супругов сих» [Ломоносов: 104—105]. Божественная воля, по Ломоносову, состоит в том, чтобы Россией правил прямой потомок Петра I, величие которого проявится в его успехах в деле государственного строительства и заботе об интересах народа.

В «Оде на рождение великого князя ... 1754 года» поэт выражает радость по поводу успехов Российской империи, утверждения ее как государства. Петрополь, Москва и другие города, «воздвигнув к небу руки», «вещают» о том, что Петр будет жить в своих потомках (в том числе в новорожденном младенце Павле Петровиче), которые прославят Россию новыми победами:

Петра Великого потомки  
 Даются в милости залог <...>  
 Он паки ныне воскресает,  
 Что в правнуче своем дышает  
 И род в нем восставляет свой. <...>  
 С великим прадедом сравнися,  
 С желаньем нашим восходи  
 Велики суть дела Петровы. [Ломоносов: 142, 143]

Обращаясь к маленькому Павлу, поэт формулирует цель его жизни: необходимо так жить и царствовать, чтобы стать подобным Петру.

Мотив преемственности власти сопряжен в названных одах с мотивом *вечной жизни*, бессмертия императора. В «Оде императору Петру Феодоровичу ... на новый 1762 год» он реализуется в аспекте нерушимости Российской державы в том случае, если новые монархи будут продолжать политику преобразований своего великого предка: «Без пресечения державы / Великий Петр вовеки жив» [Ломоносов: 163]. «Такие “дела”, как у российского царя, принесли ему долголетие большее, чем у Мафусаила, библейского праотца, чья жизнь оказалась необычайно долгой, — отмечает И.Б. Александра. — “Лета” Петра разбили рамки Времени и вошли в Вечность, пребывая в памяти потомков» [Александра: 184].

В ряде од Ломоносова мотив преемственности реализуется также в аспекте наследования Петром качеств лучших российских самодержцев. В таких одах мысленный взор поэта направлен в прошлое. В «Оде ... на взятие Хотина 1739 года», обращаясь к славной истории России, поэт сопоставляет Петра с Иваном Грозным. Оба царя представлены, прежде всего, в качестве политических деятелей. О завоеваниях Ивана Грозного сказано так: «Кто с ним толь грозно зрит на юг, / Одеян страшным громом вкруг? / Никак, Смиритель стран Казанских?» [Ломоносов: 64]. С произошедшим при Иване Грозном завоеванием Казанского и Астраханского ханств Ломоносов сопоставляет Азовские походы Петра 1695—1696 гг. и Персидский поход 1722—1723 гг. Оба царя получают характеристику по территориям, за которые вели войны. Не только в политической деятельности, но и в помыслах оказываются едины Петр I и Иван Грозный в трактовке Ломоносова. Их голоса сливаются в один, восхваляющий новую императрицу Анну Иоанновну, которой и посвящена ода:

Герою молвил тут Герой:  
 «Не тщетно я с тобой трудился,  
 Не тщетен подвиг мой и твой,  
 Чтоб россов целый свет страшился.  
 Чрез нас предел наш стал широк  
 На север, запад и восток.  
 На юге Анна торжествует,  
 Покрыв своих победой сей» [Ломоносов: 65]

Вводится излюбленная Ломоносовым «формула протяжения России» (как определил этот смысловой комплекс Л.В. Пумпянский [Пумпянский: 22]) — страны, которую поэт неизменно изображает «пространной... державой», раскинувшейся во все стороны света. При этом утверждается, что «предел наш стал широк» посредством трудного «подвига» названных русских царей.

С мотивом преемственности в этой оде сопряжен *мотив мудрости* политика: страна не просто занимает огромное пространство, но и процветает благодаря мудрому руководству. В этом Петр I также является последователем политика Ивана IV Грозного: и тот и другой думали о статусе государства, прикладывали все силы к развитию страны. Личность царя-реформатора становится у Ломоносова не только предметом поклонения, но и эталоном истинной государственной мудрости и подлинной заботы об интересах народа.

Если в «Оде ... на взятие Хотина 1739 года» поэт мысленно перемещается на два века назад, то в «Оде всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице ... 1761 года» — почти на тысячелетие. В этой оде Петр I замыкает собой ряд своих славных предшественников, от каждого из которых он унаследовал лучшие качества: «Воззрим на древни времена; / Российска повесть тем полна, / Уже из тьмы на свет выходит, / За ней великих полк мужей...» [Ломоносов: 159]. «Древни времена» открывает эпоха княжения «бодрого воина» Святослава Игоревича, прославившегося в качестве полководца, и ему «геройством равного сына» Владимира Святославича — крестителя Руси. За ними следуют Владимир Мономах, снарядивший поход на принадлежавшие Византии дунайские земли, Александр Невский — «от Запада защитник» и «предтеча» Петра, Дмитрий Донской, Иван III и Иван IV, устранившие зависимость Москвы от татарских ханов, Алексей Михайлович, поставивший «границы дел своих» до Вислы: «Прошел бы далее; мало жил! / Но плод геройских дел оставил, / Какого сына он родил!» [Ломоносов: 160]. Включенное в названный ряд, имя Петра Великого светится еще более ярко, приобретает еще большее значение, поскольку Петр ни в чем не уступает своим предшественникам на русском троне, с которыми Петра связывает прежде всего *мотив воинских подвигов*:

Не сей ли при Донских струях  
 Рассыпал вредны россам стены?  
 И персы в жаждущих степях  
 Не сим ли пали пораженны?  
 Он так к своим взирал врагам,  
 Как к готским приплывал брегам. [Ломоносов: 64]

Поэт вспоминает Азовский, Персидский поход, войну со шведами как отражение мощи, силы, мужества и непобедимости Героя. Внимание к таким деталям, как «горящее... лицо», «сильная десница», «быстрый конь», «умытый кровию меч», заставляют ожидать конкретизации портрета Петра, но ее

не происходит: облик царя колеблется между представлением о человеческих формах и абстрактном понятии идеального монарха, представленном в аллегорическом образе. На еще более высокий уровень абстрагирования описание Петра поднимается в «Оде на день восшествия на престол ... 1747 года»: «В полях кровавых Марс страшился, / Свой меч в Петровых зря руках...» [Ломоносов: 116] (Петр в этой оде — «Человек, / Каков неслыхан был от века», «сквозь все препятства» «вознес / Главу, победами венчанну» [Ломоносов: 116]), а также в «Оде на прибытие императрицы ... 1742 года по коронации»: «На запад смотрит грозным оком / Сквозь дверь небесну дух Петров, / Во гневе сильным и жестоком / Преступных он мятет врагов» [Ломоносов: 93].

Определение действий Петра глаголом «мятет» говорит о стремительности его движений, скорости и свободе перемещения в пространстве. В то же время определенных пространственных координат не дано: единственный географический признак окружающего Петра пространства — это направленность его взора на запад, однако где именно находится «дух Петров», что именно он видит, неизвестно. Знаки окружающего Петра пространства в одах Ломоносова появляются чрезвычайно редко. Петр помещен поэтом в безграничный мир, который лишь по видимости имеет некоторые географические или пейзажные признаки, по сути, являясь космосом.

Такое художественное решение сопряжено с введением в оды Ломоносова лейтмотива *божественной избранности* Петра — человека, явление которого призвано свидетельствовать о величии Творца: «Зиждитель мира искони / Своими положил судьбами / Себя прославить в наши дни; / Послал в Россию Человека, / Каков неслыхан был от века» [Ломоносов: 116].

В «Оде на день тезоименитства ... 1743 года» поэт вкладывает в уста Марса и Минервы слова: «Он бог, он бог твой был, Россия, / Он члены взял в тебе плотския, / Сошед к тебе от горьних мест; / Он ныне в вечности сияет...» [Ломоносов: 99]. В «Оде на день восшествия на престол ... 1747 года» «Россию, грубостью попанну», Петр «с собой возвысил до небес» [Ломоносов: 116]. Такую трактовку образа Ломоносов поясняет в «Слове похвальном блаженныя памяти государю императору Петру Великому» (1755): «Мыслям человеческим предел предписан! Божества постигнуть не могут! Обыкновенно представляют Его в человеческом виде, — пишет поэт. — Итак, ежели человека, Богу подобного по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю» [Петр Великий...: 104].

Уподобление Петра божеству не является у Ломоносова только риторической фигурой: оценка Ломоносовым исторических заслуг Петра также исполнена промыслительного начала. В «Оде всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице ... 1761 года» Бог, простирая десницу, поручает Петру: «Низвергни храбростью коварство, / Войсками укроти войны, / Одень оружием новым царство, / Полночны оживи страны» [Ломоносов: 161]. В «Оде ... на взятие Хотина 1739 года», открывающейся сценой битвы с иноземцами, «россы», которых «сам рок покрыть / Желает», одерживают победу, жертвуя своими жизнями во имя Отечества. И тут облаков на поле брани в качестве заступника русского воинства является Петр:

Что так теснит боязнь мой дух?  
Хладнеют жилы, сердце ноет!  
Что бьет за странной шум в мой слух?  
Пустыня, лес и воздух воет!  
В пещеру скрыл свирепство зверь,

Небесная отверзлась дверь,  
 Над войском облак вдруг развился,  
 Блеснул горящим вдруг лицом,  
 Умытым кровию мечем  
 Гоня врагов, Герой открылся. [Ломоносов: 64]

«В художественном изображении Ломоносова Петр I предстает существом высшего порядка, образ его грандиозен и принимает вид полубога», — замечает А.В. Западов [Западов 1961а: 12]. Явление Петра, который нисходит с небес, чтобы прогнать врагов российских, подобно грозе, приводящей природу в движение, заставляющей зверя замереть в своей норе. Именно участие в происходящем на земле небесных сил вовлекает в тексты од Ломоносова пространственные образы космического масштаба: «Не медь ли в чреве Этны ржет / И, с серою кипя, клокочет? / Не ад ли тяжки узы рвет / И челюсти разинуть хочет?» [Ломоносов: 62].

Соответственно этому, в одах отсутствует установка на портретирование. Казалось бы, создавая образ Петра I, Ломоносов мог попытаться нарисовать внешний портрет императора, описать его телесные, природные свойства. Но именно эти черты отсутствуют в одах: даются лишь некоторые «знаки» внешности («Блеснул горящим вдруг лицом», «смотрит грозным оком» [Ломоносов: 64, 93]), жесты («взирает», «вещает» и т. д.) и конкретных действий («Полки, законы, корабли / Сам строит, правит и предводит» [Ломоносов: 145]). Отсутствие пластического изображения особенно заметно в одах, в которых действует не «Петр», а «дух Петров»: подобная замена показывает, что для поэта важно не воплощение физического облика персонажа — исторического Петра, а отображение чистой безобразной мысли, идеи «Отца Отечества». Как историческое лицо Петр должен иметь некоторые свойства и признаки, но как одический персонаж он имеет лишь те свойства, которые соответствуют этой абстрактной идее.

Подводя итоги, можно сказать, что в торжественных одах Ломоносова создается героический отвлеченно-идеальный образ императора Петра I, который моделируется устойчивой системой лейтмотивов.

Наиболее частотным и разноаспектным в одах Ломоносова является мотив преемственности власти. Он разрабатывается в большинстве од Ломоносова, представляя собой некий «узел», к которому сходятся, подобно «нитям», другие лейтмотивы. Из оды в оду проходит мысль о том, что Петр I стал достойным преемником своих славных предков. В то же время он сам заложил фундамент будущего процветания страны, а поэтому он живет в каждом из своих потомков, его «дух» ободряет каждого нового русского царя, когда он принимает «отеческую корону» или осуществляет судьбоносные для страны деяния.

Мотив преемственности в большинстве од Ломоносова сопряжен с изображением Петра I как мудрого политика, поднявшего благосостояние страны, обеспечившего возможность ее выхода на новый уровень развития. Данная составляющая образа лишена в одах Ломоносова всякой конкретизации (в отличие от жанра надписи или посланий), но ее явная связь с другими мотивами говорит читателю, что она занимает в поэтическом наследии Ломоносова далеко не последнее место.

Достаточно частотны в одах Ломоносова мотивы вечной жизни Петра и изображения императора как посланника неба и вершителя божественной воли, сопряженные с мотивами бессмертия Петра, его вечной жизни, вовлекающие

в текст пространственную образность «космического» масштаба и обуславливающие отсутствие установки на портретирование: Петр I в одах Ломоносова статуарен, лишен всякой определенности физического облика. Не являясь центральными, данные мотивы играют большую роль в создании образа Петра. Другие мотивы (например, мотив воинских подвигов Петра I, мотив покровительства наукам) встречаются в торжественных одах реже, но также относятся к числу формирующих образ Петра I как просвещенного монарха.

Явившийся на землю для прославления Творца, Петр в одах Ломоносова оценивается поэтом с точки зрения соответствия умозрительному идеалу просвещенного монарха. Личность Петра как реформатора является в них не только предметом поклонения, но и эталоном истинной государственной мудрости и подлинной заботы об интересах русского народа.

### *Список литературы / References*

- Александрова И.Б. Поэтическая речь XVIII века. М.: Флинта: Наука, 2005. 368 с.  
(Alexandrova I.B. Poetic speech of the XVIII century, Moscow, 2005, 368 p. — In Russ.)
- Батюшков К.Н. Речь о влиянии легкой поэзии на язык // Батюшков К.Н. Сочинения. Т. 1: Опыты в стихах и прозе. М: Худож. лит., 1989. С. 31—39.  
(Batushkov K.N. Speech on the influence of light poetry on language, Batushkov K.N. Essays, vol. 1: Experiments in verse and prose, Moscow, 1989, pp. 31—39. — In Russ.)
- Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 574 с.  
(Belinsky V.G. Complete works in 13 vols, vol. 1, Moscow, 1953, 574 p. — In Russ.)
- Западов А.В. М.В. Ломоносов и журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961а. 100 с.  
(Zapadov A.V. M.V. Lomonosov and journalism, Moscow, 1961a, 100 p. — In Russ.)
- Западов А.В. Отец русской поэзии. М.: Сов. писатель, 1961b. 284 с.  
(Zapadov A.V. The father of Russian poetry, Moscow, 1961b, 284 p. — In Russ.)
- Крыстева Д.Н. Тема Петра I в творчестве А.С. Пушкина: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 228 с.  
(Krysteva D.N. The theme of Peter I in the works of A.S. Pushkin: Diss. ... candidate of Philology, Leningrad, 1984, 228 p. — In Russ.)
- Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1986. 578 с.  
(Lomonosov M.V. Selected works, Leningrad, 1986, 578 p. — In Russ.)
- Мезин С.А. Петр I в русской литературе и общественной мысли XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1984. 279 с.  
(Mezin S.A. Peter I in Russian Literature and Social Thought of the XVIII century: Diss. ... candidate of Historical Sciences, Saratov, 1984, 279 p. — In Russ.)
- Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманитар. ин-та, 2003. 1023 с.  
(Peter the Great: pro et contra: The personality and deeds of Peter I in the assessment of Russian thinkers and researchers: Anthology, St. Petersburg, 2003, 1023 p. — In Russ.)
- Пумпянский Л.В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л.: Наука, 1983. С. 3—44.

(Pumpyansky L.V. Lomonosov and the German school of reason, XVIII century. *Collection 14: Russian literature XVIII — early XIX century in the socio-cultural context*, Leningrad, 1983, pp. 3—44. — In Russ.)

Стенник Ю.В. Петр I в русской литературе XVIII века // Петр I в русской литературе XVIII века (Тексты и комментарии) / вступ. ст. и коммент. Ю.В. Стенника. СПб.: Наука, 2006. С. 3—50.

(Stennik Y.V. Peter I in the Russian literature of the XVIII century, *Peter I in the Russian literature of the XVIII century (Texts and comments)*, St. Petersburg, 2006, pp. 3—50.

Щеблыкин И.П. М.В. Ломоносов (Очерк жизни и поэтического творчества). М.: Просвещение, 1969. 104 с.

(Shcheblykin I.P. M.V. Lomonosov (An essay on life and poetic creativity), Moscow: 1969, 104 p. — In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 06.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 06.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

#### ***Информация об авторе / Information about the author***

***Юрчук Любовь Алексеевна*** — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного Псковского государственного университета, Псков, Россия, lk2185@rambler.ru

***Yurchuk Lubov Alekseevna*** — Doctor of Science (Philology), Professor at Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Pskov State University, Pskov, Russian Federation, lk2185@rambler.ru

# ФИЛОЛОГИЯ

## PHILOLOGY

---

### ЯЗЫКОЗНАНИЕ

#### LINGUISTICS

*Вестник Ивановского государственного университета.*  
*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 73—79.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 73—79.*

Научная статья

УДК 811.161.3'38

DOI: 10.46726/И.2022.3.8

### ИМПЛИЦИТНАЯ ДИАЛОГИЗАЦИЯ БЕЛОРУССКОГО АУКТОРИАЛЬНОГО НАРРАТИВА XX ВЕКА

*Татьяна Евгеньевна Старостенко*

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,  
г. Минск, Беларусь, tstarascienka@gmail.com

**Аннотация.** В статье анализируются основные коммуникативные модели белорусского аукториального нарратива XX века, определяется сходство и различие идиостилей писателей разных временных периодов на основе языковой экспликации субъектных точек зрения. Новизна исследования заключается в расширении понятия диалог на уровне имплицитных контактов не только нарратора и персонажа, но и персонажей, автора и нарратора, автора и читателя. Выделяются инвариантные модели, которые через определенные языковые маркеры расширяют коммуникативный аспект внешне объективного авторского повествования. Характеризуются лингвистические особенности коммуникантов имплицитной диалогизации. Определяется ее влияние на композиционную структуру художественного дискурса в динамическом аспекте благодаря средствам лексического и грамматического уровней. Применение сопоставительно-стилистического метода исследования позволило сравнить идиостили разных прозаиков, выделив общее и частное. В результате анализа удалось установить языковые экспликанты ключевых коммуникативных моделей имплицитного диалога, а также их инвариантов. Рассматриваемые инварианты затрагивают внутреннее развитие одного персонажа от прошлого состояния к современному, а также обращения к читателю, маркированные языковыми средствами публицистического стиля и направленные на внешнюю диалогизацию. Такой подход к изучению художественного текста углубляет понимание основных аспектов коммуникативной стилистики как одного из наиболее перспективных направлений функциональной стилистики.

**Ключевые слова:** коммуникативная модель, точка зрения, нарратор, автор, персонаж

**Для цитирования:** Старостенко Т.Е. Имплицитная диалогизация белорусского аукториального нарратива XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 73—79.

---

© Старостенко Т.Е., 2022

Original article

## IMPLICIT DIALOGIZATION OF THE BELARUSIAN AUCTORIAL NARRATIVE OF THE 20th CENTURY

*Tatyana E. Starostenko*

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,  
Minsk, Belarus, tstarascienka@gmail.com

**Abstract.** The article analyzes the main communicative models of the Belarusian auctorial narrative of the 20th century, determines the similarities and differences between the idiostyles of writers from different time periods based on the linguistic explication of subjective points of view. The novelty of the study lies in the expansion of the concept of dialogue at the level of implicit contacts not only between the narrator and the character, but also between the characters, the author and the narrator, the author and the reader. Invariant models are distinguished, which, through certain language markers, expand the communicative aspect of the externally objective author's narration. Linguistic features of communicants of implicit dialogization are characterized. Its influence on the compositional structure of artistic discourse is determined in a dynamic aspect due to the means of lexical and grammatical levels. The use of the comparative-stylistic method of research made it possible to compare the idiostyles of different prose writers, highlighting the general and the particular. As a result of the analysis, it was possible to establish the language explicants of the key communicative models of the implicit dialogue, as well as their invariants. The considered invariants affect the internal development of one character from the past state to the present, as well as appeals to the reader, marked by linguistic means of a journalistic style and aimed at external dialogization. Such an approach to the study of a literary text deepens the understanding of the main aspects of communicative stylistics as one of the most promising areas of functional stylistics.

**Keywords:** communicative model, point of view, narrator, author, character

**For citation:** Starostenko T.E. Implicit dialogization of the Belarusian auctorial narrative of the 20<sup>th</sup> century, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 73—79.

Интерес к аукториальному нарративу связан с оригинальностью текстовой структуры, в которой на основе внешне объективного авторского повествования возможно выделить точки зрения разных субъектов. В результате такого выделения возникает динамика аукториального нарратива, когда взаимодействуют разные субъектные перспективы, способные к приближению или, наоборот, отдалению от повествователя. Благодаря особому эффекту сопоставления и противопоставления читатель также проникает в художественные события, становясь их соучастником, что способствует актуализации внешнего диалога.

Взаимодействие разных субъектов аукториального нарратива создает текстовую интерференцию, в которой, как считает В. Шмид, «совмещаются две функции — передача текста персонажа и собственно повествование (которое осуществляется в тексте нарратора)» [Шмид: 191]. Возникает имплицитная диалогизация, причем реальная диалогическая конструкция не играет роли, а доминирующую позицию занимают коммуникативные модели (КМ) «нарратор — персонаж», «персонаж — персонаж», «автор — персонаж», «автор — нарратор». Именно такие модели, на наш взгляд, разворачивают

композиционную структуру художественного дискурса в динамическом аспекте и имеют своеобразную языковую экспликацию, в которой задействованы средства как лексического, так и грамматического уровней. Необходимо отметить, что взаимодействие нарратора и персонажа аукториального повествования достаточно полно рассмотрено в научных исследованиях [Бахтин; Винокур; Одинцов; Падучева; Плеханова; Попова Е.; Попова З.; Скорик; Фотина; Шмид], в отличие от моделей «персонаж — персонаж», «автор — персонаж», «автор — нарратор». Тем не менее, эти модели также активно участвуют в многообразии динамического пространства художественного текста. Цель данной статьи — определить разнообразие экспликантов коммуникативной парадигмы белорусского аукториального дискурса разных временных периодов XX века. Нами были проанализированы произведения Кузьмы Чорного, Михася Зарецкого, Максима Горьцкого (начало XX века), Василя Быкова, Янки Брыля, Елены Василевич (середина XX века), Ивана Шамякина, Генриха Далидовича и Вячеслава Адамчика (конец XX века).

Взаимодействие субъектов КМ «нарратор — персонаж» в белорусском аукториальном нарративе происходит через несобственно-прямую речь, косвенную речь, цитаты, вставные конструкции, неопределенные местоимения как вторичные эгоцентрики, персонажные модусы восприятия, рассуждения, воспоминания. В дискурсе XX века оппозиция *нарратор / персонаж* несобственно-прямой речи актуализируется по признаку экспрессивного синтаксического построения, в косвенной речи придаточная часть состояния персонажа имеет авторскую обработку, а персонализация вербализуется дейктиком 1-го лица (Кузьма Чорны) и цитацией (Кузьма Чорный, Г. Далидович). Персонажная цитата связывается с речью одного персонажа или инклюзивного субъекта и отличительно проявляется в идиостиле Я. Брыля (через варваризмы и вхождение в парентетические вставки). Такие вставки репрезентируют точку зрения персонажа и через оценочность (у всех писателей). Кванторные местоимения приобретают дальнейшую номинацию через приём представления в идиостиле М. Горьцкого, В. Быкова, Я. Брыля, Г. Далидовича, причем у Я. Брыля присоединяется ещё и монтажный приём, у Г. Далидовича — приём остранения.

Среди персонажных модусов в дискурсе начала XX века доминирует модус восприятия, в дискурсах других временных периодов — модус восприятия (В. Быков, И. Шамякин), воспоминания (Я. Брыль, В. Адамчик), восприятия, рассуждения, воспоминания (Е. Василевич, Г. Далидович).

В основе КМ «персонаж — персонаж» аукториального нарратива нами выделена субъективная модальность, которая содействует как сопоставлению, так и противопоставлению субъектных точек зрения через оценочные формы, тропеические средства, контаминацию темпоральных единиц, модусные глаголы, личные конструкции с пассивизацией субъекта-личности и безличные предложения. Только сопоставление субъектных перспектив выявлено в прозе И. Шамякина и В. Адамчика, противопоставление — у М. Горьцкого, контаминация этих приёмов характерна для дискурсов М. Зарецкого, Кузьмы Чорного, В. Быкова, Е. Василевич, Г. Далидовича.

Нами выделен инвариант этой модели: «персонаж (прошлый) — персонаж (настоящий)» с экспликацией изменения духовного состояния одного субъекта. Таким образом происходит имплицитный диалог между разными жизненными позициями одного «я». Оппозиционная диалогизация между дистантно размещёнными фрагментами контрастных точек зрения реализует направление духовного роста героя Кузьмы Чорного, у Я. Брыля модус персонажа

с противоположными точками зрения вербализируется в одном фрагменте, у И. Шамякина и В. Быкова — между макропропозициями. Покажем реализацию инварианта «персонаж (прошлый) — персонаж (настоящий)» на примере произведения К. Чорного. В его рассказе «Радасць жанчыны» тематическая линия точки зрения Анны с семьей горя представлена тремя макропропозициями:

1) Трыццаць пяць год пражыла Ганна, усякі дзень жыцця быў доўгі, як год, а гады прайшлі неўзаметку. І ніяк не прыходзіла тое светлае, на што было ў Ганны так многа надзей. І з цягам часу, з кожным годам усё больш і больш гінулі гэтыя надзеі. Цяпер яны з'яўляліся ўжо рэдка калі, прыносілі яны з сабой на момант радасць, а пасля так жа раптоўна гінулі і пакідалі пасля сябе надоўга тупое нездаваленне і смутак [Чорный: 50]; 2) Было ў яе горка на душы, слёзы здаўлівалі ёй горла. Жыццё здавалася непатрэбным, цяжкім, і не хацелася жыць. Хацелася зрабіцца нічым, не адчуваць нічога, не бачыць гэтага жыцця [Чорный: 52]; 3) Гэтыя думкі былі цяжкія і несправетныя для яе, цёмнай вясковай жанчыны, якая нічога ніколі не бачыла, апрача вось гэтага дзікага поля ды гнілых саламяных стрэх, нічога не чула, апрача папрокаў ды мужычай лаянкі [Чорный: 53].

*В подстрочном переводе:* 1) Тридцать пять лет прожила Анна, каждый день жизни был длинный, как год, а годы прошли незаметно. И никак не приходило то светлое, на что было у Анны так много надежд. И со временем, с каждым годом все больше и больше умирали эти надежды. Теперь они появлялись редко когда, принесли они с собой на мгновение радость, а потом так же внезапно умирали и оставляли после себя надолго тупую неудовлетворенность и печаль; 2) Было у нее горько на душе, слезы сдавливали ей горло. Жизнь казалась ненужной, тяжелой, и не хотелось жить. Хотелось сделатья ничем, не чувствовать ничего, не видеть этой жизни; 3) Эти мысли были тяжелые и беспросветные для нее, темной деревенской женщины, которая ничего никогда не видала, кроме вот этого дикого поля да гнилых соломенных крыш, ничего не слышала, кроме упреков да мужской ругани.

Ядерная структура 1-й макропропозиции — двусоставное предложение *все больше и больше умирали эти надежды* — создает впечатление экспрессии печали, которая продолжается в ядерных структурах 2-й макропропозиции (безличной конструкции *было у нее горько на душе* с предикативом внутреннего состояния) и 3-й (двусоставном предложении *эти мысли были тяжелые и беспросветные для нее* с вербализацией безвыходности в именных предикатах). Макропропозиции налаживают результативные отношения и связаны семантически, создавая эмоционально-ситуативное поле несчастной женской судьбы. Ключевое слово *радость* — основной сигнал глобальной ситуации рассказа Кузьмы Чорного — вынесено в заглавие как сильную позицию. Узуальная семантика лексемы содержит определенные намёки на соответствующий позитивно-оценочный тип ситуации произведения, которая разворачивается после экспликации первой тематической линии Анны с семьей горя. Возникают отношения пересечения (контрарные — между заглавием и первоначальной точкой зрения Анны, синонимические — между заглавием и второй точкой зрения).

Тематическая линия точки зрения Анны с семьей счастья репрезентируется тремя макропропозициями с восходящей смысловой и эмоционально-экспрессивной градацией, которая отражает постепенное изменение внутреннего состояния:

1) І раптам стала шкада Ганне ўсіх гэтых людзей. Прапала свая ўласная крыўда, зусім прапала, без следу. І брат Аляксей, які пабіў нядаўна яе, стаў родным і блізкім. Стала невыразна шкада яго, хворага і ад гэтага сярдзітага чалавека; хворага ад вечнай цяжкай працы, хворага ад жыцця, якое ад дзядоў і прадзедаў цягнецца для чалавека вось тут, у гэтых шэрых палях, не як радасць, а як смутак [Чорный: 53].

*В подстрочном переводе:* 1) И вдруг стало жаль Анне всех этих людей. Пропала своя собственная обида, совсем пропала, без следа. И брат Алексей, который побил недавно ее, стал родным и близким. Стало очень жаль его, больного и от этого сердитого человека; больного от вечного тяжелого труда, больного от жизни, которая от дедов и прадедов тянется для человека вот тут, в этих серых полях, не как радость, а как печаль.

Ядро вербализирует переключение внимания на внешний мир через безличную конструкцию с предикативом сочувствия (*И вдруг стало жаль Анне всех этих людей*), которое трансформируется в светлое чувство со значением неопределенности во второй макропропозиции:

2) I тады закаласілася ў Ганны нешта вялікае і радаснае. Нешта расчысціла Ганны думкі, і стала фармавацца ў іх веда, што рабіць... Аж павесялела Ганна [Чорны: 56].

*В подстрочном переводе:* 2) И тогда заколосилось у Анны что-то большое и радостное. Что-то расчистило Аннины мысли, и стало формироваться в них знание, что делать... Даже повеселела Анна.

Синтаксический субъект ядерной структуры, выраженный составным подлежащим (*И тогда заколосилось у Анны что-то большое и радостное*), вносит в неопределенность значение мелиоративности через субстантивацию экспрессивно окрашенных прилагательных. Это значение углубляется в именных предикатах ядерной структуры 3-й макропропозиции, которые «снимают» неопределенность и придают возрожденному состоянию деревенской женщины положительную экспрессивно-эмоционально-оценочную коннотацию:

Было ўжо цёмна на полі, як Ганна падыходзіла к вёсцы. Быў цяжкі туман над старой вёскай, ды лёгкімі і новымі былі думкі ў жанчыны [Чорны: 56].

*В подстрочном переводе:* было уже темно на поле, как Анна подходила к деревне. Был тяжелый туман над старой деревней, да *легкими и новыми были мысли у женщины*.

Реализация модели «автор — персонаж» происходит через субъективацию аукториального повествования в сторону точки зрения героя. Особенности имплицитного диалога КМ «автор — персонаж» заключается в тенденции к редукции авторской сентенции. Авторские отступления представляют собой композиционные сегменты, актуализирующие текстовую дистаксию. При дистантном размещении авторские отступления способствуют ретардации сюжетного повествования как авторского стремления к самовыражению в собственных оценках и выводах относительно происходящего. Если в произведениях М. Горьцкого и М. Зарецкого авторская сентенция структурирована фрагментом, то у Е. Василевич сужается до макропропозиции, а у Г. Далидовича, И. Шамякина, В. Адамчика — до уровня одного-двух предложений. По сравнению с другими временными периодами, в дискурсе конца XX века наблюдается экспликационное расширение модели к выходу на диалогизацию с читателем через дейктики *ты*, *мы* и глаголы 2-го лица. Дейктик *ты* репрезентирует открытое обращение к адресату, *мы* — включенность в авторскую сентенцию читателя, способного находиться в сотворчестве с писателем и его жизненной позицией.

Для модели «автор — нарратор» характерна включенность в нарраторское повествование авторского отступления. Тенденция к редукции авторского отступления сохраняется и в КМ «автор — нарратор»: от фрагмента и макропропозиции в дискурсе начала XX века, фрагмента у Е. Василевич (середина XX века) до одного-двух предложений в дискурсе конца XX века. Это обусловлено

уменьшением воздействия автора и его сентенции на читательское декодирование произведения. Схожесть разных дискурсов заключается в инвариантных моделях КМ «автор — нарратор»: «нарратор — читатель» (М. Горецкий), «автор — читатель» (Е. Василевич, В. Адамчик, И. Шамякин).

Особенность инвариантной модели «нарратор — читатель» проявляется в повести М. Горецкого «Ціхая плынь» при монтажном приеме субъективации: от общего (деревня), до среднего (бедная хатка) и крупного (несчастный ребенок) с подключением обращения к читателю. Форма такого обращения эксплицируется через дейктик-адресат *вы*, а также маркированные публицистическим стилем глаголы повелительного наклонения, направленные на внешнюю диалогизацию инвариантной модели, коммуникативная сущность которой характерна, в первую очередь, для публицистики.

Для инвариантной модели «автор — читатель» Е. Василевич характерна прагматико-коммуникативная направленность к читателю в авторском сегменте, в результате чего стиль авторского отступления выразительно коррелируется с публицистическим. Коннекторный ряд адресата-читателя, сформированный местоимениями *твой*, *тебе*, дополняется глагольными формами 2-го лица *выйдешь*, *почувствуешь*, *посмотришь* с контекстуальной семантикой настоящего постоянного. Это позволяет приблизить авторскую сентенцию к читателю в эмоциональном плане через актуализацию эффекта сопереживания. Обобщенно-личные предложения в авторской части приобретают субъективное обобщение, поскольку действие направляется к любому адресату, связанному с автором общими чувствами и переживаниями. Рациональность авторского отступления приобретает у В. Адамчика прагматико-коммуникативную направленность к читателю через дейктик *мы*, модальные слова проблематической (*наверное*) и категорической (*действительно*) вероятности, что содействует эффекту сотворчества. Авторская сентенция И. Шамякина, не имеющая, в отличие от В. Адамчика, модальных слов, развертывается в логическом плане и налаживает внешнюю диалогизацию с читателем через местоимение *ты* и глагольную форму 2-го лица.

Выделение КМ «нарратор — персонаж», «персонаж — персонаж», «автор — персонаж», «автор — нарратор» в белорусском ауториальном нарративе XX века позволило установить расширенный характер диалогических отношений прежде всего на уровне имплицитности. Если эксплицированный диалог ориентирован на реплики персонажей, то имплицитный реализует контакт между многими субъектами прозаического текста. Языковой анализ такого контакта и субъектных точек зрения способствует также и пониманию специфики идиостиля.

#### Список литературы / References

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.  
(Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity, Moscow, 1986, 445 p. — In Russ.)
- Винокур Т.Г. Первое лицо в драме и прозе М. Булгакова // Очерки по стилистике художественной речи / отв. ред. А.Н. Кожин. М.: Наука, 1979. — С. 50—65.  
(Vinokur T.G. The first person in the drama and prose of M. Bulgakov, *Essays on the style of artistic speech*, Moscow, 1979, pp. 50—65. — In Russ.)
- Одинцов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1973. 104 с.  
(Odintsov V.V. On the language of artistic prose, Moscow, 1973, 104 p. — In Russ.)

- Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.  
(Paducheva E.V. Semantic studies (Semantics of time and aspect in the Russian language; Semantics of narrative), Moscow, 1996, 464 p. — In Russ.)
- Плеханова Т.Ф. Текст как диалог. Минск: МГЛУ, 2003. 251 с.  
(Plekhanova T.F. Text as dialogue, Minsk, 2003, 251 p. — In Russ.)
- Попова Е.А. Коммуникативные аспекты традиционного повествования русской классической литературы: в 2 частях. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2007. Ч. 2. 283 с.  
(Popova E.A. Communicative aspects of the traditional narrative of Russian classical literature: in 2 parts, pt. 2, Lipetsk, 2007, 283 p. — In Russ.)
- Попова З.А. Поэтика прозы Л. Добычина. Нарратологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 34 с.  
(Popova Z.A. Poetics of prose by L. Dobychin. Narratological aspect: abstract of the dissertation ... of the Candidate of philological sciences, St. Petersburg, 2005, 34 p. — In Russ.)
- Скорик К.В. Диалогизация художественного текста: типы и способы ее актуализации в англоязычной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 19 с.  
(Skorik K.V. Dialogueization of a literary text: types and methods of its actualization in English-language prose: abstract of the dissertation ... of the Candidate of philological sciences, St. Petersburg, 2010, 19 p. — In Russ.)
- Фотина Н.Э. Функционирование категории диалогичности в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 24 с.  
(Fotina N.E. The functioning of the category of dialogue in the prose of A.P. Chekhov, abstract of the dissertation ... of the Candidate of philological sciences, Volgograd, 2017, 24 p. — In Russ.)
- Чорны К. Вераснёвыя ночы: Апавяданні, раман. Мінск: Маст. літ., 2003. 429 с.  
(Chorny K. September Nights: Short stories, the novel, Minsk, 2003, 429 p. — In Belarus.)
- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.  
(Schmid W. Narratology, Moscow, 2008, 304 p. — In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 10.05.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 10.05.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

#### ***Информация об авторе / Information about the author***

***Старостенко Татьяна Евгеньевна*** — кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и лингводидактики, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь, tstarascienka@gmail.com

***Starostenko Tatyana Evgenievna*** — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus. tstarascienka@gmail.com

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 80—87.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 80—87.*

Научная статья

УДК 81'25

DOI: 10.46726/И.2022.3.9

## НАЗВАНИЯ ПОЛОТЕН РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ В НЕМЕЦКОМ ПЕРЕВОДЕ

*Наталья Юрьевна Хорецкая, Инна Владимировна Кокурина*

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,  
nataliasch@mail.ru, inna-kokurina@mail.ru

**Аннотация.** Данная статья посвящена проблеме перевода на немецкий язык названий произведений искусства, в частности полотен И. Левитана. Названия произведений искусства, артионимы, обладают яркой национально-культурной спецификой, поскольку их значения восходят к культуре носителя языка, а также к личности самого автора. Очень часто на название произведения искусства накладывается также специфика конкретного языка (синтаксис, грамматика, лексика, стилистика). Так как артионим влияет на зрительное и слуховое восприятие, формируя при этом у человека чувство прекрасного, то эта единица языка требует особого внимания при переводе на другой язык. Анализ перевода на немецкий язык названий полотен И. Левитана показал некоторые неточности в передаче смысла названия произведения, что влечёт к несколько искажённой подаче информации для носителей немецкой культуры, в то время как адекватный перевод артионима обеспечивает правильное восприятие произведения и понимание замысла художника.

**Ключевые слова:** артионим, адекватный перевод, переводческие трансформации, национально-культурная специфика

**Для цитирования:** Хорецкая Н.Ю., Кокурина И.В. Названия полотен русских художников в немецком переводе // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 80—87.

Original article

## THE NAMES OF THE CANVASES BY RUSSIAN ARTISTS IN GERMAN TRANSLITERATION

*Natalia Yu. Khoretskaya, Inna V. Kokurina*

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nataliasch@mail.ru,  
inna-kokurina@mail.ru

**Abstract.** This article is devoted to the problem of translating into German the names of the works of art, in particular the canvases by I. Levitan. The names of the work of art, artionyms, have a vivid national and cultural specificity, as far as their meanings go back to the culture of the native speaker, as well as to the personality of the author himself. Very

often, the name of the work of art is also overlaid with the specifics of a particular language (syntax, grammar, vocabulary, stylistics). And since the artionym affects visual and auditory perception, while forming a person's sense of beauty, this unit of language requires special attention while translating into another language. The analysis of the translation into German of the names of Levitan's canvases showed some inaccuracies in the transfer of the meaning of the title of the work, which leads to distorted presentation of information for speakers of the German culture, while an adequate translation of the artionym ensures the correct perception of the canvas and understanding of the artist's intention.

**Keywords:** artionym, adequate translation, translational transformations, national and cultural specificity

**For citation:** Khoretskaya N.Yu., Kokurina I.V. The names of the canvases by Russian artists in German transliteration, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 80—87.

Для успешного межкультурного общения в условиях современной глобализации большую роль играет знание и понимание ценностей разных наций. Особенности мышления и восприятия окружающего мира, как известно, отражаются в языке. Язык также является и хранилищем культуры народа. Поэтому залогом эффективной коммуникации является умение понимать культурные особенности собеседника.

Этнокультурное своеобразие языка отражают наименования произведений искусства (живопись, скульптура, музыка и т. д.), которые так же, как и литературно-художественные произведения, являются плодом мыслительной деятельности человека. Такие «тексты культуры», созданные «на языке культуры и дешифруемые («читаемые») носителями этого языка», представляют собой свою систему ценностей [Алефиренко: 89].

При этом любое произведение искусства имеет две составляющие или два типа повествования, дополняющие друг друга — визуальный и вербальный [Мухаметгареева: 5]. Иными словами, у каждого произведения искусства есть свой изображаемый объект и своя номинация.

Название произведения искусства именуют в науке о языке артионимом. Само появление артионимов связано с возникновением институтов музеев и выставок, которые привлекли к себе публичное внимание. Увеличение мобильности произведений искусства дало возможность представлять их большему количеству зрителей [Климова: 12]. Любой артионим, как правило, обладает яркой национально-культурной спецификой, поскольку его значение восходит к культуре носителя языка, а также к личности самого автора [Бурмистрова: 5]. Очень часто на название произведения искусства накладывается также специфика конкретного языка (синтаксис, грамматика, лексика, стилистика). И поскольку артионим влияет на зрительное и слуховое восприятие, формируя при этом у человека чувство прекрасного, эта единица языка требует особого внимания при переводе на другой язык.

Важной эта проблема видится и при передаче на иностранный язык названий произведений живописи, поскольку именно они содержат «вербальный ключ к авторскому замыслу художника» [Ефремова: 23]. Поэтому верный перевод артионима может рассматриваться как «окно в национальное мироощущение и мировидение» [Корнилов: 82]. Этот вопрос, к сожалению, не получил пока достаточного освещения и изучения в переводоведении, но видится актуальным в свете современной тенденции диалога культур.

Поскольку в любом произведении живописи важным являются и художник, и картина, и название, то при переводе на иностранный язык самого

названия необходимо иметь достаточно полное представление также обо всех составляющих этой художественной триады и принимать их во внимание.

С этих позиций рассматривались переводы названий полотен знаменитого русского художника 19 века Исаака Ильича Левитана, чьи картины были ярко представлены в коллекции Павла Третьякова, а также в экспозициях передвижников и на Всемирной выставке в Париже. Учителями художника были Василий Перов, Василий Поленов, Алексей Саврасов. Известен И. Левитан прежде всего пейзажами, на которых он не только изображал природу, но и передавал свои настроения. Особое признание мастер получил благодаря картинам, написанным на Волге, где он часто проводил время в небольшом городке Плёс (ныне Ивановская область). Именно здесь сейчас находится дом-музей И. Левитана. За свою творческую жизнь художник написал впечатляющее количество картин — около 945. Многие из них находятся в частных коллекциях по всему миру.

Материалом для изучения особенностей перевода на немецкий язык названий полотен И. Левитана послужили номинации более 300 картин художника. В качестве основного источника примеров артионимов явился художественный альбом «Lewitan» Е. Большакова на немецком языке, изданный в 1981 году издательством «Аврора» (Ленинград) [Bolschakow]. Данная энциклопедия содержит переводы названий картин И. Левитана на немецкий язык. Другими источниками для исследования, содержащими немецкие артионимы, послужили интернет-сайты художественного направления, в частности [www.kunstkopie.de](http://www.kunstkopie.de).

Анализ передачи на немецкий язык названий картин И. Левитана проводился по нескольким направлениям:

- 1) переводческие трансформации, используемые при переводе исследуемых артионимов;
- 2) передача имен собственных, встречающихся в названиях картин;
- 3) выявление вариантов перевода названия одной картины;
- 4) особые случаи перевода на немецкий язык наименований полотен художника.

Прежде чем остановиться на этом более подробно, хотелось бы отметить, что достаточное количество названий картин И. Левитана имеют эквивалентный перевод на немецкий язык. Объясняется это тем, что многие полотна получили короткие, часто состоящие из одного слова, названия. Например, «Дуб» — «Die Eiche», «Март» — «März», «Осень» — «Herbst», «Одуванчики» — «Löwenzähne» и др. Иногда номинация картины представляет собой словосочетание. В таких случаях также имеет место дословный перевод, не искажающий замысел автора: «Золотая осень» — «Goldener Herbst», «Первая зелень. Май.» — «Erstes Grün. Mai.», «Сад в снегу» — «Garten im Schnee», «Заросший пруд» — «Verwachsener Teich» и т. п. В аналогичных случаях в названиях картин запечатлен главный образ произведения или его главная тема, что не составляет труда передать такие понятия на немецкий язык.

Остановимся подробнее на основных направлениях анализа переводов названий картин И. Левитана.

1. Особого внимания заслуживают переводы названий шедевров И. Левитана, где необходимо было прибегнуть к **переводческим трансформациям**. При этом, как правило, были использованы два основных вида трансформаций — лексические и лексико-грамматические.

Лексические трансформации — преобразования на уровне лексики — представлены тремя основными видами: генерализацией, конкретизацией и модуляцией (смысловое / логическое развитие).

Приём *генерализации* (замена единицы исходного языка с узким значением единицей языка перевода с более широким значением) при переводе названий картин на немецкий язык используется достаточно часто. Например, название картины «Тишина» передано на немецкий язык как «Friede». Как известно, объём значения немецкой лексемы Friede довольно широк и включает в себя также компоненты «мир, спокойствие». Несмотря на столь «широкий» в лексическом плане перевод названия, он видится адекватным, поскольку переданная на картине красота природы в сумеречное время в виде извилистой речки, облачного неба с луной, отражающейся в воде, одиноко стоящей березы и тропинки, ведущей к деревне, постепенно погружающейся в ночную тьму, создают особое молчание природы, ожидающей прихода ночи. Благодаря таким образам картина передаёт не только тишину, но и как следствие особое спокойствие.

Переводческий приём генерализации прослеживается и в переводе названия картины «Тропинка в лиственном лесу. Папоротники» — «Weg im Laubwald. Farn». В немецком варианте перевода русское слово «тропинка» передано более широким по значению словом «Weg», которое включает в себе подзначения «дорога, путь, тропа». На картине изображена извилистая тропинка в густом лесу. Именно здесь человек остаётся наедине с природой и собой — таков замысел художника. Здесь прослеживается скорее идея о том, что в этом месте можно доверить природе свои мысли, а не найти свой путь. Поэтому логичным было бы передать этот компонент названия картины не словом «Weg», а более конкретной лексемой «Pfad».

При переводе на немецкий язык названий картин И. Левитана используется и такая лексическая трансформация как *конкретизация*, когда в первоначальную структуру для уточнения понятия вводится дополнительная дифференциальная сема. Примером такого положения вещей может служить перевод названия картины «Васильки» — «Kornblumenstrauß». В немецком варианте появляется дополнительный компонент Strauß (букет), что уточняет изображённый на полотне образ — васильки в вазе.

Ярким примером конкретизации служит также перевод названия произведения «Река Истра» — «Das Flüsschen Istra». В немецком варианте с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса подчёркивается тот факт, что Истра является небольшой речушкой, протекающей через бескрайний луг.

Интересным в плане использования приёма конкретизации видится также перевод названия «Бурный день» — «Stürmischer Tag». Если обратиться к ситуации, в которой создавалось это художественное полотно, то становится ясно, что автору в этот период было свойственно стремительное движение жизненного ритма. Он как бы торопился наносить всё новые и новые мазки, поскольку начинал чувствовать обречённость и приближение смерти. Именно это состояние передаёт образ сильного порывистого ветра над поляной и домиками местных жителей. Плотные облака несут тяжёлый дождь. Необходимо спешить. Жизнь должна кипеть, бурлить в творчестве. Именно поэтому картина получила своё название «Бурный день». Немецкий вариант «stürmisch» конкретизирует лишь одну сторону настроения автора — наступление жизненной непогоды, что несколько ограничивает понимание замысла художника.

Приём *модуляции* (лексико-семантическая замена слова исходного языка единицей языка перевода, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы [Пархомик]) использован, например, при переводе названия картины «Цветущие яблони» — «Apfelbäume blühen».

Оригинал названия представляет собой в семантическом плане результат действия, в то время как в переводе отражён сам процесс — *blühen* (цвести).

То же самое можно сказать и о переводе названия «Вечер над болотом» — «*Marschlandschaft am Abend*», где наименование «вечер» становится в немецком варианте обстоятельством, а на передний план выступает понятие «пейзаж в болотистой местности».

К лексико-грамматическим трансформациям традиционно относят три вида переводческих преобразований: добавление, опущение, описательный приём.

Приём добавления используется для добавления лексических единиц при переводе оставшихся невыраженными семантических компонентов оригинала. Примером может служить перевод названия «Иллюминация Кремля» — «*Festbeleuchtung des Moskauer Kreml*», где в немецком варианте добавляется слово «*Moskauer*» для пояснения местонахождения этой достопримечательности.

Обратным добавлению является приём опущения — отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов оригинала. Например, «Портрет писателя Антона Павловича Чехова» — «*Porträt des Schriftstellers Anton Tschschow*». В данном случае передача на немецкий язык отчества не является релевантным для немецкого получателя информации, т. к. в немецкой культуре отсутствует традиция отчества.

И наконец, описательный приём (описание средствами другого языка обозначенного понятия) прослеживается, например, в переводе названия картины «Сура с высокого берега» — «*Der Fluss Sura. Vom hohen Ufer gesehen*». Компонент «с высокого берега» передан в переводе описанием «*vom hohen Ufer gesehen*».

2. Отдельно следует рассмотреть и передачу имён собственных. Как правило, имена собственные передаются в немецких вариантах с помощью транслитерации («Закат на Волге» — «*Sonnenuntergang an der Wolga*», «Владимирка» — «*Wladimirka*») или используются общепринятые варианты названий («Близ Бордигеры» — «*In der Nähe von Bordighera*», «Цепь гор онблан» — «*Die Gebirgskette des Montblanc*», «Канал в Венеции» — «*Kanal in Venedig*»). Однако иногда само имя собственное опускается при переводе. Например, название «Саввинская слободка» передаётся на немецкий язык просто как «*Slobodka*». Как известно, Саввинская слободка — это село в бывшей Тверской губернии. Оба компонента являются единым именем собственным и поэтому требуют более полной передачи при переводе.

3. Особый интерес представляют варианты переводов названий одной картины. Так, у названия «На даче в сумерки» в разных источниках были обнаружены два немецких варианта перевода: «*Landhaus in der Abenddämmerung*» и «*Dämmerung vor der Stadt*». Два варианта звучания на немецком языке имеются и у картины «Лунная ночь. Деревня» («*Mondnacht. Dorf*» и «*Dorf im Mondschein*»). А картина «Над вечным покоем» насчитывает даже три варианта перевода — «*Über der ewigen Ruhe*», «*Über dem ewigen Frieden*» и «*Die ewige Ruhe*».

4. В ходе работы с фактическим материалом отдельно были рассмотрены названия некоторых произведений И. Левитана, перевод которых вызывает определённые вопросы. Именно в таких картинах заложены сокровенные идеи автора, которые тем или иным образом скрыты в самих названиях, несущих в себе неоднозначный смысл.

Как уже упоминалось выше, всемирно известный левитановский шедевр «Над вечным покоем» имеет в немецком языке три варианта перевода,

два из которых встречаются наиболее часто — «Über dem ewigen Frieden» и «Über der ewigen Ruhe». Чтобы разобраться, какой именно из существующих переводов наиболее точно передаёт настроение произведения, обратимся к самой картине. Небольшая церковь с забытым кладбищем, тяжёлые облака, сильный ветер сгибает тонкие деревья, тропинка к церкви — главные образы картины, которые кажутся крошечными на фоне мощи окружающей стихии. Чувство беспомощности и незащищённости возникает при знакомстве с произведением. Создаётся впечатление, что «уплывающий» вдали остров уносит с собой в вечность души умерших. Жизнь человека быстротечна. И никто не знает, что там ждёт за порогом вечности. Но именно над этим вопросом заставляет задуматься автор. Считается, что купол церквушки, противостоящей стихии, символизирует веру в обретение покоя и уверенность в своих целях и смысле самой жизни. Это как бы зашифрованный оптимистический подтекст картины. Поняв замысел автора, невольно начинаешь понимать смысл самого названия «Над вечным покоем». Анализируя имеющиеся переводы этого названия, следует обратиться к переводу самих лексем *Frieden* и *Ruhe*. Согласно официальному переводу, *Frieden* имеет значения «мир, согласие, спокойствие», а *Ruhe* — «спокойствие, отдых, неподвижность, тишина, порядок, затишье» [Новый большой немецко-русский...: 182]. Толковый словарь Duden объясняет значение лексемы *Frieden* как «Zustand der Eintracht, der Harmonie» (состояние мира, гармонии) [Duden: 539]. Слово *Ruhe* имеет пояснения: «durch kein Geräusch gestörter Zustand» (состояние, не нарушаемое звуками), «Zustand erholsamer Untätigkeit» (состояние отдыха), «durch keine Erregung gestörter Zustand des seelischen Gleichgewichts» (безмятежное состояние душевного равновесия) [Duden: 1274]. Могут ли эти слова в полном объёме отразить значение русского названия картины, представляет собой определённый вопрос. Ведь как говорилось выше, смысл картины — передать настроение вечности, в которой потонули многие жизни. Об этом молчит природа, молчит окружающий мир, по-своему молчат стихии. Может быть, поэтому логичнее было бы перевести название картины с помощью немецкого слова *Stille*, имеющего значения «тишина, безмолвие, молчание». А производное от него прилагательное «still» имеет ещё дополнительное значение «тайный» [Duden: 1470].

Отдельный интерес представляют переводы названия картины «Тихая обитель» — «Friedliches Kloster» и «Stiller Ort am Fluss». На картине изображены речка с деревянным мостом, тропинка на дальнем берегу, ведущая через лес к стенам белокаменного монастыря с зелёными и золотыми куполами. А. Бенуа в отзыве об этой картине заметил, что здесь передана струя воздуха как звук колокола в сказке Андерсена, где звон доносится из ближайшего леса, но найти этот колокол не дано [Бенуа]. Такие образы располагают к отдыху и размышлению о жизни без горя и мелких житейских забот. Сам И. Левитан говорил о своей картине, что запечатлел в ней красоту, разлитую в природе, «которой можно молиться как богу и просить у неё вдохновения, веры в себя» [Турков: 64]. Слово «обитель» лишь в устаревшем значении называет понятие «монастырь». Во всех остальных случаях это «жилище», «место проживания», «пристанище», «кров». Как видно из описания картины, здесь более широкий контекст, чем просто религиозная тематика. Поэтому встаёт вопрос, не слишком ли узким является перевод этого слова как «Kloster»? Может быть, это действительно «Stiller Ort» («тихое место»), где душа отдыхает? А может, это «Friedliche Heimstatt», где человек чувствует себя легко и непринуждённо?

Обращает на себя внимание и перевод картины «Ветхий дворик» — «Alter Hof». Небольшой крестьянский дворик с обветшалыми постройками вызывает чувство тоски по царившей здесь когда-то бурной жизни. Сочувствием и сожалением к милому сердцу дворику наполнен общий фон картины. В переводе названия, однако, теряется нежное отношение к изображённому. «Дворик» становится просто двором «Hof». А слово «ветхий» передаётся через «alt» — «старый». Но «ветхий» имеет более глубокий смысл — «трону́тый временем», «жалкий». Возможно, в переводе следовало бы использовать именно слова «verwittert» или «schäbig».

Это были только наиболее яркие примеры недостаточно точной передачи на немецкий язык названий полотен великого И. Левитана. Список, безусловно, можно было бы продолжить и дальше.

Поскольку название картины привлекает зрителя так же, как и сама картина, так как содержит информацию о замысле автора, то адаптация названия картины другим языком видится важной и необходимой.

### *Список литературы / References*

- Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.  
(Alefirenko N.F. The poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture, Moscow, 2002, 394 p. — In Russ.)
- Бенуа А.Н. История русской живописи в 19 в. М.: Республика, 1995. 448 с.  
(Benua A.N. The history of Russian painting in the 19th century, Moscow, 1995, 448 p. — In Russ.)
- Бурмистрова Е.А. Названия произведений искусства как объект ономастики: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2006. 20 с.  
(Burmistrova E.A. Names of works and how the object onomastics: autoreferat diss. ... candidate of Sciences (Philology): 10.02.01. Volgograd, 2006, 20 p. — In Russ.)
- Ефремова Т.В. Названия картин американских художников XX—XXI веков: опыт дискурсивного описания: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2014, 170 с.  
(Efremova T.V. The names of paintings by American artists of the XX—XXI centuries: the experience of discursive description: diss. ... candidate of Sciences (Philology): 10.02.04, Samara, 2014, 170 p. — In Russ.)
- Климова Л.А. Немецкие и русские артионимы в сопоставительном рассмотрении (на материале названий произведений изобразительного искусства): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2017. 22 с.  
(Klimova L.A. German and Russian artionyms in comparative consideration (based on the material of the names of works of fine art): autoreferat diss. ... candidate of Sciences (Philology): 10.02.01, Volgograd, 2017, 22 p. — In Russ.)
- Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М: КДУ, 2011. 349 с.  
(Kornilov O.A. Linguistic worldviews as derivatives of national mentalities, Moscow, 2011, 349 p. — In Russ.)
- Мухаметгареева Н.М. Артионим во французском и русском искусствоведческих дискурсах (лингвокультурологический аспект перевода): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2017. 24 с.

(Mukhametgareeva N.M. Artionym in French and Russian art history discourses (linguoculturological aspect of translation): autoreferat diss. ... candidate of Sciences (Philology): 10.02.20, Ufa, 2017, 24 p. — In Russ.)

Новый большой немецко-русский словарь: в 3 т. / под общим руководством Д.О. Добровольского. М.: АСТ: Астрель, 2010. Т. III: R—Z. 1263 с.

(D.O. Dobvol'skii (ed.) New large German-Russian dictionary: in 3 vol., Moscow, 2010, vol. III: R—Z. 1263 p. — In Russ.)

Пархомик В.В. Модуляция и антонимический перевод как способы перевода контекстов с ФЕ невербального поведения человека из сказок братьев Гримм с немецкого языка на русский и белорусский языки // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб.: Свое издательство, 2015. С. 149—151.

URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/138/8327/> (дата обращения: 25.08.2019).

(Parkhomik V.V. Modulation and antonymic translation as ways of translating contexts with phraseological units of nonverbal human behavior from the Grimm Brothers' fairy tales from German into Russian and Belarusian, *Philological Sciences in Russia and abroad: Materials of the III International Scientific Conference (St. Petersburg, July 2015)*, St. Petersburg, 2015, pp. 149—151. — In Russ.)

Турков А.М. Левитан. М.: Искусство, 1974. 160 с.

(Turkov A.M. Lewitan, Moscow, 1974, 160 p.)

Bolschakow J.B. Lewitan (übersetzt von G. Chwostowa). Leningrad, Aurora—Kunstverlag, 1981, 181 p.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch A—Z. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1996, 1816 p.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

#### **Информация об авторах / Information about the authors**

**Хорецкая Наталья Юрьевна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, nataliasch@mail.ru

**Khoretskaya Natalia Yurievna** — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nataliasch@mail.ru

**Кокурина Инна Владимировна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, inna-kokurina@mail.ru

**Kokurina Inna Vladimirovna** — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, inna-kokurina@mail.ru

# ИСТОРИЯ

## HISTORY

---

*Вестник Ивановского государственного университета.*  
*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 88—93.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 88—93.*

Научная статья

УДК 930.2:003.072

DOI: 10.46726/И.2022.3.10

### ИСТОЧНИКИ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ЗАХАРИИ МИТИЛЕНСКОГО

*Яна Алексеевна Дронова*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
г. Белгород, Россия, 803014@bsu.edu.ru

**Аннотация.** Статья посвящена анализу исторических источников, которые использовал Захария Митиленский при составлении «Церковной истории». Как и его предшественники, Захария включил в свою работу большое количество документов; французский исследователь Филип Блауда обнаруживает двадцать. Захария почти наверняка имел доступ к собраниям документов и писем из Александрии, что позволило ему пространно цитировать заслуживающие особого внимания письма к или от александрийских предстоятелей. Он также имел доступ к архиву императорской корреспонденции в Константинополе. По крайней мере, информация из неё упоминается в нескольких случаях. Мы видим, что автор работал с документами от высшего государственного уровня, такими как папские послания и императорские указы, до народных легенд и устных преданий. Нет ничего удивительно в том, что в источнике имеются устные свидетельства, т. к. Захария жил во время описываемых им событий, а его деятельность относится к концу данного периода. Многие из источников лишь частично отражены в тексте работы. Тем не менее, изучение этой проблемы необходимо для понимания массива информации, доступной автору, что неизбежно наложило отпечаток на содержание его текста.

**Ключевые слова:** Поздняя Римская империя, Ранняя Византия, Захария Митиленский Схоластик, Церковная история

**Благодарности:** работа выполнена при поддержке научного руководителя, доктора исторических наук, профессора Н.Н. Болгова.

**Для цитирования:** Дронова Я.А. Источники «Церковной истории» Захарии Митиленского // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 88—93.

Original article

## SOURCES OF THE «CHURCH HISTORY» OF ZACHARIAS OF MYTILENE

*Yana A. Dronova*

Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation,  
803014@bsu.edu.ru

**Abstract.** The article is devoted to the analysis of historical sources used by Zacharias of Mytilene when compiling the “Church History”. Like his predecessors, Zacharias included a large number of documents in his work; French researcher Philip Blaudeau discovers twenty. Zacharias almost certainly had access to collections of documents and letters from Alexandria, which allowed him to quote at length letters to or from the Alexandrian primates that deserve special attention. He also had access to the archive of imperial correspondence in Constantinople. At least, the information from it is mentioned in several cases. We see that the author worked with documents from the highest state level, such as papal epistles and imperial decrees, to folk legends and oral traditions. There is nothing surprising in the fact that there is oral evidence in the source, because Zachariah lived during the events described by him, and his activities relate to the end of this period. Many of the sources are only partially reflected in the text of the work. Nevertheless, the study of this problem is necessary to understand the array of information available to the author, which inevitably left an imprint on the content of his text.

**Keywords:** Late Roman Empire, Early Byzantium, Zacharias of Mytilene Scholasticus, Church history

**Acknowledgements:** the work was carried out with the supported by of the supervisor, Doctor of Historical Sciences, Professor N.N. Bolgov.

**For citation:** Dronova Ya.A. Sources of the “Church History” of Zacharias of Mytilene, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 88—93.

«Церковная история» Захарии Ритора или Схоластика, а позднее, в соответствии с халкидонской верой, епископа Митиленского на острове Лесбос, является древнейшим памятником сирийской церковной историографии.

Согласно одной из выдвинутых версий, оригинал сочинения был написан по-сирийски [Болотов: 195] (отсюда и более распространенное название — «Сирийская хроника»), однако в тексте источника имеется прямое указание на то, что изначально «Церковная история» была написана на греческом языке [The Syriac Chronicle...: 38].

Подлинный текст рассматриваемого сочинения не сохранился, и мы имеем только сирийский перевод, воспроизводящий оригинал с произвольными изменениями. Оригиналу хроники был доведен до 491 года [Пигулевская: 107]. Он является, как можно понять из слов Захарии, логическим продолжением «Церковной истории» Сократа Схоластика. Сирийская переработка, помимо исправлений и сокращений, продолжила оригинальный текст до 569 года [The Syriac Chronicle...: 16]. Имя переписчика осталось неизвестным, и в историографии он обозначается как Псевдо-Захария. Поскольку дошедший до нас текст является плодом именно его трудов, в историографии может встречаться такое название источника, как «Хроника» Псевдо-Захарии.

Несмотря на то, что природа произведений Захарии все еще является предметом споров, нет сомнений в том, что «Церковную историю» (жанр был

создан Евсевием Кесарийским в начале IV в.), написал именно Захария. В то время как для Евсевия большая часть его работ, охватывающих период от апостолов до его собственных дней, посвящена церкви, в отличие от империи, задача стала более сложной после обращения Константина и роста все более христианизированной империи: границы жанра становились все более размытыми, поскольку светские и церковные дела становились все более тесно переплетенными.

При Феодосии II (408—450) три церковных историка составили работы, охватывающие период после обращения Константина. Сократ, Созомен и Феодорит рассматривали церковные дела от Константина до Феодосия II, но завершали свои сочинения несколько раньше того времени, когда они писали. Их решение, вероятно, было мотивировано хотя бы частично спорами, которые все еще бушевали в то время, результат которых оставался неопределенным; в подобных обстоятельствах было бы благоразумно передать такие вопросы возможному преемнику по сочинению.

Захария, чья работа датируется началом правления Анастасия, вероятно, между 492 и 495 гг., таким образом, был частью продолжающейся традиции, и, как его предшественники в начале века, он продолжал их тексты там, где они прерывались, или, точнее, в промежутке нескольких лет после завершения их работы. Поскольку сочинение Сократа охватывает события до 438 г., рассказ Захарии открывается Халкидонским собором 451 г., но есть достаточно распространенное мнение о том, что труд появился в начале 490-х гг., вскоре после переезда Захарии в Константинополь [Blaudeau: 4].

Работа была посвящена некоему Евпраксию, кувикулярию, известному только из переписки Севера и биографии патриарха Захарии, он поддерживал Севера во время его пребывания в Константинополе (508—511), но умер к тому времени, когда Захария начал писать «Жизнь Севера».

Жанр церковной истории еще только развивался в то время, когда писал Захария. После Евсевия и первого поколения его последователей сохранялась общая традиция, хотя различия между ранее написанными историями Феодорита, Сократа и Созомена ощутимы.

В своем сосредоточении на доктринальных вопросах Захария больше похож на Феодорита, чем на Сократа или Созомена. Так же как и Феодорит, он почти полностью избегает описания светских событий даже в период, наиболее близкий к его собственным дням. Как и его предшественники, Захария скуп в рассказах о чудесах, рассказы же, которые связаны с ними, естественно, делают честь антихалкидонянам.

Работа пользовалась успехом, переписывалась и, без сомнения, была задумана как часть кампании, призванной побудить Анастасия продолжать поддержку Энотикона Зенона. Более конкретно, он, возможно, надеялся стимулировать участие александрийцев в церковной политике и противодействовать усилиям, предпринимаемым Константинопольским патриархом Евфимием, чтобы сплотить сторонников Халкидона [Allen: 473].

Но халкидонские события послужили толчком к изменению в стиле написания церковных историй, жанр принял новый оборот. Элементы, составляющие жанр, остаются по большей части прежними, например, частое цитирование документов, список патриархов, но все они теперь были подчинены интересам определенных фракций.

Восточная империя была свидетелем ожесточенной борьбы между соперничающими церковными партиями, каждая из которых часто имела

своего кандидата на определенный патриархат, а также свои собственные традиции в отношении отдельных лиц и соборов. Следовательно, историки церкви отражают эти традиции, цитируя документы, подтверждающие их точку зрения, и интерпретируя события таким образом, чтобы подтвердить свою доктринальную позицию [Brooks: 16].

Захария кратко объясняет свою цель при составлении работы: она состоит в том, чтобы предоставить некоему Евпраксию отчет об истории церкви с 449 г. и далее, с особым упором на патриархов главных престолов, и объяснить, как эти две ереси — несторианство (то есть, халкидонизм) и евтихианство (то есть, строгое монофизитство) — разделили церковь и империю. Посредством своей работы он мог выразить свое осуждение ересей и настоять на важности соблюдения доктрин первых трех Вселенских соборов.

Как он указывает, он включает в повествование имена патриархов того периода, а также имена некоторых ведущих христиан, по большей части, как и следовало ожидать, с антихалкидонской стороны, таких как Петр Иберийский и св. Исаия. С другой стороны, списки патриархов были вставлены Захарией на основании отдельного источника. Его внимание сосредоточено как на патриархах Александрии, так и на самом императоре, хотя светские события почти не освещаются.

Весьма вероятно, что первоначальный труд Захарии был разделен на три части, а не на четыре ныне имеющиеся, и основывался на временах правления императоров. Таким образом, первая часть посвящена правлению Маркиана, вторая — правлению Льва, а третья — узурпации Василиска и правлению Зенона [Greatrex: 147]. Захария, очевидно, считал правомерным вмешательство императора в дела доктрины, благосклонно сообщая об инициативах Василиска и Зенона, и, хотя он по большей части не одобрял вмешательства Маркиана и Льва, он старается не критиковать их открыто, отмечая печаль первого по поводу страданий египтян от рук Протерия и обвиняя советников Льва, таких как патриарх Анатолий, за их неспособность принять меры против Халкидона.

Работа Захарии была единственным непрерывным описанием церковных событий, включающим в свой состав значительное число документов [The Syriac Chronicle...: 16]. Их количество достигает двух десятков, принимая во внимание сохранившийся текст Захарии, его фрагменты в «Хронике» Михаила Сирийца и упоминания в работе Евагрия [Bidez, Parmentier: 39].

В историографии была подробно рассмотрена методика Евагрия использовать Захарию для того, чтобы опровергнуть его утверждения. Евагрий как бы чувствовал, что его предшественник писал «без объективности» и, где возможно, цитировал другие документы, чтобы опровергнуть его утверждения. Его возражения против описания Захарией событий часто помогают дать представление о том, какие документы были включены в оригинальную версию работы Захарии, прежде чем она была сокращена и переведена на сирийский [Allen: 475].

Некоторые ученые пришли к совершенно иной оценке работы, описывая сочинение Захарии как «не совсем историю», а скорее «мемуары». Такой точке зрения можно придать лишь малое значение, учитывая богатство представленной в тексте исторической информации. Захария почти наверняка имел доступ к собраниям документов из Александрии, пример которых сохранился как Codex Vaticanus Gr. 1431, египетская компиляция 480-х годов, которая также продвигает умеренную линию, одобренную патриархом Петром Монгом; последние три документа в коллекции (перед приложением) — это

энциклика Василиска, его Антиэнцикликон и Энотикон Зенона; два из этих документов воспроизведены Захарией.

Таким образом, мы видим, что Захария имел в своем распоряжении коллекции документов и корреспонденции, которые позволяли ему цитировать письма от или к патриархам Александрии. Все сочинение было составлено из трёх частей во времена Петра Монга и предназначалось для выражения доктринальной позиции александрийской школы. Первую её часть составляли различные постановления, письма и документы самого Петра, которые и легли в основу работы Захарии. Другая часть — упомянутый выше Ватиканский Кодекс. А последней составляющей библиотеки могла являться сфабрикованная переписка Монга с константинопольским епископом Акакием.

«Церковная история» Тимофея Элура, составленная в 470-х годах, несомненно, также послужила достаточным материалом для историка, который, не колеблясь, включил в нее обширные цитаты из переписки патриарха [Greatrex, 2009: 39]. Однако, поскольку он писал свою работу в Константинополе, то он, вероятно, также имел доступ к некоторым документам императорской корреспонденции (между Папой Львом и императором Львом в 5 главе IV книги, между папой Симпликием и Зеноном). Можно предположить, что здесь он воспользовался услугами своего заказчика Евпраксия, который и обеспечил ему свободный доступ к необходимым документам.

Учитывая, что Захария пережил события, по крайней мере, последней части рассматриваемого им периода, неудивительно найти в его работе свидетельства и устных источников. Действительно, в своей биографии Севера Антиохийского он фактически упоминает о том, что собирал информацию для биографий Исая и других, датированных около 490 г. Несомненно, такие источники, как Исая, Петр Иберский и Иоанн Руф, могли бы дополнить информацию, которую он получил из своих документальных источников; вероятно, например, что история о самарянине, исцеленном от слепоты кровью антихалкидонян, возникла в устной традиции подобно многим историям, собранным Иоанном Руфом в его «Плерофориях» [Kugener: 463].

Сам автор, говоря об источниках своей информации, говорит следующее: «Теперь, начиная вторую книгу этого трактата, я рассказываю, как можно короче, не растягивая повествование и не утомляя читателя или слушателя, то, что я смог узнать из записей, актов или писем, истина которых была тщательно проверена» (Zach. II).

Еще один пласт данных, которые Захария, безусловно, использовал в своей работе — это «Церковные истории» Феодорита Кирского, Евсевия Кесарийского и Сократа Схоластика, которые он подверг критике. Со слов автора мы можем понять, что он был знаком не только с этими источниками, но также им проводилась работа по сбору их разрозненных фрагментов и объединению их в одну книгу.

Свою работу Захария предназначал для широкой читательской аудитории, то есть, для таких людей, как он сам. Этот слой скромных чиновников, многие из которых, вероятно, сделали юридическую карьеру, как и Захария, представлял собой важную часть населения, чье мнение могло оказаться влиятельным [Blaudeau: 132].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большое количество используемых Захарией источников было призвано повысить степень достоверности «Церковной истории», однако вскоре после выхода сочинения в свет ее подвергли критике из-за субъективного мнения автора к происходящим

событиям. Не стоит забывать и о том, что первоначальные сведения были искажены в результате сирийского перевода. Но, несмотря на данные обстоятельства, «Церковная история» является единственным свидетельством по некоторым событиям истории ранневизантийской Церкви и представляет важные данные, которые невозможно нигде более найти.

#### *Список литературы / References*

- Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. Т.1: Введение в церковную историю. СПб., 1907. 234 с.  
(Bolotov V.V. Lectures on the history of ancient Church, vol. 1: Introduction to Church History, St. Petersburg, 1907, 234 p. — in Russ.)
- Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 107—116.  
(Pigulevskaia N.V. Syriac source of the VI century about the peoples of the Caucasus, *Bulletin of Ancient History*, 1939, iss. 1, pp. 107—116. — in Russ.)
- Allen P. Zachariah Scholasticus and the «Historia ecclesiastica» of Evagrius Scholasticus, *Journal of Theological Studies*, NS, vol. 31, 1980, pp. 471—488.
- Bidez J., Parmentier L. The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia, London, 1898; repr. Amsterdam, 1964, 285 p.
- Blaudeau P. Alexandrie et Constantinople 451—491. De l'histoire à la géo-ecclésiologie, Rome, 2006, 285 p.
- Brooks E.W. Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta. Louvain, 1919—1924, *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Syri*, pp. 83—84; 87—88.
- Greatrex G. The Chronicle of Pseudo-Zachariah Rhetor, Liverpool, 2011, 575 p.
- Greatrex G. Pseudo-Zacharian of Mytilene the context and nature of his work, *Journal of the Canadian Society for Syriac Studies* 6, Liverpool University Press, 2009, pp. 39—52.
- Kugener M.A. La compilation historique de Pseudo-Zacharie le Rhéteur, *ROC*, vol. 5, 1900, pp. 201—214; 461—480.
- The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene / transl. into English by F.G. Hamilton, E.W. Brooks, London, 1899. 362 p.

*Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

#### *Информация об авторе / Information about the author*

**Дронова Яна Алексеевна** — аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, 803014@bsu.edu.ru

**Dronova Yana Alekseevna** — Postgraduate Student, Department of World History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation, 803014@bsu.edu.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 94—103.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 94—103.*

Научная статья

УДК 1(091)(470+571)“17/18”

DOI: 10.46726/И.2022.3.11

## СУДЬБА НАСЛЕДИЯ ПАЛЛАДИЯ РОГОВСКОГО В РОССИИ

*Алексей Александрович Исаков*

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, г. Арзамас, Россия, blauer-reiter@yandex.ru

**Аннотация.** Статья посвящена развитию представлений о судьбе Палладия Роговского, первого русского доктора философии и богословия. Наследие Палладия для русской интеллектуальной культуры XVIII — начала XIX века означало поворот к католической философско-богословской традиции. В статье анализируется развитие историографической ситуации вокруг фигуры Палладия Роговского. Автор показывает, что Дамаскин (Семенов-Руднев) в 1791 г., в связи с ограниченностью источниковой базы, мифологизировал фигуру Палладия Роговского. Характеризуется судьба рукописного наследия Палладия, в сохранении которого большую роль сыграли епископ Ростовский и Ярославский Досифей (Глебов) и митрополит Нижегородский и Алатырский Исая. Автор отмечает, что оба иерарха подверглись гонениям со стороны правительства Петра I как реакционеры. Они могли видеть в католицизме лучшее средство против петровской модернизации, чем традиционная греческая образованность. В то же время Рафаил Заборовский и Дамаскин (Семенов-Руднев), также много сделавшие для сохранения и распространения наследия Палладия, использовали его преимущественно для развития философского образования в провинции. Развенчивание историографического мифа о Палладии как о жертве «погони за знанием» произошло только в XX веке благодаря публикации документов из архивов католической церкви.

**Ключевые слова:** российское Просвещение, западное влияние, Палладий Роговский, митрополит Исая, епископ Досифей (Глебов), Дамаскин (Семенов-Руднев)

**Для цитирования:** Исаков А.А. Судьба наследия Палладия Роговского в России // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 94—103.

Original article

**THE FATE OF PALLADIUS ROGOVSKY'S HERITAGE IN RUSSIA*****Aleksey A. Isakov***Lobachevski State University, Arzamas Branch, Arzamas, Russian Federation,  
blauer-reiter@yandex.ru

**Abstract.** The article is devoted to the development of ideas about the fate of Palladius Rogovsky, the first Russian Doctor of Philosophy and theology. The heritage of Palladius for the Russian intellectual culture of the XVIII — early XIX century meant a turn to the Catholic philosophical and theological tradition. The development of the historiographical situation around the figure of Palladius Rogovsky is analyzed. The author shows that in 1791, Damaskin (Semenov-Rudnev) unwittingly, due to the limited source base, mythologized the figure of Palladius Rogovsky. The fate of his handwritten heritage is being characterized, in the preservation of which Bishop Dosifey (Glebov) of Rostov and Yaroslavl and Metropolitan Isaiah of Nizhny Novgorod and Alatyr played a major role. The author notes that both hierarchs were persecuted by the government of Peter I as reactionaries. They could see Catholicism as a better remedy against Peter's modernization than traditional Greek education. At the same time, Raphael Zaborovsky and Damaskin (Semenov-Rudnev), who also did a lot to preserve and disseminate the heritage of Palladius, used it mainly for the development of philosophical education in the province. The debunking of the historiographical myth of Palladium as a victim of the "pursuit of knowledge" occurred only in the twentieth century thanks to the publication of documents from the archives of the Catholic Church.

**Keywords:** Russian Enlightenment, Western influence, Palladius Rogovsky, Metropolitan Isaiah, Bishop Dositheus (Glebov), Damaskin (Semenov-Rudnev)

**For citation:** Isakov A.A. The fate of Palladius Rogovsky's heritage in Russia, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 94—103.

Конец XVIII в. был временем бурного роста исторического знания. Археографические публикации того времени задали направление исследований на многие годы, в том числе и в такой специфической области, как оценка западного влияния на русскую философскую и богословскую мысль. Проводниками этого влияния традиционно были малороссийские иерархи, поэтому исследователи всегда обращали пристальное внимание на фигуры великороссов, игравших ту же роль. Центральной в этом плане стала личность Палладия Роговского (1655—1703), первого великоросса, ценой временного веротступничества получившего докторскую степень по философии и богословию в Риме и превратившего Еллино-греческое училище братьев Лихудов в Славяно-латинскую академию. Первое печатное сообщение о Палладии содержится в «Историческом известии о Московской Академии» Ф. Поликарпова 1726 г., опубликованном в 1791 г. в 16 части «Древней российской вивлиофики». Поликарпов не упоминал о веротступничестве Палладия, согласно «Известию» Роговский «облетая тамо (в западных странах — *А. И.*) аки пчела, возвратися в отчизну, носящ цветы и мед Богословии» [Историческое известие: 302].

Тон историографии надолго задавала публикация комплекса документов, связанных с фигурой Палладия Роговского епископом Нижегородским и Алатырским Дамаскином (Семеновым-Рудневым) в том же 1791 г. в 18 части

«Древней российской вивлиофики». Именно здесь впервые прозвучало признание Роговского в перемене веры. Интересующий нас комплекс документов состоит из двух разделов. Первый — «Челобитная к патриарху Адриану, описание жития и учения и исповедание веры игумена Заиконоспасского училищного монастыря Палладия Роговского» [Древняя российская вивлиофика. Ч. 18: 148—197], второй — «Надписи, находящиеся [на стенах] Заиконоспасского училищного в Москве монастыря» [Древняя российская вивлиофика. Ч. 18: 198—201]. Эти разделы подписаны издателем. Под «Челобитной» стоит такая атрибуция: «Сия достопамятная пиеса найдена в Нижегородской семинарской библиотеке между рукописными книгами», под «Надписями» указано авторство всех материалов: «Сообщено от Преосвященного Дамаскина, Епископа Нижегородского 1791 года».

Чем Палладий был так интересен Дамаскину, что он поспешил довести его документы до читающей публики? Как уже говорилось, Палладий Роговский является первым великороссом, получившим степень доктора философии и богословия в Коллегиуме Святого Афанасия в Риме. Родился он в 1655 г. (по западным данным — в 1665) в Тверской земле, в вотчинах Калязинского монастыря (по русским источникам его звали Павел, по западным — Фёдор, по месту рождения он прозывался Рогуша), принял постриг в Саввино-Вишерском монастыре Новгородской епархии, какое-то время служил дьяконом у тамбовского епископа Леонтия, а затем поступил в академию братьев Лихудов. Оттуда он не ранее 1688 г. бежал на Запад, учился в иезуитских коллегиумах Вильно (где по его версии скрыл монашество и изменил фамилию), Нейссе, Ольмюца (где якобы по принуждению принял католицизм), а завершил образование в Риме (где якобы снова по принуждению стал униатским священником). После получения ученой степени он приехал в Венецию и вернулся в православие благодаря митрополиту Филадельфийскому Мелетию Типальди. Там же он сдружился с посольством князя П.А. Голицына и с ним вернулся в Россию в начале 1699 г.

В глазах Дамаскина Палладий был предшественником на посту ректора Московской академии, причем с определенными биографическими параллелями. И Палладий, и Дамаскин, получив западное образование, реформировали преподавание философии и богословия в Московской академии: Палладий в 1700 г. пресек идущую от Лихудов греческую традицию и ввел преподавание на латыни по схоластическим образцам, Дамаскин семьдесят лет спустя перевел его на лейбнице-вольфианские рельсы. Как и Дамаскин, Палладий родился на тверской земле, происходил из простонародья, а главное, как и Дамаскин, вопреки сложившимся обстоятельствам получил образование за границей. Здесь же заключалось и главное отличие: Дамаскин смог добиться законной отправки в Геттингенский университет, Палладий бежал тайно и стал ренегатом.

Комплекс документов, опубликованный Дамаскином, возник именно весной-летом 1699 г. Цель Роговского заключалась в том, чтобы получить прощение за якобы вынужденный и неискренний переход в католичество ради любви к науке, признание священного сана, полученного в Риме, и место учителя в Московской академии. Дело было решено в пользу просителя 2 июня того же года на основании, во-первых, грамоты Мелетия Типальди, в православии которого в Москве не сомневались, а во-вторых, написанного Палладием исповедания веры, включавшего также перечисление всех заблуждений католической церкви и их проклятие. В итоге с 1700 по 1703 гг. Палладий возглавлял Московскую академию. В 1703 г. он неожиданно умер.

Документы, опубликованные Дамаскином, включали в себя саму челобитную Палладия, резолюции патриаршей канцелярии от 10 февраля и 2 июня 1699 г., текст грамоты антиохийского патриарха Макария патриарху Никону от 25 декабря 1657 г. (на ее основании в России было признано поставление Палладия священником в Риме) и, наконец, исповедание веры, написанное Палладием по требованию патриарха Адриана во время «карантина» в Новоспасском монастыре [Древняя российская вивлиофика. Ч. 18: 148—150, 150—151, 152—153, 153—197]. Эти документы носят апологетический характер и за отсутствием других источников о деятельности Палладия в России именно они определили отношение к Палладию как предшественнику Ломоносова в борьбе за образование.

Как эти документы оказались в Нижнем Новгороде? Дело Палладия уложилось в период с 10 февраля по 2 июня 1699 г., когда он находился в московском Новоспасском монастыре, архимандритом которого был Исая. А уже 23 июля того же года Исая получил кафедру митрополита Нижегородского и Алатырского. По сообщению Макария (Миролубова) Исая вступил в конфликт с начальником Патриаршего приказа боярином И.А. Мусиным-Пушкиным, и по итогам расследования, проведенного в 1707 г. драгунским поручиком Василием Тютчевым, в 1708 г. был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь якобы за «потворство» старообрядцам [Макарий: 25—28]. В реальности речь, скорее всего, шла о неприятии Исаяйе такого петровского нововведения, как Монастырский приказ (1701 г.), существенно ограничивавшего финансовую самостоятельность иерархов.

Очевидно, Исая как архимандрит Новоспасского монастыря принял участие в судьбе Палладия и привез с собой в Нижний Новгород копии документов по его делу. Хранились они отдельно от его настольной грамоты — не в ризнице кафедрального собора, а в библиотеке семинарии. Это может объясняться значением исповедания веры Палладия, которое некоторые историки XIX века воспринимали как пособие по изучению католицизма [Смирнов 1855: 172; Никольский: 171].

Комплекс документов Палладия пользовался определенной популярностью у переписчиков. Так, он читался в рукописи № 393 (942) Соловецкого собрания Казанской университетской библиотеки на листах 172—198 в числе полемических статей, а сразу после него шел «чин литургии римской» [Описание рукописей Соловецкого монастыря: 731]. Еще один пример — рукопись № 1547 (160) собрания А.С. Уварова (также Казанского происхождения), написанная уже в начале XIX века, где на листах 356—384 читалось исповедание веры Палладия [Систематическое описание славяно-русских рукописей: 184].

Впервые после Дамаскина к этому сюжету обратился, видимо, Евгений Болховитинов, однако его изложение публикации нижегородского епископа изобилует неточностями и хронологическим, и событийным планами [Евгений: 149]. Начиная с развернутой статьи Н.И. Надеждина в 1840 г. [Надеждин] челобитная Палладия считалась искренней, а сам Роговский рассматривался как жертва своей погони за знанием. В сокращенном виде эта точка зрения представлена у А. Смеловского [Смеловский: 75]. И Н.И. Надеждин, и А. Смеловский, и автор упомянувшей Палладия и его исповедание веры «Истории Московской славяно-греко-латинской академии» С.К. Смирнов [Смирнов 1855: 78—80] опирались только на публикацию Дамаскина.

Чуть шире был круг источников «Обзора русской духовной литературы» Филарета (Гумилевского), приписавшего Палладию перевод «Истории

церковной» Никифора Каллиста Ксанфопула [Филарет 1857: 257]. Три десятилетия спустя Филарет атрибутировал Палладию также описание Рима конца XVII в., известное по вставке в Снегиревский список Псковской летописи и опубликованное еще в 1838 г. [Филарет 1884: 162]. Описание Рима начинается с довольно резкого выпада против римлян вообще: «...все Римляне имеют обычаи волчьи и больше причастницы суть зверству, нежели человечеству» [Русский биографический словарь: 109], однако в дальнейшем автор только восхищается римскими порядками: ему нравится свобода женщин, безопасность общественных мест и даже последовательная борьба инквизиции с инакомыслием. Происхождение Снегиревского списка Псковской летописи сложно определить. Отдельные филигранные рукописи датируются периодом с 1694 по 1710 г. [Псковские летописи: XVIII]. Многие псковские иерархи первой половины XVIII века были связаны с Заиконоспасским монастырем, однако больше всех шансов привезти описание Рима во Псков было у Рафаила Заборовского (1677—1747), в молодости — студента Киевской академии, перешедшего отсюда в Московскую и после выпуска (в начале 20-х гг.) служившего в ней учителем риторики [Смирнов 1855: 216]. Более того, в 1723 г. Рафаил стал архимандритом Троицкого Калязинского монастыря, в котором хранилась печатная Миня с автографом Палладия [Бушлякова]. В отличие от Исая, Рафаил не конфликтовал со светскими властями, его интерес к Палладию, видимо, объяснялся стремлением развивать философское образование, родоначальником которого он и стал во Пскове.

В 1862—1863 годах М. Никольский подготовил серию очерков о великороссах, принимавших католичество «ради науки». Фигура Палладия несколько иначе заиграла на фоне своего неудачливого предшественника — белоруса Григория Скибинского, который раньше него получил степень доктора богословия в Италии и явился к патриарху Адриану с целью получить должность в Московской академии. Без письменных гарантий православных иерархов ему не поверили. Скибинский не стал писать исповедание веры и, видимо, просто сбежал из Москвы. В то же время челобитная Палладия продолжала восприниматься как искренняя, так как никакими другими источниками, кроме публикации Дамаскина, М. Никольский еще не располагал [Никольский].

После создания губернских ученых архивных комиссий судьба Палладия стала предметом занятий Тверской УАК. А.А. Митропольский первым обобщил опубликованные сведения о нем, причем оказалось, что в Саввино-Вишерском монастыре послушником Николаем Уятинным в 1850-е гг. было составлено рукописное жизнеописание Палладия. Оно тоже восходило к публикации Дамаскина, но включало в себя самостоятельное описание дороги из Венеции в Москву и ходатайства братьев Нарышкиных за Палладия перед Петром I. Сейчас рукопись хранится в Госархиве Тверской области (ф. 103, оп. 1, д. 2982). Уже в 1884 г. она находилась в неудовлетворительном состоянии [Митропольский: 9], согласно современной описи у нее отсутствует конец.

Новые источники ввел С.К. Смирнов, в 1883 г. опубликовавший десять поучений по рукописному сборнику начала XVIII в. из Ярославского Спасского монастыря. Атрибуция была основана на включении в сборник истории Ксанфопула, которая была «с греко-латинского языка переведена грешным и недостойным Палладием, игуменом Спасского монастыря, что за иконным рядом, рождением от Кашина града» и написана тем же почерком, что и поучения. Публикатор отметил прозападное содержание поучений, выражавшееся

в подборе авторитетов, и в то же время — риторическое дистанцирование автора от католицизма [Смирнов 1883: 273—276]. Заметим, что по меньшей мере «Поучение на Введение во храм...» свободно от засилья католических авторитетов [Смирнов 1883: 292—298], но при этом в вопросе о хронологии сотворения мира Палладий стоит на католической точке зрения (считая до Рождества Христова 4156, а не 5508 лет) [Смирнов 1883: 324]. Интересна эта рукопись также наличием в ней других переводов с греческого, что ставит под сомнение распространенное мнение о том, что Палладий не знал этого языка [Историческое известие: 302; Порфирьев: 655].

Очевидно, она попала в Ярославль благодаря епископу Ростовскому и Ярославскому Досифею (Глебову). Будучи изначально дворовым человеком Лопухиных, он смог сделать карьеру благодаря близости к А.Д. Меншикову. Досифей правил епархией в 1711—1718 гг. Накануне назначения, в 1710 году, Досифей находился в Новоспасском монастыре, где, как мы помним, пребывал Палладий весной — летом 1699 г. По информации П.И. Мельникова-Печерского обвинялся в потворстве хлыстам и был казнен по делу царевича Алексея, видимо, больше в силу своей ранней близости к Лопухиным, чем в силу реального участия в сопротивлении петровским реформам.

Апофеозом апологии Палладия стала «церковно-историческая хроника» П.А. Россиева — беллетризованное изложение всего, что было тогда известно о Палладии [Россиев], кроме, видимо, публикации писем жившего в Москве иезуита Франциска Эмилиана, в которых Палладий рассматривался как инструмент в руках ордена [Письма и донесения иезуитов: 25—27, 49]. Хронология этих писем отличается от хронологии челобитной. В ней события разворачиваются в феврале — начале июня 1699 года, а письма датируются 23 июня и 15 декабря, причем по первому письму Палладий находится в заточении, хотя согласно челобитной он уже был освобожден (2 июня юлианского стиля в XVII веке — это 12 июня григорианского). Несмотря на это, письма Франциска Эмилиана подтверждают авторство Палладия относительно описания Рима, поскольку в нем эмоционально упоминается «законник Францышк, который живет в Кокуе слободе..., чтобы прельщати православных закона Греческого» [Описание Рима: 113]. В свою очередь, описание Рима может свидетельствовать о том, что Палладий водил своего московского куратора за нос. Это объясняло бы хронологические расхождения московского делопроизводства и писем иезуита: Роговский отказывался от сотрудничества под предлогом пребывания в заточении или недоверия со стороны москвитов, тогда как на деле он уже шагал по карьерной лестнице. Понятно, что связь с иезуитом поставила бы на его карьере крест.

Истина восторжествовала благодаря допуску русских ученых в архивы иезуитской Коллегии Пропанды. Первым в традиционной версии вынужденного отречения усомнился в 1931 г. Е.Ф. Шмурло, опубликовавший т.н. «Венецианское письмо» Палладия и установивший, что Палладий принял католичество еще в Москве [Шмурло]. Ему в целом следовал Г.В. Флоровский [Флоровский: 79]. Окончательно развенчал легенду современный исследователь священник А.О. Ястребов. С новыми источниками он подтвердил, что Палладий тайно и добровольно перешел в католичество еще в Москве, а рукоположения в униатские священники в Риме он добивался сам. Митрополит

Филадельфийский Мелетий Типальди был тайным сторонником унии<sup>1</sup>. Коллегия Пропаганды также имела свой взгляд на судьбу питомца, полагая рано умершего Палладия «отравленным схизматиками» [Ястребов]. Таким образом был развенчан красивый историографический миф о предшественнике Ломоносова. Впрочем, новые находки возможны еще и в российских древлехранилищах. Так В.А. Бушлякова два десятилетия назад обнаружила автограф Палладия на Минее московской печати, в 1688 г. внесенной им в Троицкий Калязин монастырь. Этот акт исследовательница расценила как «прощание с домом, с родной землей перед дальней дорогой в неизведанное» [Бушлякова: 54].

В целом личность Палладия, несмотря на недолгое его пребывание во главе Московской академии, была популярна в великорусских землях XVIII — начала XIX в. Памятники, связанные с ним, оказались не только в тех точках, с которыми связана биография Роговского (Троицкий Калязин и Саввино-Вишерский монастыри), но и в Ярославле, Нижнем Новгороде, Пскове, Казани и на Соловках. В этой связи представляет большой интерес решение вопроса о мотивах вероотступничества Палладия и его действительных религиозных взглядах. Конечно, квалификация мировоззрения этого интересного деятеля русской церкви — предмет особого исследования, однако одно соображение можно высказать и здесь. Итак, апологии православия в русских текстах Палладия соответствует такая же уверенная атрибуция его как католика в документах иезуитов. Мы полагаем, что ключом к решению может быть отмеченное нами несовпадение хронологии событий в письмах Франциска Эмилиана и документах, связанных с челобитной Палладия. Палладий целенаправленно перешел в католичество ради получения докторской степени, а затем перестал сотрудничать со своими кураторами и даже выдал их (хотя бы в описании Рима). Однако и православие не было для него самостоятельной ценностью, так как он отказался от него раньше, чем сообщил в челобитной, и безо всякого принуждения.

Интересен и параллелизм судеб русских иерархов, с именами которых связано распространение сочинений Палладия. Исайя Нижегородский и Алатырский и Досифей Ростовский и Ярославский были в разной степени репрессированы правительством Петра Великого. В обоих случаях предлогом послужили их симпатии раскольникам (старообрядцам вообще или даже конкретно хлыстам), реальные же причины заключались в критическом отношении к политике Петра в отношении церкви. Рафаил Заборовский и Дамаскин (Семенов-Руднев) в большей степени воспринимали Палладия как одного из основоположников философского образования в России. Сами эти иерархи стали родоначальниками преподавания философии во Пскове и в Нижнем Новгороде соответственно. Однако судьба Дамаскина имеет параллели и с судьбами Исайи и Досифея. Считавшийся либеральным в отношении старообрядцев иерей в конце карьеры подвергся опале со стороны Екатерины Великой — в том числе и в силу жалоб со стороны крупных нижегородских помещиков и собственно представителей старообрядчества. Поэтому можно сказать, что наследие Палладия Роговского интересовало оппозиционно настроенные круги русского духовенства. В начале XVIII столетия это были консерваторы — противники петровских реформ, которые могли восприни-

---

<sup>1</sup> Об этом знал еще Н.И. Надеждин, но этот автор раздвоил Типальди, не отождествив его с Филадельфийским митрополитом Мелетием [Надеждин: 620, 627].

мать контрреформацию и вторую схоластику как лучшее средство против протестантского влияния, чем традиционная греческая образованность. В конце того же столетия эстафету принимает, наоборот, один из самых либеральных русских святителей, видевший в Палладии, прежде всего, ценителя западной науки, а не религиозности.

#### Список источников

- Древняя российская вивлиофика. Ч. 18. Изд. 2-е. М.: В тип. Компании типографической, 1791. 436 с.
- Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от Справщика Федора Поликарпова, и дополненное Преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя российская вивлиофика. Ч. 16. Изд. 2-е. М.: В тип. Компании типографической, 1791. С. 295—306.
- Макарий (Миролюбов). История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года. СПб.: Изд. Н.Г. Овсяникова, 1857. 247 с.
- Описание Рима, составленное русским путешественником, в конце XVII века // Сын Отечества. 1838. Т. 1. М.: В тип. А. Смирдина, 1838. С. 109—130.
- Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб.: Сенатская тип., 1904. 282 + 11 с.
- Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2003. Т. 5. Вып. 1. 256 с.
- Смирнов С.К. Десять поучений первого русского доктора богословия, игумена Палладия Роговского // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе за 1883 год. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К<sup>о</sup>, 1883. Ч. 32. С. 267—339.

#### Список литературы / References

- Бушлякова В.А. Автограф Палладия Роговского в фондах Тверского государственного объединенного музея // Дни славянской письменности и культуры: сб. докладов. Тверь: [б.и.], 2002. С. 51—54.
- (Bushlyakova V.A. Autograph of Palladium Rogovsky in the funds of the Tver State United Museum, *Days of Slavic writing and culture: collection of pre-treasures*, Tver, 2002, pp. 51—54. — In Russ.)
- Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т. 1. Изд. 2-е. СПб.: В тип. И. Глазунова, 1827. 333 с.
- (Evgenii (Bolkhovitinov). Historical Dictionary about the writers of the spiritual rank of the Greek-Russian Church who were in Russia, vol. 1, ed. 2, St. Petersburg, 1827, 333 p. — In Russ.)
- Митропольский А.А. Палладий Роговский, первый русский доктор богословия и философии, уроженец Тверской губернии // Журнал 33-го заседания Тверской ученой архивной комиссии апреля 7-го 1891 года. Тверь: Тип. губ. правления, 1892. С. 9—13.
- (Mitropol'skii A.A. Palladius Rogovsky, the first Russian Doctor of theology and philosophy, a native of Tver province, *Journal of the 33rd meeting of the Tver Scientific Archival Commission on April 7, 1891*, Tver, 1892, pp. 9—13. — In Russ.)
- Надеждин Н.И. П. Роговский — первый русский доктор // Сын Отечества. 1840. Т. 4. М.: В тип. А. Смирдина, 1838. С. 596—621.

- (Nadezhdin N.I. P. Rogovsky is the first Russian doctor, *Son of the Fatherland*, 1840, vol. 4, Moscow, 1838, pp. 596—621. — In Russ.)
- Никольский М. Палладий Роговский // Православное Обозрение. Кн. 10. М.: Тип. Каткова и К<sup>о</sup>, 1863. С. 162—172.
- (Nikolsky M. Palladius Rogovsky. *Orthodox Review. Book 10*, Moscow, 1863, pp. 162—172. — In Russ.)
- Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 1. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 756 + XLVII с.
- (Description of the manuscripts of the Solovetsky Monastery, located in the library of the Kazan Theological Academy, part 1, Kazan, 1881, 756 + XLVII p. — In Russ.)
- Палладий (Роговский) // Русский биографический словарь. Т. 13 / под ред. А.А. Половцова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. С. 151—153.
- (Polovtsov A.A. (ed.) Palladius (Rogovsky), *Russian Biographical Dictionary*, vol. 13, St. Petersburg, 1902, pp. 151—153. — In Russ.)
- Порфирьев И. История русской словесности. Ч. 1. Изд. 8-е. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1909. 728 с.
- (Porfiriev I. History of Russian Literature. Part 1. Ed. 8. Kazan, 1909, 728 p. — In Russ.)
- Россиев П.А. Палладий Роговский. Церковно-историческая хроника. СПб.: Изд. П.П. Сойкин, 1906. 155 с.
- (Rossiev P.A. Palladius Rogovsky, Church Historical chronicle, St. Petersburg, 1906, 155 p. — In Russ.)
- Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А.С. Уварова. Ч. 3. Сост. архимандрит Леонид. М.: Тов-во Тип. А.Н. Мамонтова, 1894. 363 с.
- (Archimandrite Leonid (comp.) *Systematic description of the Slavic-Russian manuscripts of the collection of Count A.S. Uvarov*, Part 3, Moscow, 1894, 363 p. — In Russ.)
- Смеловский А. Братья Лихуды и направление теории словесности в их школе (окончание) // Журнал министерства народного просвещения. Ч. XLV. СПб.: В тип. Имп. Академии наук, 1845. С. 63—96.
- (Smelovsky A. The Likhuda brothers and the direction of the theory of literature in their school (graduation), *Journal of the Ministry of Public Education*, vol. XLV, St. Petersburg, 1845, pp. 63—96. — In Russ.)
- Смирнов С.К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М.: В тип. В. Готье, 1855. 430 с.
- (Smirnov S.K. History of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy, Moscow, 1855, 430 p. — In Russ.)
- Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862—1720. СПб.: В тип. Имп. Академии наук, 1857. 300 с.
- (Filaret (Gumilyevsky). Review of Russian spiritual literature. 862—1720, St. Petersburg, 1857, 300 p. — In Russ.)
- Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862—1863. СПб.: Изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1884. 511 с.
- (Filaret (Gumilyevsky). Review of Russian spiritual literature. 862—1863, St. Petersburg, 1884, 511 p. — In Russ.)
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс: Вильтис, 1991. 601 с.
- (Florovsky G.V. The Ways of Russian Theology, Vilnius, 1991, 601 p. — In Russ.)

Шмурло Е.Ф. Русские католики конца XVII века по данным архивов Коллегии Пропаванды и Коллегиума Св. Афанасия // Записки Русского научного института в Белграде. 1931. Вып. 3. С. 1—29.

(Shmurlo E.F. Russian Catholics of the end of the XVII century according to the archives of the College of Propaganda and the Collegium of St. Athanasius, *Notes of the Russian Scientific Institute in Belgrade*, Belgrade, 1931, iss. 3, pp. 1—29. — In Russ.)

Ястребов А.О. Венецианский след в жизненном пути игумена Палладия Роговского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: «Богословие. Философия». 2014. № 4. С. 9—28.

(Yastrebov A.O. The Venetian trace in the life path of Abbot Palladius Rogovsky, *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, Series I: "Theology. Philosophy"*, 2014, iss. 4, pp. 9—28. — In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

#### ***Информация об авторе / Information about the author***

***Исаков Алексей Александрович*** — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, г. Арзамас, Россия, blauer-reiter@yandex.ru.

***Isakov Aleksey Aleksandrovich*** — Candidate of Philosophical sciences, Associate Professor of the Department of History, Social Sciences and Law, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas Branch, Arzamas, Russian Federation, blauer-reiter@yandex.ru.

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 104—113.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 104—113.*

Научная статья

УДК 930.2:003.072

DOI: 10.46726/И.2022.3.12

## **АНОНИМНЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ АВТОРЫ ЖИТИЙНОЙ ТРАДИЦИИ В «БИБЛИОТЕКЕ» ПАТРИАРХА ФОТИЯ**

*Александра Александровна Логвинова*

Белгородский национальный исследовательский государственный университет,  
г. Белгород, Россия, [aleksandra.kostyukovich@mail.ru](mailto:aleksandra.kostyukovich@mail.ru)

**Аннотация.** В статье рассматриваются кодексы 252—258 «Библиотеки» («Мириобиблион») патриарха Фотия. Они относятся по тематическому составу к мартирологам и составляют единую группу. Как правило, мартиролог (μαρτύρ, мученик и λόγος, слово) — это сборник, в котором содержатся рассказы о мучениках, понесшие страдания за Иисуса Христа от язычников. Самый древний и сохранившийся сборник — «Книга о палестинских мучениках» Евсевия Кесарийского. Самый значительный — «Менологий», датируемый IX веком. Авторы изучаемых в статье сочинений, представленных в выписках Фотия, остались неизвестными для патриарха, но содержат в себе ценную информацию о жизни и мученичестве святых. С точки зрения исторического анализа, в статье даны характеристики святых, значение в православной традиции, а также отношение Фотия к прочитанной информации, по которой созданы сравнительные записи.

**Ключевые слова:** «Библиотека», Фотий, мученичество, Жития, агиография

**Для цитирования:** Логвинова А.А. Анонимные христианские авторы житийной традиции в «Библиотеке» Патриарха Фотия // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 104—113.

Original article

## **ANONYMOUS CHRISTIAN AUTHORS OF AGIOGRAPHY TRADITION IN THE "LIBRARY" OF PATRIARCH PHOTIUS**

*Alexandra A. Logvinova*

Belgorod National Research State University, Belgorod, Russian Federation,  
[aleksandra.kostyukovich@mail.ru](mailto:aleksandra.kostyukovich@mail.ru)

**Abstract.** The article discusses the translation of the codes of the famous work of Photius of Constantinople. Codes 252—258 are presented to your attention. They relate to the thematic composition of the martyrologies. As a rule, the martyrology (μαρτύρ, martyr, and λόγος word) is a collection that contains stories about martyrs who suffered for Jesus Christ from the pagans. The most ancient and preserved collection now is the “Book of the Palestinian Martyrs” by Eusebius of Caesarea. The most significant is the “Menologium”, dating from the IX century. The authors of these notes remained unknown to the patriarch but

contain valuable information about the life and martyrdom of the saints. The study is interesting because these notes did not reach our time, but remained only in the essays of Photius, which he wrote down in the *Myriobiblion*. From the point of view of historical analysis, the article gives the characteristics of saints, the meaning in the Orthodox tradition, as well as the attitude of Photius to the information read and comparative records are created.

**Keywords:** “Bibliotheca”, Photius, martyrdom, Lives, hagiography

**For citation:** Logvinova A.A. Anonymous christian authors of agiography tradition in the “Library” of Patriarch Photius // *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 104—113.

Зарождение христианской литературы происходило на грани двух абсолютно разнородных стилевых и языковых миров — еврейско-арамейского и греческого. Новая литература разрушила эту грань своим возникновением, разорвав сложившиеся рамки античной литературы и принудив ее к восприятию нового влияния. Распространение новой религии, а с ней и новой литературы должно было по необходимости перестроить в корне не только формальный, но и идейный строй латиноязычной и грекоязычной словесности — и при этом с самыми длительными последствиями для развития европейских литератур.

Особый интерес в этом отношении (как и в целом ряде других аспектов) представляет «Мириобиблион» («Библиотека») константинопольского патриарха IX в. Фотия, который, являясь крупнейшим сборником аннотаций (выписок) прочитанных патриархом произведений античной и византийской эпох, ярко отражает восприятие как античных, так и раннехристианских произведений в уже полностью христианской среде византийской культуры IX века.

Энциклопедизм Фотия (ок. 820—896 гг.), его прекрасное знание богословской и классической литературы были обусловлены его происхождением, образованием и карьерой. Вошедший в историю как патриарх Константинополя (858—867, 877—886 гг.), который окончательно порвал с Папой Римским и стал проводить независимую религиозную политику на продвижение ортодоксального православия на Балканах [Лемерль: 259—261], Фотий был высокообразованным государственным служащим и преподавателем. Даже его избрание на патриарший престол в 858 г. при правлении узурпатора Варды было небесспорным в силу «слишком» обширных познаний Фотия. Он был «человек светского сословия», облеченный саном протоасикрита (высокая должность при императорской канцелярии), а его избрание утверждалось среди иерархов с помощью определенного давления, так как не соответствовало канонам, о чем пишет анонимная летопись X в., известная как «Продолжатель Феофана» (*Theoph. Cont. IV.32*) [Любарский: 84].

Фотий происходил из знатной и образованной семьи, получил блестящее образование, занимался богословием, литературным творчеством и науками. Он был невероятно начитанным и имел крупную библиотеку книг, которые собирал всю жизнь [Treadgold: 562]. Во Введении к «Мириобиблиону» он указывает, что это произведение является краткой аннотацией прочитанных им произведений, которые он в силу участия в посольстве к арабам («ассириянам») не мог пересказать своему брату Тарасию лично, будучи в разлуке с ним. Эта работа была выполнена по просьбе Тарасия, которому были интересны новые книги, прочитанные Фотием (*Phot. Bibl. Praef.*).

«Мириобиблион» по количеству кодексов состоит на 43,6 % из светских и на 56,4 % — из христианских произведений. По реальному же объему

(количеству страниц) — напротив, на 58 % из светских и только на 42 % из христианских текстов.

Отдельное место в собрании занимает описание анонимных агиографических произведений в «Мириобиблионе», житий мучеников и святых, подборка которых сделана Фотием (Phot. Bibl. 252—258) [Henry 1974; 1977]. Агиографические источники были одними из самых популярных и читаемых в византийском обществе, отражая жизнь всех слоев населения; практически в каждом городе были свои святые [Рудаков: 34—36]. Собрание и осмысление Фотием анонимных агиографических произведений отражает отношение византийского интеллектуала к общепочитаемым христианским святым и их рецепцию в литературной традиции.

Перейдем к исследованию кодексов о жизни и мученичестве святых.

Всего Фотием рассмотрено 7 анонимных агиографических произведений в этом блоке: «Житие св. Григория Великого» (Phot. Bibl. 252), «Мученичество семерых спящих в Эфесе» (Phot. Bibl. 253), «Мученичество апостола Тимофея» (Phot. Bibl. 254), «Мученичество св. Димитрия» (Phot. Bibl. 255), «Житие св. отцов Митрофана и Александра» (Phot. Bibl. 256), «Житие св. Павла Константинопольского» (Phot. Bibl. 257), «Житие Афанасия Константинопольского» (Phot. Bibl. 258).

В *кодексе 252* Фотий кратко характеризует жизнь и деятельность св. Папы Римского Григория I Великого (540—604 гг.). Фотий дает краткое описание происхождения и занятий св. Григория, отмечая, что он происходил от римской патрицианки Сильвии, написал 4 книги «Диалогов», которые представляли собой поучительные рассказы душеспасительного характера о разных людях Италии. Фотий их очень хвалит и сообщает, что они были переведены на греческий спустя 165 лет после написания, при Папе Римском Захарии (679—752 гг.). Наиболее прославляет византийский автор милосердие св. Григория и помощь бедным милостыней. В качестве примера этого приводится история о том, как Папа три раза по просьбе некоего потерпевшего бедствие моряка отдавал ему деньги, в конце концов, пожертвовав на его нужды фамильное серебряное блюдо, когда ничего иного уже не осталось. Этот человек оказался Ангелом Божиим, который впоследствии стал хранителем святого (Phot. Bibl. 252). Св. Папа Григорий Великий почитался в Византии, нося прозвище Двоеслов, за знание латыни и греческого. Его личность нашла отражение в византийской агиографической литературе, в частности, автор VI—VII вв. Иоанн Мосх приводит историю о Папе в своем главном произведении «Луг духовный», где прославляет его смирение и щедрость, когда он до земли поклонился и дал деньги и все необходимое незнакомому восточному монаху-паломнику (Mosch. Prat. spir. 151) [Хитров].

В *кодексе 253* Фотий пишет: «Я частично прочитал «Мученичество семи святых юношей», из которого было составлено полезное резюме. Это мученичество семи святых юношей: Максимиана, Иамвлиха, Мартима, Дионисия, Ексакустодиана (Константина), Антонина и Иоанна. Эти семеро молодых людей были патрициями и были убеждены принять и укрепить христианскую веру. Они были арестованы при Деции, который, неуважительно обращаясь к Богу, превратил Римскую империю в тиранию. После ареста они заявили о своем замечательном исповедании веры, но у тирана были другие заботы: чтобы спастись, они укрылись в пещере на горе недалеко от Эфеса; для удовлетворения потребностей их тел им прислуживал один из них, который в сочинении назван Иамвлихом. Вскоре после этого император, узнав

об их бегстве, и их образе жизни, обезумев от гнева, приказал замуровать вход в пещеру, чтобы мученики умерли от голода».

Молодые люди были замурованы в пещере, но не умерли, а погрузились в сон. По происшествии 172 лет на 38-м году правления императора Феодосия II (401—450 гг.) некто Адолий владел землями, на которых находился холм с замурованными отроками и захотел построить хлев, приказав брать камни для строительства с холма. Так пещера была раскрыта, а пробудившиеся отроки послали Иамвлиха за хлебом, ничего не подозревая. Того задержали на рынке, так как у него были старинные монеты времен императора Деция (время правления — 249—251 гг.), его заподозрили в укрывательстве клада. «Иамвлиха отвели к градоначальнику, где в то время присутствовал епископ Эфеса, который по путаным ответам юноши понял некую божественную тайну. Тогда и обнаружили отроки в пещере, а также ковчег с надписью, гласивший, когда и как их замуровали. Увидеть такое чудо прибыл сам император с епископом, который провел беседу со святыми. После этого отроки снова впали в сон, на этот раз до Воскресения мёртвых. Император хотел поместить каждого в отдельную могилу, но они явились ему во сне и попросили оставить их тела в пещере. Данное чудо совпало с ересью эгейского епископа Федора, отрицавшего воскресение мёртвых, посрамив её» (Phot. Bibl. 253).

В XII в. русский паломник игумен Даниил видел в пещере мощи этих семи отроков. Память семи отроков празднуется 22 октября [Ненгу 1974: 410].

Эта легенда начала распространяться из Эфеса и уже в V в. была хорошо известна в Малой Азии и в Сирии. Считается, что самый ранний источник о легенде сохранился в тексте на сирийском языке V в. авторства монаха Иакова из Сарука [Вагнер: 85—104]. Также эту историю можно найти в сирийском манускрипте VI в. В нем говорится о восьми спящих. Если рассматривать византийских авторов, то эту историю упоминает Симеон Метафраст в своих «Житиях святых» [Кенанов: 668—676]. Легенда косвенно подтверждается в исторических источниках, в частности в «Хронографии» византийского хрониста VI в. Иоанна Малалы сообщается о путешествии императора Феодосия II незадолго до своей смерти в Эфес помолиться св. Иоанну Богослову (Malal. Chron. XIV, 26).

В западной литературе легенду можно встретить в произведении галльского автора VI в. Григория Турского «О славе мучеников» (“De gloria martyrum”) под названием «История семерых спящих» (“Historia septem dormientium”) [Krusch: 371—387]. Павел Диакон в VIII в. вообще помещает эту легенду в Германию. Также, встречается англо-нормандская поэма «Li set dormanz» некоего автора Шардри [Koch]. В «Римский мартиролаг» эта история вошла под 27 июля, когда отроков стали почитать в Католической Церкви.

В **254 кодексе** речь идет о св. мученике Тимофее Эфесском, апостоле от 70-ти, ученике св. Апостола Павла, первом епископе Эфеса, который был казнен в царствование римского императора Домициана (51—96 гг.). Фотий рассказывает, что его убили дубинкой за то, что он препятствовал грекам праздновать языческий праздник Катагогион. После смерти св. Тимофея, в правление императора Нервы (30—98 гг.) в Эфес вернулся из ссылки св. Апостол-евангелист Иоанн Богослов, который там написал свое Евангелие и упорядочил остальные 3 книги Евангелия, проповедуя христианство до начала правления императора Траяна (время правления — 98—117 гг.). Также Фотий дает информацию о языческом празднике Катагогионе, сообщая, что

он состоял в неких маскарадах, когда мужчины и женщины в масках и мишуре носили идолов и совершали ритуальные убийства по всему городу (Phot. Bibl. 254).

Тело св. Тимофея было погребено недалеко от могилы св. Апостола Иоанна. Много лет спустя, в 356 г., его святые мощи были торжественно перенесены в Константинополь святым Артемием (20 октября), как и мощи святых апостолов Андрея и Луки. Все они были положены в храме Святых Апостолов. Там от них произошли многочисленные чудеса. Во время разграбления города латинскими рыцарями-крестоносцами в 1204 г. мощи были похищены и перенесены в город Термоли в Италии [иером. Макарий 3: 334].

Ныне известно, что св. Тимофей родился в Листрах в малоазийской провинции Ликаония. Его отец был язычником, а мать — принявшей Христа еврейкой по имени Евника. Тимофея воспитывали мать и бабушка Лоида. Обеих женщин обратил сам апостол Павел во время своего первого пребывания в Листрах.

Тимофей являлся учеником Павла, а после стал его помощником в проповеди и посланником в управлении первыми Церквями. В 52 г. Тимофей отправился в путешествие в Македонию вместе с Павлом. Тимофей также пребывал в Коринфе по указанию Павла. В 64 г. апостол поставил Тимофея в Эфесе, чтобы тот управлял церковью. Отношения между ними сложились достаточно близкие, так как, когда Павле сидел в темнице и ожидал своей смерти, он позвал своего верного друга Тимофея для того, чтобы проститься [Sgarbossa: 59].

Апокрифические «Деяния Тимофея» утверждают, что в 97 г. 80-летний епископ попытался остановить процессию в честь Артемиды, проповедуя Евангелие. Разъяренные язычники таскали его по улицам и забили камнями до смерти [Димитрий Ростовский 5: 738—745]. Тимофей принял мученическую смерть в 80 г. Мощи его были перенесены в Константинополь в IV в. [Sgarbossa: 59].

В *кодексе 255* Фотий даёт описание мученичества св. Димитрия: «Я частично прочитал “Мученичество великомученика Димитрия”, которое представлено таким же образом. Этот мученик Христа, Димитрий, вестник и учитель веры, подражал паломничеству апостолов и их битвам и светом своего учения вывел город Салоники из тьмы заблуждения; его жизнь была такой же великолепной, как и его учение».

Далее патриарх рассказывает, что святой, живший во времена правления императора Максимиана (Геркулия, соратника Диоклетиана, время правления — 285—305 гг.) был уличен в исповедании христианства и заключен в оковы, когда в город прибыл император смотреть в амфитеатре бои гладиаторов. Св. Димитрия убили после боя гладиаторов, где любимец Максимиана гладиатор Лиэй был повержен местным юношей по имени Нестор, который отказался от денег и наград за бой, а боролся лишь за славу. Из-за гибели своего любимца Максимиан был настолько раздражен, что тотчас приказал убить св. Димитрия, считая, что встреча с ним стала неблагоприятной и привела к таким результатам. Тело святого сначала было погребено среди язычников на месте его убийства, но его могила была благочестивой и выделялась чудесами среди всех остальных. Его перезахоронил через некоторое время благочестивый христианин Леонтий, будущий правитель провинции Иллирик, построивший на месте мученичества храм. «Он стал прибежищем и местом умиротворения для Фессалоник и соседних городов» (Phot. Bibl. 255).

Данные Фотия коррелируют с житийной традицией и исторической реконструкцией жизни и смерти этого святого. Считается, что родители, тайные христиане, крестили Димитрия и наставили в вере. Отец его, римский проконсул, умер, когда Димитрий достиг совершеннолетия. Максимиан Галерий, вступивший на престол в 305 г., назначил Димитрия на место отца правителем Фессалоникийской области. Император потребовал от него, чтобы он истреблял христиан. Димитрий вместо этого стал искоренять языческие обычаи, а язычников обращать к Христовой вере.

Императору вскоре донесли, что проконсул Димитрий — христианин. Однажды, возвращаясь из похода, Максимиан остановился в Салониках. Готовясь к смерти, Димитрий раздал свое имущество бедным, а сам предался молитве и посту. Император заключил проконсула в темницу и устроил гладиаторские игры. Христиан разыскивали и тащили на арену. Известный боец Лиэй сбрасывал христиан на копья воинов. Юноша Нестор навестил Димитрия в темнице, и Димитрий благословил его на единоборство с Лиэем. Нестор одолел гладиатора. Нестора должны были наградить как победителя, но казнили как христианина [Преображенский: 155—195].

Димитрий был пронзен копьями в 306 г. Фессалоникийцы тайно похоронили тело мученика. В правление Константина (307—337 гг.) над могилой великомученика Димитрия воздвигли храм, а через сто лет были обретены его мощи [Woods: 221—234].

В правление Маврикия (539—602 гг.) авары осалили Фессалоники (Солунь). Димитрий явился на городской стене, и войско осаждавших обратилось в бегство [Преображенский: 155—195].

**Кодекс 256** посвящен житию св. отцов Митрофана и Александра, церковных иерархов, живших во времена первого христианского императора Константина I (305—337 гг.). Фотий делает достаточно длинный пересказ, сначала рассматривая «Житие св. Константина», акцентируя внимание на гражданских войнах в Римской империи в начале IV в. после того, как Диоклетиан оставил власть. Молодой Константин, еще с детства приученный отцом Констанцием к христианству и бывший эфебом в свите Диоклетиана, получил титул кесаря и боролся с другими цезарями Максимианом, Максенцием, Лицинием и Севером. Отец перед смертью благословил Константина на трон и защиту христиан, а его главными врагами выступили Максимиан и Максенций. Константин победил Максенция в Риме. Через некоторое время он начал войну с Лицинием, когда тот также стал преследовать христиан. Сначала Лициний побеждал, но был разгромлен Константином и сослан в Салоники.

Второй проблемой была ересь арианства, распространившаяся в империи Константина. Именно применительно к Никейскому собору 325 г., где эта ересь была осуждена, Фотий впервые упоминает константинопольского патриарха св. Митрофана, который из-за болезни отсутствовал на Вселенском соборе, а его представлял константинопольский пресвитер св. Александр. Также применительно к участникам Собора Фотий упоминает: Панфутия, потерявшего глаз и имевшего поврежденную руку из-за исповедания веры во время гонений Максимиана, преподобного Спиридона, который совершил ряд чудес благодаря своему благочестию, в частности, сковал молитвой разбойников и смог оживить умершую дочь, чтобы спросить у нее о залоге (распространенный топос в византийской агиографии, см., например, «Житие св. Макария египетского» [Димитрий Ростовский 5: 592—628]). Также византийский

писатель упоминает, что после Собора по настоянию императора все епископы посетили больного св. патриарха Митрофана, где тот предсказал свою смерть, а также преемство константинопольской кафедры св. пресвитером Александром, а равно александрийской кафедры от патриарха Александра св. Афанасием.

Далее Фотий повествует о последующем после Собора возвращении из ссылки Ария, борьбе с ним епископа Александра, смерти императора Константина и принятии арианской ереси его наследником императором Констанцием II, заканчивая всё повествование нечестивой смертью Ария по молитвам св. Александра (Phot. Bibl. 256).

Сама аннотация этого «Жития» в отличие от других носит, скорее, не агиографический, а церковно-исторический характер. Она соответствует аутентичным источникам эпохи, в частности, находя отражение даже в композиции с «Церковной историей» автора IV—V вв. Сократа Схоластика (Socr. HE. I, 6—12) [Кривушин], и современным выводам исследователей об этой эпохе [Сидоров: 6—53]. Данные Фотия находят параллели в агиографической традиции, в частности, в «Памяти св. отца нашего Митрофана, патриарха Константинопольского» также даются аналогичные сведения о смерти св. Митрофана и благословении на престол в качестве преемника св. пресвитера Александра, который назван хорепископом. Также дано предсказание относительно александрийской кафедры. В «Житии» гораздо более полно раскрывается деятельность и причины почитания св. Митрофана Константинопольского, который представлен в качестве духовного наставника императора Константина, прославленного за свое благочестие и мудрость [Димитрий Ростовский 10: 76—79].

**Кодекс 257** продолжает развивать тематику предыдущего произведения, повествуя о жизни и деятельности преемника св. Александра на константинопольском престоле — св. Павла Константинопольского. Пересказ «Жития» также носит церковно-исторический характер, и там достаточно подробно рассказывается о борьбе св. Павла с арианской ересью и борьбе за престол с арианским епископом Македонием, поощряемым императором-арианином Констанцием II. Св. Павел в союзе со св. Афанасием Александрийским всячески противостояли ереси, были отправлены в изгнание, укрывались в Риме, потом возвращались и снова были осуждаемы арианами. В конце концов, св. Павел был отправлен в ссылку в армянский Кукуз и был задушен, приняв мученическую кончину. Он был реабилитирован только после II Вселенского собора в 381 г. в Константинополе при императоре Феодосии I Великом (379—395 гг.), когда ересь арианства окончательно была осуждена, а мощи св. Павла были благочестиво перезахоронены при участии императора (Phot. Bibl. 257). Данные повествования также полностью коррелируют с «Церковной историей» Сократа Схоластика (Socr. HE. II, 6—26), соответствуя выводам современных исследований [Сидоров: 6—53].

**Кодекс 258** логически завершает два предыдущих кодекса, рассказывая о жизни и деятельности св. Афанасия Александрийского, его борьбе с арианством, судах над ним при императоре Констанции II, где св. Афанасий блестяще защищался, в том числе, опровергая обвинения в насилии над оппонентами и прелюбодеянии (Phot. Bibl. 258). Информация воспроизводит данные аутентичной церковно-исторической традиции, доводя повествование до смерти св. Афанасия в 373 г. [Сидоров: 6—53]. В то же время Фотий отмечает, что данная работа в ряде мест содержит новые факты по сравнению с другими произведениями (Phot.

Bibl. 258). Следует отметить развиваемое в византийской литературе повествовании о том, как еще ребенком св. Афанасия избрали епископом в детской игре, неосознанно как бы проведя процедуру хиротонии, этот сюжет отражен в «Луге духовном» Иоанна Мосха (Mosch. Prat. spir. 197).

В целом, анализируя содержание прочитанных Фотием книг в этом блоке (Phot. Bibl. 252—258), можно сделать некоторые выводы. Информация анонимных житий касается периода I—IV вв. — это время поздней Римской империи и раннего христианства, установления основных христианских институтов. Географический разброс «Житий»: Италия — 1 (Рим), Балканы — 4 (Фессалоники — 1, Константинополь — 3), Малая Азия (Эфес — 2). Если применительно к дохристианской эпохе I—III вв. «Жития» имеют агиографическую специфику с характерными для жанра чудесами, то применительно к IV в. они принимают исторический характер с параллелями в аутентичных исторических источниках.

Особо следует отметить три последних анонимных «Жития», которые являются органичной частью подборки в этом блоке «Мириобиблиона» у Фотия, но, по сути, воспроизводят ранневизантийские церковные истории. В данной подборке Фотий пытается утвердить преемственность христианских иерархов, борющихся с ересями в период установления господства христианства, с древними мучениками. Для византийского интеллектуала между ними нет большой разницы. Это важно для понимания отношения к христианскому благочестию IX в., когда империя только преодолевала период ереси иконоборчества. Данная тема и полемика в византийском обществе IX в., где иконоборчество ассоциировалось с арианской ересью, также пользовавшееся поддержкой императоров, по сути, восходит к антихристианским гонениям языческого Рима [Gwynn: 225—251]. Сами же произведения, которые читал Фотий и которые соответственно были распространены в этот период, показывают запрос на агиографическую традицию поздней античности как времени истинного христианства, в котором черпали образец для современности и находили параллели с текущей ситуацией.

Таким образом, блок аннотаций анонимных агиографических трактатов «Мириобиблиона» Фотия (кодексы 252—258) показывал распространение и единство жанров маририев и полемических антиеретических трактатов, формируя тенденцию на непрерывную линию: антихристианские гонения — борьба с ересью арианства. Эта линия продолжалась в VIII—IX вв. как борьба с иконоборчеством, отражая запросы византийцев на истинное христианство и его защиту от преследований имперской власти.

#### *Список литературы / References*

- Вагнер Г.К. Легенда о семи спящих эфесских отроках и её отражение во владимиро-суздальском искусстве // Византийский временник. 1963. № 23 (48). С. 85—105.  
(Vagner G.K. The Legend of the Seven Sleeping Ephesian Youths and Its Reflection in Vladimir-Suzdal Art, *Byzantine temporary*, 1963, iss. 23 (48), pp. 85—105. — In Russ.).
- Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского: в 12 кн. Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. 5: Месяц январь. 934 с.  
(The Lives of the Saints in Russian, set forth according to the guidance of the Menaia of St. Demetrius of Rostov: in 12 vols, Kiev, 2004, vol. 5, month of January, 934 p. — In Russ.).

- Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского: в 12 кн. Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. 10. Месяц июнь. 678 с.  
(The Lives of the Saints in Russian, set forth according to the guidance of the Menaia of St. Demetrius of Rostov: in 12 vols, Kiev, 2004, vol. 10, june month, 678 p. — In Russ.).
- Иером. Макарий Симонопетрский (изд.). Синаксарь, составленный афонским иеромонахом Макарием из обители Симонопетра: Жития святых Православной Церкви: в 6 т. / адаптир. пер. с фр. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. Т. 3. 912 с.  
(Ierom. Makarij Simonopetrskij (ed.). *Synaxarion, compiled by the Athos hieromonk Macarius from the monastery of Simonopetra: Lives of the Saints of the Orthodox Church: In 6 vols*, Moscow, 2011, vol. 3, 912 p. — In Russ.).
- Кенанов Д. Симеон Метафраст и его славянские последователи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. 863 с.  
(Kenanov D. Simeon Metafrast and his Slavic followers, St. Petersburg, 1996, vol. 50, 863 p. — In Russ.).
- Кривушин И.В. (ред.). Сократ Схоластик. Церковная история. М.: РОССПЭН, 1996. 366 с.  
(Krivushin I.V. (ed.). *Socrates Scholasticus. Church history*, Moscow, 1996, 366 p. — In Russ.).
- Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века. СПб.: Свое издательство, 2012. 487 с.  
(Lemerl' P. The first Byzantine humanism. Remarks and notes on education and culture in Byzantium from the beginning to the 10th century, St. Petersburg, 2012, 487 p. — In Russ.).
- Любарский Я.Н. (ред.). Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб.: Наука, 1992. 349 с.  
(Lyubarskij YA.N. (ed.). *Theophan's successor. Biographies of Byzantine kings*, St. Petersburg, 1992, 349 p. — In Russ.).
- Поснов М.Э. История христианской Церкви (До разделения церквей — 1054 г.). Киев: Путь к истине, 1991. 614 с.  
(Posnov M.E. History of the Christian Church (Before the division of the churches — 1054), Kiev, 1991, 614 p. — In Russ.).
- Преображенский А.С. Димитрий Солунский // Православная энциклопедия. Т. 15. М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2007. С. 155—195.  
(Preobrazhenskij A.S. Demetrius Solunsky, *Orthodox Encyclopedia*, vol. 15, Moscow, 2007, pp. 155—195. — In Russ.).
- Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб.: Алетейя, 1997. 295 с.  
(Rudakov A.P. Essays on Byzantine culture according to Greek hagiography, St. Petersburg, 1997, 295 p. — In Russ.).
- Сидоров А.И. Церковное богословие в период от Первого до Второго Вселенского Собора (325—381 гг.) // Христианское чтение. 2009. № 7—8. С. 6—53.  
(Sidorov A.I. Church theology in the period from the First to the Second Ecumenical Council (325—381), *Christian reading*, 2009, iss. 7—8, pp. 6—53. — In Russ.).
- Хитров М.И. (ред.). Блаженный Иоанн Мосх. Синайский патерик, или Луг духовный / пер. с греч., примеч. М.: Сретенский монастырь, 2008. 222 с.

- (Hitrov M.I. (ed.). *Blessed John Moskh. Sinai Patericon, or Spiritual Meadow*, Moscow, 2008, 222 p. — In Russ.).
- Gwynn D.M. From Iconoclasm to Arianism: The Construction of Christian Tradition in the Iconoclast Controversy, *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 2007, iss. 47, pp. 225—251.
- Henry R. (ed.). *Photius. Bibliothèque: in 8 vols*, vol. 7, Paris, 1974, 234 p.
- Henry R. (ed.). *Photius. Bibliothèque: in 8 vols*, vol. 8, Paris, 1977, 221 p.
- Koch J. (ed.). *Chardry's Josaphaz, Set dormanz und Petit plet*, Heilbronn: Verlag von Gebr, Henningen, 1879, 278 p.
- Krusch B. (ed.). Gregory of Tours, Passio sanctorum martyrum septem dormientium apud Ephesum, *MGH SRM. 1.2*, Hanover: Hahn, 1969, pp. 397—440.
- Sgarbossa M. I Santi e i Beati della Chiesa d'Occidente e d'Oriente, Milano, 2000, 456 p.
- Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society, Stanford, 1997, 1020 p.
- Woods D. Thessalonica's Patron: Saint Demetrius or Emeterius?, *The Harvard Theological Review*, Jul., 2000, vol. 93, iss. 3, pp. 221—234.

*Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

#### ***Информация об авторе / Information about the author***

***Логвинова Александра Александровна*** — аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, [aleksandra.kostyukovich@mail.ru](mailto:aleksandra.kostyukovich@mail.ru)

***Logvinova Alexandra Aleksandrovna*** — Postgraduate student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation, [aleksandra.kostyukovich@mail.ru](mailto:aleksandra.kostyukovich@mail.ru)

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 114—124.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 114—124.*

Научная статья

УДК 94(575)“2013/2019”

DOI: 10.46726/И.2022.3.13

## **КАЗАХСТАН И КИРГИЗИЯ В ПРОЕКТЕ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Лю Цзяминь*

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, liujiamin@bk.ru

**Аннотация.** Статья посвящена актуальному и масштабному проекту «Один пояс и один путь», реализуемому с 2013 по 2019 гг. в Евразии. В статье отражены основные направления сотрудничества двух стран-участниц проекта — Казахстана и Киргизии, описаны перспективы сотрудничества и отражены проблемы осуществления данного проекта. В ходе реализации проекта не только наметились направления сотрудничества, но и проявились проблемы осуществления данной инициативы. Цели статьи — анализ сотруднических отношений в проекте китайской инициативы «Один пояс и один путь», занявших одно из центральных мест в публичной дискуссии. Исследование осуществлено с использованием положений теории критической геополитики и сфокусировано на анализе дискурса экспертных сообществ. По мнению автора, это позволяет не только установить, как воспринимается инициатива Пекина среди государств, являющихся её потенциальными участниками, но и сделать определённые выводы по поводу перспектив и проблем её реализации, поскольку на данной стадии развития проекта «Один пояс и один путь» политические решения в соседних с Китаем странах в значительной степени определяются интерпретациями, исходящими именно из экспертной среды. Автор обращает внимание на то, что страны Центральной Азии активно продвигают сотрудничество с Китаем в различных областях, таких как торговля, инвестиции, производственные мощности и финансы. Автор приходит к выводу, что между странами Центральной Азии и Китаем как инициатором проекта существуют некоторые недопонимания при сотрудничестве, так как многие сомневаются в намерениях Китая. Также очевидна проблема несоответствия экономических ресурсов между странами. Автор считает, что Китаю следует приложить больше усилий для укрепления взаимного доверия между странами.

**Ключевые слова:** Казахстан, Киргизия, Китай, направление сотрудничества, проект «Один пояс и один путь», проблемы, перспективы, геополитика, трудности, риски

**Благодарности:** автор выражает благодарность научному руководителю, доктору исторических наук С.М. Усманову, а также сотрудникам кафедры всеобщей истории и международных отношений.

**Для цитирования:** Лю Цзяминь. Казахстан и Киргизия в проекте «Один пояс и один путь»: основные направления сотрудничества, проблемы и перспективы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 114—124.

Original article

## KAZAKHSTAN AND KYRGYZSTAN IN THE “ONE BELT AND ONE ROAD” PROJECT: MAIN AREAS OF COOPERATION, PROBLEMS AND PROSPECTS

*Liu Jiamin*

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, liujiamin@bk.ru

**Abstract.** The article is devoted to the actual and large-scale project “One Belt and One Road”, implemented from 2013 to 2019. in Eurasia. The article reflects the main areas of cooperation between the two countries participating in the project, Kazakhstan and Kyrgyzstan. The prospects for cooperation are described and the problems of the implementation of this project are reflected. During the implementation of the project, not only areas of mutually beneficial cooperation were outlined, but also problems in the implementation of this initiative appeared. The purpose of the article is to analyze the cooperation relations in the project of the Chinese initiative “One Belt and One Road”, which have taken one of the central places in the public discussion. The study was carried out using the provisions of the theory of critical geopolitics and focused on the analysis of the discourse of expert communities. According to the author, this allows not only to establish how the Beijing initiative is perceived among the states that are its potential participants, but also to draw certain conclusions about the prospects and problems of its implementation, since at this stage of development of the One Belt and One Road political decisions in countries neighboring China are largely determined by interpretations coming from the expert community. The author draws attention to the fact that the countries of Central Asia are actively promoting cooperation with China in various areas such as trade, investment, production capacity and finance. The author comes to the conclusion that there are some misunderstandings in cooperation between the countries of Central Asia and China as the initiator of the project, as many doubt China’s intentions. The problem of mismatch of economic resources between countries is also obvious. The author believes that China should make more efforts to strengthen mutual trust between countries.

**Keywords:** Kazakhstan, Kyrgyzstan, China, direction of cooperation, One Belt and One Road project, problems, prospects, geopolitics, difficulties, risks

**Acknowledgments:** author expresses his gratitude to the scientific adviser, Doctor of Historical Sciences S.M. Usmanov, as well as to the staff of the Department of World History and International Relations.

**For citation:** Liu Jiamin. Kazakhstan and Kyrgyzstan in the “One Belt and One Road” project: main areas of cooperation, problems and prospects, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 114—124.

### Введение

В рамках инициативы «Один пояс и один путь», являясь важной опорой на «Экономическом поясе Шелкового пути», страны Центральной Азии активно продвигают сотрудничество с Китаем в различных областях, таких как торговля, инвестиции, производственные мощности и финансы. Однако с точки зрения условий самих стран Центральной Азии, экономическая база несовершенна, уровень индустриализации низкий, а инфраструктура и финансовые рынки развиты недостаточно. Кроме того, некоторые страны слишком полагаются на свои собственные природные ресурсы, такие как нефть

и природный газ, в результате чего образуется единая структура добычи. Характеристики внутренних и внешних рисков также создали определенные проблемы для двустороннего и многостороннего сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс и один путь». Как преодолеть различные сложные факторы, чтобы открыть возможности для сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии, расположенными вдоль «Одного пояса и одного пути» — это насущный вопрос, который необходимо рассмотреть в настоящее время, чтобы способствовать развитию проекта «Один пояс и один путь». Хронологические рамки данного исследования охватывают период с 2013 по 2019 г., ситуация в условиях пандемии в данной статье не анализируется.

Статья посвящена анализу сотруднических отношений в проекте китайской инициативы «Один пояс и один путь», занявших одно из центральных мест в публичной дискуссии. Исследование осуществлено с использованием положений теории критической геополитики и сфокусировано на анализе дискурса экспертных сообществ. По мнению автора, это позволяет не только установить, как воспринимается инициатива Пекина среди государств, являющихся её потенциальными участниками, но и сделать определённые выводы по поводу перспектив и проблем её реализации, поскольку на данной стадии развития проекта «Один пояс и один путь» политические решения в соседних с Китаем странах в значительной степени определяются интерпретациями, исходящими именно из экспертной среды.

### **Результаты исследования и их обсуждения**

Предложение о создании «Одного пояса и одного пути» было впервые выдвинуто председателем КНР Си Цзиньпином во время визитов в Казахстан осенью 2013 года [Пятая годовщина...]. Идея проекта «Один пояс и один путь» является беспрецедентной в истории мировой цивилизации. Она охватывает обширную географическую территорию, множество стран-партнеров (более 60 стран Центральной Азии, Европы и Африки), огромные масштабы инвестиций, продолжительный период реализации и существенные риски.

Сама инициатива «Один пояс и один путь» и интересующий нас проект «Экономический пояс Шелкового пути», согласно трактовке официального Пекина, нацелены на эффективное распределение ресурсов и углубление рыночной интеграции, на поощрение координации экономической политики стран вдоль маршрутов, расширение и углубление сотрудничества, совместные усилия при формировании открытой, инклюзивной и сбалансированной архитектуры регионального сотрудничества [Пятая годовщина...].

Предполагается, что в рамках заявленной межгосударственной архитектуры партнерства все участники обретают возможности устойчивого развития. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что совместное строительство инициативы «Один пояс и один путь» является практической платформой для содействия построению сообщества единой судьбы человечества. Совместное строительство проекта «Один пояс и один путь» — это не только экономическое сотрудничество, но и важный способ совершенствования модели глобального развития и глобального управления, а также содействие здоровому развитию экономической глобализации [Пятая годовщина...].

Предложение инициативы «Один пояс и один путь» — это новая возможность развития для Казахстана. Участвуя в развитии инициативы «Один пояс и один путь», Казахстан стал важным узлом, соединяющим Европу и Азию, его геополитический статус повысился, а его зависимость от России,

напротив, снизилась, что положительно сказалось на его экономическом развитии [Саньду Хаси: 20—22]. Инициатива «Один пояс и один путь» для Киргизии, которая географически ограничена, также является важным направлением развития. Китай является крупнейшим экспортером и инвестором в Киргизии. В рамках инициативы «Один пояс и один путь» совершенствуется инфраструктура Киргизии, обеспечивается энергетическая безопасность. Совместное строительство инициативы «Один пояс и один путь» становится основным направлением сотрудничества между Китаем и Киргизией.

Решая вопросы снижения зависимости от России, первый президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в декабре 2014 г. обнародовал программу «Светлый путь» («Нурлы жол»), направленную на развитие новых инфраструктурных проектов в реальном секторе экономики. На пути осуществления «Светлого пути» китайский проект «Один пояс и один путь» быстро стал серьезным подспорьем [Саньду Хаси: 10], тем более, что у этих программ просматривается немало общих черт. Об этом президент Казахстана Н.А. Назарбаев заявил в ходе государственного визита в КНР еще в сентябре 2015 г. Более того, по его словам, синергия между этими проектами создаст новые возможности для укрепления стратегического партнерства между Китаем и Казахстаном [В Пекине успешно опубликован...]. В конце того же 2015 г. мысли Назарбаева о сопряжении «Светлого пути» и «Одного пояса и одного пути» повторил премьер-министр Казахстана К.К. Масимов [В Пекине успешно опубликован...].

Это мнение в целом разделяет и аналитическое сообщество. В частности, представитель Казахстанской ассоциации приграничного сотрудничества Марат Шибутов полагает, что Казахстан через сотрудничество с КНР может получить доступ к средствам Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и стать одним из важнейших партнеров в китайском проекте «Один пояс и один путь» [В Пекине успешно опубликован...].

После этого в столице КНР Пекине 14—15 мая 2017 года прошел форум международного сотрудничества «Один пояс и один путь», и глава Киргизии Алмазбек Атамбаев в ходе своего выступления также выразил готовность к сопряжению концепции «Один пояс и один путь» с национальной программой «Таза коом» («Чистое общество»). Алмазбек Атамбаев заявил, что его страна «полностью поддерживает инициативу Председателя КНР по созданию совместной экономической зоны Великого Шелкового пути» [Итоги государственного визита...]. Такая реакция неслучайна. В Бишкеке быстро разглядели большие экономические и инфраструктурные выгоды от данного проекта. Оценивая рассмотренное участие Казахстана и Киргизии в китайской инициативе, следует подчеркнуть основные договоренности и условия участия стран.

### **Казахстан**

С момента установления дипломатических отношений между двумя странами в 1992 году отношения между Китаем и Казахстаном в области политики, экономики и культуры достигли стабильного развития. Суть китайской инициативы «Один пояс и один путь» заключается в усовершенствовании региональной инфраструктуры вдоль маршрута, закреплении экономических связей стран регионов, что как раз совпадает с казахстанской

политикой «Светлого пути», выдвинутой в 2014 году. В таком случае обе стороны приветствуют подписание меморандума о взаимодействии по плану координации и сотрудничества по проектам «Экономический пояс Шелкового пути» и новой экономической политикой «Светлый путь» [Совместное заявление КНР и РК, 2019].

Экономическая политика Казахстана «Светлый путь» направлена не только на развитие внутренних перевозок, но и на использование преимуществ своего географического положения для превращения страны в важный международный транспортный узел [Саньду Хаси: 7—16]. Место Казахстана в инициативе «Один пояс и один путь» особенно важно, это мост, соединяющий Европу и Азию, именно в таких условиях в рамках экономической политики двух стран запланировано и реализовано множество проектов.

Среди наиболее значимых аспектов сопряжения «Одного пояса и одного пути» и «Светлого пути» стоит отметить соединение столицы Казахстана с важными экономическими регионами путем строительства высокоскоростных железных дорог, линии легкого трамвая в столице и привлечение китайских инвестиций в реконструкцию или строительство крупных предприятий (например, Павлодарского алюминиевого завода, завода по выпуску нефтегазового оборудования в Мангистауской области), что повышает промышленную независимость и конкурентоспособность Казахстана, создает новые рабочие места. Всего же в 2017 г. КНР участвовал в реализации 51 казахстанского проекта с суммой вложений более чем в 26 миллиардов долларов [Успешное сопряжение...]. И что важно — почти все они были связаны с казахстанской «Государственной программой по индустриализации», рассчитанной на период с 2015 по 2020 гг.

В 2017 году церемония подписания проекта автомагистрали от Казах Курта до Блэр Байты состоялась в столице Казахстана Астане. Контракт на реализацию проекта совместно подписали Евразийская региональная штаб-квартира “China Power Construction” и представители Казахстанской национальной дорожной компании. Автомагистраль расположена в префектуре Алматы, Казахстан, ее общая протяженность составляет 81 км. Начальная точка находится в 1 км от пересечения префектур Жамбур и Алматы, а конечная точка находится примерно в 190 км от города Алматы. Проект заключается в расширении первоначальной двухполосной асфальтобетонной дороги с двусторонним движением в четырехполосную асфальтобетонную дорогу с двусторонним движением.

15 июля 2019 года крупнейший ветроэнергетический проект в Центральной Азии мощностью 100 МВт в Жанатасе, Казахстан, был построен POWER CHINA «Консорциум Международного института гидроэнергетики и Чэнду» и успешно завершил установку первой ветровой турбины. Это означает начало строительства проекта ветроэнергетики, а также демонстрирует практику инициативы «Один пояс и один путь».

В 1997 году Китай и Казахстан подписали соглашение о совместной прокладке трубопровода. С того времени и до сих пор две стороны проложили несколько магистралей, а после того, как страны объединили усилия национальных проектов в рамках единого проекта «Шелковый путь», Китай и Казахстан стали уделять еще больше внимания сотрудничеству в этой сфере. 12 октября 2018 года АО «КазТрансГаз» и компания “PetroChina International Company Limited” подписали в Пекине 5-летний контракт об увеличении экспорта казахстанского газа до 10 млрд кубометров в год с 2019 года [Казахстан

в два раза...]. В ближайшее время будут сданы в эксплуатацию три высоко-технологичные компрессорные станции, которые позволят увеличить пропускную способность магистрального газопровода «Бейнеу-Бозой-Шымкент» с 10 млрд до 15 млрд кубометров газа в год. Это позволит увеличить экспорт казахстанского газа в Китай до 10 млрд кубометров, что принесет стране более 2 млрд валютной выручки в год [Казахстан в два раза...].

В 2017 году объем двусторонней торговли между Китаем и Казахстаном достиг 18 миллиардов долларов, увеличившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 37,4 %, что явилось одним из лучших показателей роста торговли КНР с зарубежными торговыми партнерами. Кроме того, по состоянию на 2018 г. в Европу из Китая транзитом через РК было отправлено более 1800 поездов, что на 50 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [Министерство коммерции: объем...].

«Инициатива “Один пояс и один путь” — это великолепная инициатива с большими перспективами», — высоко оценил инициативу «Один пояс и один путь» первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев 26 апреля 2019 года в совместном интервью информационному агентству Синьхуа и другим китайским СМИ. Президент Казахстана отметил: «Как мы видели, эта инициатива оказала большое влияние на Казахстан, с участием более 150 стран и международных организаций, сеть присоединения получила улучшение и многие люди получили пользу от этого» [Интервью на высоком уровне...].

Много проектов между Китаем и Казахстаном вокруг строительства инициативы «Один пояс и один путь» и сопряжения политики двух стран находятся в самом разгаре, но есть и некоторые неизбежные проблемы, требующие срочного решения. Прежде всего, Казахстан и его народ сомневаются в отношении Китая и китайской инициативы «Один пояс и один путь». Санду Хаси в своём анализе полагает, что Китай продолжает развиваться, западные страны рассматривают это как экспансию [Санду Хаси: 20—35].

Также нельзя недооценивать влияние России на китайско-казахстанское сотрудничество. Исторически и по причинам безопасности Россия всегда была приоритетным партнером для Казахстана. Китайский учёный Ли Жуйси заявляет, что в связи с расширением и развитием китайско-казахстанского экономического и торгового сотрудничества в различных областях встает вопрос о том, как сбалансировать отношения сотрудничества с Евразийским экономическим союзом и Китайским экономическим поясом «Один пояс и один путь», который Казахстану необходимо серьезно рассмотреть [Ли Жуйси: 41—51].

Кроме того, нерациональная структура торговли между Китаем и Казахстаном и несовершенная торговая среда в Казахстане также являются препятствиями и проблемами, с которыми сталкиваются в своем сотрудничестве и развитии обе страны. Многие зарубежные ученые считают, что инициатива Китая «Один пояс и один путь» — всего лишь концепция без четкого объяснения. В документе «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI в.» (март 2015 г.) написано: «Это путь взаимного уважения и взаимного доверия, путь сотрудничества и общего выигрыша, путь междивилляционного заимствования» [Прекрасные перспективы и практические действия...]. Иван Юрьевич Зуенко отмечает, что «китайцы на данный момент предложили лишь скелет концепции; его наполнение осуществляется всеми акторами, в этом заинтересованными» [Зуенко: 120—132]. И.К. Гаспарян в своей статье «Участие Казахстана в инициативе Китая “Один пояс и один

путь» тоже поставил вопросы по осуществлению проектов под инициативой Китая. Он считает, что до сегодняшнего дня конкретное объяснение целей проекта «Один пояс и один путь» Китаем не даётся, в том числе, — как подробно дополнять «Светлый путь» и «Один пояс и один путь» также не объясняется [Гаспарян: 1280—1291]. Хотя много деталей по сотрудничеству ещё не выявлено, но подписание между Китаем и Казахстаном совместного соглашения означает, что для двух стран в отношении закрепления сотрудничества во многих областях для развития дружественных отношений имеется хорошая перспектива. По обмену мнениями лидеров двух стран можно понять, что отношение Казахстана к Китаю позитивное, две страны намерены закрепить сотрудничество и расширять сферы взаимодействия.

Для плавного развития сотрудничества между Китаем и Казахстаном необходимо целенаправленно избегать определенных проблем. Например, необходимо укреплять стратегическое взаимное доверие и взаимопонимание между двумя странами, расширять культурный обмен между гражданами и развивать фундамент сотрудничества и строительства двух стран. Странам также необходимо улучшить структуру торгового сотрудничества, укрепить правовые нормы и углубить региональное сотрудничество в реализации проектов.

### Киргизия

В Центральной Азии Казахстан, безусловно, для Китая является важной страной в экономическом и политическом плане, однако роль Киргизии тоже нельзя не учитывать. Китай является для Киргизии вторым крупнейшим партнёром после России в области торгового сотрудничества. По мере продвижения проекта Китая «Экономический пояс Шелкового пути» экономикоторговое сотрудничество между КНР и Киргизией становится все более тесным. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» благодаря привлечению инвестиции и улучшению транспортной инфраструктуры способствует эффективному развитию экономики Киргизии [Бектургатов].

Неудобный транспорт долгое время был минусом, ограничивающим экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и Киргизией, а также другими странами Центральной Азии. За годы китайские предприятия участвовали во многих инвестиционно-строительных проектах Киргизии. С помощью китайских специалистов построены дороги Бишкек-Нарен-Тургат и Бишкек-Ош. Второй строящийся проект автомагистрали Север-Юг также осуществляется «China Road and Bridge Corporation». В этом проекте 3,7-километровый тоннель и два моста общей протяженностью 1,5 километра являются самыми сложными инфраструктурными проектами в истории Киргизии на сегодняшний день.

Промышленность Киргизии в основном основана на сельском хозяйстве и животноводстве, и спрос на китайские товары легкой промышленности очень велик. С обновлением экономической структуры Киргизии потребность в производственных мощностях неуклонно росла. В настоящее время более 400 китайских предприятий инвестировали в Киргизию, что эффективно способствовало строительству инфраструктуры, а также увеличению занятости и налоговых поступлений [Китайско-киргизское торгово-экономическое сотрудничество...].

Помимо сотрудничества в сфере транспорта и инвестиций, Китай и Киргизия также сотрудничают в сфере сельского хозяйства. 3 мая 2018 года в селе Акорон на юго-западном побережье Иссык-Кульской области состоялась церемония закладки фундамента проекта реконструкции ирригационной

системы Киргизии при поддержке Китая. Этот проект является первым проектом сотрудничества в области сельского хозяйства, осуществляемым при поддержке правительства Китая. После завершения проекта увеличится орошаемая площадь Киргизии на 2310 га, повысится норма гарантированного водоснабжения на 11 100 га орошаемых земель и будет трудоустроено 20 000 человек. Проект также будет способствовать развитию растениеводства и животноводства вдоль маршрута, а также повышению уровня жизни и экономических доходов местных жителей [Китай и Кыргызстан совместно строят...].

В последние годы две страны непрерывно расширяли масштабы сотрудничества, постепенно переходя от традиционного сотрудничества в области легкой промышленности к сфере электронных технологий, а качество продаваемой продукции постепенно менялось в лучшую сторону.

Согласно вышеизложенному очевидно, что Киргизия получила хорошие возможности для развития в рамках инициативы «Один пояс и один путь». Экономическая структура Киргизии несовершенна, и уровень развития промышленности невысок. Нулан в своей работе отметил, что экономический проект «Один пояс и один путь» может придать новый импульс стратегии экономического развития Киргизии и будет способствовать дальнейшему расширению его рынка [Бектургатов: 15—33]. Кроме того, как полагает Рашид Алимов, китайские инвестиции и технологии способствовали значительному снижению топливно-энергетической зависимости Киргизии, которая не располагает собственными богатыми нефтяными месторождениями [Алимов: 5—20].

Недоверие народа Киргизии является одной из трудностей по осуществлению продвижения проекта «Один пояс и один путь». Необходимо ещё обратить внимание на серьёзные экологические проблемы в некоторых регионах, участвующих в инициативе, которые требуют безотлагательного решения. Технологические проблемы, низкая производительность труда в Киргизии, отсутствие единых стандартов в промышленности — все эти факторы выявляют потенциальные угрозы.

Тем не менее руководители обеих стран высоко оценили достижения в области развития и строительства «Один пояс и один путь». Председатель КНР Си Цзиньпин в 2018 году на «Симпозиуме по содействию 5-й годовщине проекта “Один пояс и один путь”» отметил, что совместное сотрудничество в рамках данного проекта значительно повысило уровень либерализации внешней торговли Китая и привлекло инвестиции в новые проекты. Торговля Китаем товарами со странами, связанными с «Один пояс и один путь», превысила 5 трлн долларов, а его прямые иностранные инвестиции превысили 60 млрд долларов, в результате чего было создано более 200 000 местных рабочих мест [Пятая годовщина инициативы...]. Иностранные инвестиции Китая стали важным двигателем роста глобальных прямых иностранных инвестиций. Факты показывают, что совместное осуществление инициативы «Один пояс и один путь» способствовало развитию экономической глобализации в более открытом, инклюзивном, сбалансированном и взаимовыгодном направлении.

2 ноября 2016 года в эксклюзивном интервью корреспонденту информационного агентства Синьхуа спикер парламента Киргизии Чаныбай Турсунбеков заявил, что для Киргизии, остро нуждающейся в возможностях развития, строительство «Одного пояса и одного пути» принесло развитие инфраструктуры и других проектов. За последние три года Китай и Киргизия добились нескольких первых успехов в рамках инициативы «Один пояс и один путь» [Спикер от Кыргызстана...].

### Заключение

Резюмируя все вышеизложенное, стоит отметить, что после того, как со стороны Китая была выдвинута инициатива создания «Одного пояса и одного пути», страны Центральной Азии, такие как Казахстан и Киргизия, приняли в ней активное участие, а осуществляемое сотрудничество дало хорошие результаты. Хотя существуют некоторые трудности и недопонимание при сотрудничестве, но страны прилагают усилия и постоянно принимают меры по устранению проблем, чтобы и дальше укреплять экономические и политические отношения. И в качестве инициатора Китай должен уделять больше внимания трем вопросам: экономическим отношениям, политическим отношениям и вопросам безопасности, а также, видимо, Китаю следует приложить больше усилий для укрепления взаимного доверия между странами. Очевидно, что проблема несоответствия экономических ресурсов между странами и регионами также должна решаться поэтапно по мере продвижения сотрудничества.

### Список источников

#### 首份中俄哈智库联合报告在京成功发布人大重阳智库

(В Пекине успешно опубликован первый совместный отчет китайско-российско-казахстанского аналитического центра). 17.05.2017. URL: [http://news.ifeng.com/a/20170516/51102906\\_0.shtml](http://news.ifeng.com/a/20170516/51102906_0.shtml) (дата обращения: 11.03.2021).

#### 外交习语 | “一带一路”内涵上新了, 习主席对这一方案有过哪些重要论述?

(Дипломатические идиомы | «Один пояс, один путь» имеет новый оттенок. Какие важные комментарии президент Си сделал по этому плану?). URL: [http://www.xinhuanet.com/world/2020-06/19/c\\_1210668957.htm](http://www.xinhuanet.com/world/2020-06/19/c_1210668957.htm) (дата обращения: 12.02.2022).

#### 高端访谈: “一带一路”是前景广阔的伟大倡议 — 访哈萨克斯坦首任总统纳扎尔巴夫

(Интервью на высоком уровне: «Один пояс, один путь» — большая инициатива с большими перспективами — Интервью с первым Президентом Казахстана Назарбаевым). URL: [http://kz.china-embassy.org/zhgx/201904/t20190430\\_1232557.htm](http://kz.china-embassy.org/zhgx/201904/t20190430_1232557.htm) (дата обращения: 12.02.2022).

#### 中吉共建“一带一路”五大精品工程

(Китай и Кыргызстан совместно строят пять крупных проектов «Пояса и пути»). URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2019/0613/c1001-31135935-2.html> (дата обращения: 20.04.2021).

#### 中吉经贸合作前景广阔

(Китайско-киргизское торгово-экономическое сотрудничество имеет широкие перспективы). URL: [http://ydyl.china.com.cn/2019-06/12/content\\_74878460.htm](http://ydyl.china.com.cn/2019-06/12/content_74878460.htm) (дата обращения: 12.02.2022).

#### 商务部: 2017年中哈双边贸易额同比增长37.4 %

(Министерство коммерции: объем двусторонней торговли между Китаем и Казахстаном увеличился на 4 % в 2017 году). URL: <https://www.chinanews.com.cn/cj/2018/05-31/8527141.shtml> (дата обращения: 12.02.2022).

#### 中华人民共和国和哈萨克斯坦共和国联合声明

(Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Казахстан). URL: [http://www.xinhuanet.com/politics/2019-09/12/c\\_1124990997.htm](http://www.xinhuanet.com/politics/2019-09/12/c_1124990997.htm) (дата обращения: 28.04.2021).

Гил吉斯стандын башчысы: “Бир жол” сунушуна башкаруу башкаруусу

(Спикер от Кыргызстана: Инициатива «Один пояс, один путь» отвечает общим интересам). URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2016/11-02/8050837.shtml> (дата обращения: 28.04.2021).

Жи Цзиньпин башчысы “Бир жол” сунушунун 5 жылдык мааракеси: курулуш адамдын тагдырына

(Пятая годовщина инициативы «Один пояс, один путь», предложенной председателем Си Цзиньпином: отличный опыт построения сообщества с общим будущим для человечества). URL: [http://www.gov.cn/xinwen/2018-10/05/content\\_5327979.htm](http://www.gov.cn/xinwen/2018-10/05/content_5327979.htm) (дата обращения: 20.10.2021).

Жыйынтыгы мамлекеттик визити Башкаруу КНР Си Цзиньпини Кыргызстанга // Президент Кыргызской Республики: официальный сайт. 11.09.2013. URL: [http://www.president.kg/ru/sobytiya/itogi\\_sobytiy/1450\\_itogi\\_gosudarstvennogo\\_vizita\\_predsedatelya\\_knr\\_si\\_czinpina\\_v\\_kirgizstan](http://www.president.kg/ru/sobytiya/itogi_sobytiy/1450_itogi_gosudarstvennogo_vizita_predsedatelya_knr_si_czinpina_v_kirgizstan) (дата обращения: 10.04.2021).

Казакстанга эки эсе кезеңде экспорт газы Кытайга. URL: <https://vlast.kz/novosti/29960-kazahstan-v-dva-raza-uvelicit-obemy-eksporta-gaza-v-kitaj.html> (дата обращения: 20.04.2021).

Материалы о визите Президента РК в Китайскую Народную Республику (г. Пекин, 31 августа — 3 сентября 2015 года). URL: <https://www.zakon.kz/4739824-materialy-o-vizite-prezidenta-rk-v.html> (дата обращения: 12.02.2022).

Успешное сопряжение китайской инициативы «Один пояс, один путь» и программы Казахстана «Светлый путь» // Жэньминь жибао. 05.06.2017. Форум международного сотрудничества «Пояс и путь». URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0606/c31521-9224760.html> (дата обращения: 10.03.2021).

POWERCHINA подписывает контракт на проект автомагистрали 81 км от Казах Курта до Блэр Байта. URL: <https://www.powerchina-intl.com/gszx/168.html> (дата обращения: 28.04.2021).

POWERCHINA мощностью 100 МВт в Занатасе, Казахстан, официально начал строительство. URL: <https://www.powerchina-intl.com/gszx/1201.html> (дата обращения: 28.04.2021).

### Список литературы / References

三渡哈熙. 哈萨克斯坦“光明之路”计划与中国“丝绸之路经济带”倡议对接研究[D]. 辽宁大学.

(Санду Хаси. Исследование связи между казахстанским проектом «Светлый путь» и китайской инициативой «Экономический пояс Шелкового пути»: дис. Ляонин: Ляонинский университет, 2017. 44 с.)

(Sandu Haxi. Research on the connection between Kazakhstan’s “Bright Road” plan and China’s “Silk Road Economic Belt” initiative, Lianoning, 2017, 44 p. — In Chinese)

李睿思. 哈俄关系发展趋势及对“一带一路”影响分析[J]. 北方论丛(1):12.

(Ли Жуйси. Тенденции развития казахстанско-российских отношений и анализ их влияния на «Один пояс, один путь» // Северные очерки. Вып. 1. 2021. С. 41—51)

(Li Ruisi. Analysis on the development trend of Kazakhstan-Russia relations and its influence on the “Belt and Road”, *Northern essays*, iss. 1, 2021, pp. 41—51. — In Chinese)

努蓝. 一带一路战略下吉中两国贸易现状和前景分析. 长安大学.

(Бектурганов Нурлан. Анализ статус-кво и перспектив торговли между Киргизией и Китаем в рамках стратегии «Один пояс, один путь». Чаньань: Чананьский университет, 2018. 43 с.)

(Bekturgatov Nurlan. Analysis on the current situation and prospect of trade between Kyrgyzstan and China under the Belt and Road strategy, Chang'an, 2018, 43 p. — In Chinese)

Алимов Р.К. Сотрудничество Китая и стран Центральной Азии: долгий огонь сталь закаляет // Научно-аналитический журнал «Обозреватель — Observer». Вып. 10. 2020. С. 5—20.

(Alimov R.K. Cooperation between China and the countries of Central Asia: a long fire tempers steel, *Scientific and analytical journal "Obzrevatel' — Observer"*, iss. 10, 2020, pp. 5—20. — In Russ.)

Гаспарян К. Участие Казахстана в инициативе Китая «Один пояс — Один путь» // Постсоветские исследования. Т. 2. Вып. 5. 2019. С. 1280 — 1291.

(Gasparyan K. Participation of Kazakhstan in China's initiative "One Belt — One Way", *Post-Soviet Studies*, vol. 2, iss. 5, 2019, pp. 1280—1291. — In Russ.)

Зуенко И.Ю. Один «Пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане (2014—2017) // Россия и АТР. 2018. Вып. 1. С. 118—132.

(Zuenko I.Yu. One Belt, Two Ways: The Perception of Chinese Integration Initiatives in Russia and Kazakhstan (2014—2017), *Russia and the Asia-Pacific Region*, 2018, iss. 1, pp. 118—132. — In Russ.)

Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути 21-го века» // Россия и АТР. 2015. Вып. 3. С. 255—270.

(Excellent prospects and practical actions for the joint creation of the "Economic Belt of the Silk Road" and the "Marine Silk Road of the 21st century", *Russia and Asia-Pacific*, 2015, iss. 3, pp. 255—270. — In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

#### **Информация об авторе / Information about the author**

**Лю Цзяминь** — аспирантка кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, liujiamin@bk.ru

**Liu Jiamin** — Postgraduate student, Department of World History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, liujiamin@bk.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.  
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 125—140.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 125—140.*

Научная статья

УДК 341.3

DOI: 10.46726/И.2022.3.14

## **ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА СПЕЦИФИКУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ВОЕННЫХ УСЛУГ**

***Роман Николаевич Соколов***

Нижегородский государственный лингвистический университет им.  
Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия, romasokolov777@gmail.com

***Игорь Валерьевич Рыжов***

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет  
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Нижегородский государственный лингвистический университет  
им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия, ivr@fmo.unn.ru

***Евгения Михайловна Рогожина***

Нижегородский государственный лингвистический университет  
им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия, evgenia-amiga@yandex.ru

**Аннотация.** Частные военные компании функционируют в исключительных условиях. Их образ в обществе, политика государств в регулировании их деятельности, условия рынка и стоимость контрактов зависят от двух основных факторов: воли частной военной компании и условий окружающей ее среды. В данном исследовании авторами рассматриваются частные военные компании как черный ящик, когда как фокусом исследования является окружающая их среда, условия в которых ЧВК существуют и работают. Последовательно рассматриваются три основных сферы: сфера контрактных взаимоотношений (сфера клиентов), в рамках которой авторами выделяются стратегии ЧВК в отношении выбора клиентов, что влияет на конкурентное преимущество; оперативная сфера — сфера военных действий и основные, общие ее характеристики, которые определяют модели поведения сотрудников ЧВК, а также сфера локального законодательства стран — цели в военных операциях, которая формирует возможность для ЧВК применения незаконных методов ведения военных действий. Последняя часть статьи посвящена практическому рассмотрению влияния внешней среды на деятельность ЧВК в рамках операций «серого рынка» частных военных услуг. Авторами применяется широкий методологический инструментарий: основным методом в работе является метод системного анализа, применяемый для исследования факторов в их взаимозависимости, направленных на ЧВК, общенаучные методы синтеза и дедукции используются для проведения обобщения материала и прогнозирования. Нормативно-институциональный метод используется для установления несовершенства национальных законодательств, используемых ЧВК в корыстных целях.

**Ключевые слова:** частные военные компании, международное право, международное гуманитарное право, международная безопасность, современные международные отношения, рынок военных услуг

---

© Соколов Р.Н., Рыжов И.В., Рогожина Е.М., 2022

*Для цитирования:* Соколов Р.Н., Рыжов И.В., Рогожина Е.М. Влияние внешних факторов на специфику деятельности частных военных компаний в рамках системы военных услуг // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 125—140.

Original article

## **INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS ON THE SPECIFIC ACTIVITIES OF PRIVATE MILITARY COMPANIES IN THE FRAMEWORK OF THE MILITARY SERVICES SYSTEM**

***Roman N. Sokolov***

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russian Federation, romasokolov777@gmail.com

***Igor V. Ryzhov***

National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ivr@fmo.unn.ru

***Evgenia M. Rogozhina***

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russian Federation, evgenia-amiga@yandex.ru

**Abstract.** Private military companies operate under exceptional conditions. Their image in society, the policy of states in regulating their activities, market conditions and the cost of contracts depend on two main factors: the will of a private military company and the conditions of its environment. In this study, the authors consider private military companies as a black box, when the focus of the study is their environment, the conditions in which PMCs exist and work. Three main areas are consistently considered: the sphere of contractual relations (the sphere of clients), within which the authors single out PMC strategies in relation to the choice of clients, which affects the competitive advantage, the operational sphere — the sphere of military operations and its main, general characteristics that determine the behavior patterns of employees PMCs and the scope of local legislation of target countries in military operations, which creates the possibility for PMCs to use illegal methods of warfare. The last part of the article is devoted to a practical consideration of the influence of the external environment on the activities of PMCs in the framework of the “grey market” operations of private military services. The authors use a wide methodological toolkit: the main method in the work is the system analysis method used to study factors in their interdependence aimed at PMCs, general scientific methods of synthesis and deduction are used to generalize the material and forecast. The normative-institutional method is used to establish the imperfection of national legislation used by PMCs for personal gain.

**Keywords:** private military companies, international law, international security, modern international relations, market for military services, international humanitarian law

**For citation:** Sokolov R.N., Ryzhov I.V., Rogozhina E.M. Influence of external factors on the specific activities of private military companies in the framework of the military services system, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 125—140.

Современное функционирование Частных военных корпораций привлекало внимание множества западных ученых, поскольку вопрос целесообразности их применения дискуссионен, четкого мнения по поводу этой проблемы в научном сообществе не сложилось.

Наиболее комплексное исследование феномена частных военных компаний провел Peter W. Singer в своей книге *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry* [Singer 2007], также он исследовал специфику деятельности ЧВК в одной из стран рассматриваемого региона, а именно в Ираке [Singer 2008]. К комплексным исследованиям феномена наёмничества и его современного состояния, неразрывно связанного с частными военными компаниями, можно отнести также работы Sean McFate «*Mercenaries and War: Understanding Private Armies Today*» [McFate 2019], и Spicer T. «*An Unorthodox Soldier: Peace and War And The Sandline Affair*» [Spicer 1999]. Отдельно считаем необходимым выделить работы «*Mercenary, Inc.?*» и «*Privatizing War*» за авторством Ken Silverstein, который предпринял попытку проанализировать деятельность ЧВК как индустрии, системы взаимосвязанных частных военных акторов.

Влияние применения частных военных компаний на региональную и международную безопасность исследовали такие ученые как: James Adams [Adams], David Shichor [Shichor], John D. Hanrahan [Hanrahan], Al J. Vente [Vente], C. J. Van Bergen Thirion [The Privatization...] и другие.

Исследования положения частных военных компаний и их сотрудников в международном праве проводили Menon P.K., Clapham, A. [Clapham], Shearer D. [Shearer] и другие.

### **Клиенты рынка частных военных услуг как определяющий фактор стратегии деятельности ЧВК**

*Aequitas sequitur legem* — «справедливость следует за законом».

Клиенты частных военных компаний это, по праву, наиболее спорная и вызывающая общественное негодование тема в индустрии. Считается, что все частные военные компании в попытке максимизировать прибыль готовы работать на любого заказчика и при любых условиях. В реальности это не совсем так. В тоже время высокая диверсификация бизнеса играет против ЧВК, поскольку они, в сущности, становятся одинаковыми. Снижение цен на свои услуги компаниям невыгодно, поскольку ведет к уменьшению прибыли, другие способы выделиться требуют затрат ресурсов и времени. При этом типичные подходы к увеличению потока клиентов в долгосрочной перспективе обходятся фирмам значительно дешевле простого снижения стоимости услуг. Такая ситуация приводит к разделению ЧВК на два основных типа по основной стратегии привлечения клиентов. Выделяют два основных подхода.

1. Традиционный — данный подход выражается в классическом построении имиджа компании как успешной, независимой и авторитетной фирмы, оказывающий услуги легитимным акторам системы международных отношений, имеющей открытую финансовую отчетность и прозрачные механизмы работы. В этом случае на протяжении достаточно долгого периода времени компании выполняют заказы с четким соблюдением норм международного права, не злоупотребляют заключением дополнительных соглашений, которые повышают стоимость миссии для клиента, выполняют работу в срок, демонстрируют высокие показатели эффективности. Основным требованием

к заказчику в таком случае становится наличие четких и прозрачных целей операции, возможность реализовать ее в срок с минимальным применением военной силы и объективная законность положения заказчика в системе международного права и международных институтов. Этот подход в долгосрочной перспективе является довольно перспективным, но у него имеются и некоторые недостатки.

К ним можно отнести снижение уровня прибыли на этапе построения репутации либо посредством проведения рекламных мероприятий, закупки сверхсовременного оборудования (для привлечения потенциальных клиентов), демпинга цен на свои услуги, что может помочь сформировать первичную клиентскую базу.

Ограниченный пул клиентов. На этапе формирования цепочки законов и доброго имени ЧВК вынуждена завышать требования к клиентам, однако наиболее «респектабельные клиенты» редко сотрудничают с малоизвестными частными военными подрядчиками. Условие заключения контракта в таком случае — значительный демпинг цен или же предоставление уникального сервиса, аналогов которому на рынке услуг нет. И первый, и второй подходы не могут быть реализованы ЧВК без уменьшения собственной прибыли, связанной с демпингом цен или же уникальным оборудованием и специалистами. Эксклюзивность обходится в этой индустрии дорого, что в свою очередь влияет на дальнейший успех развития фирмы [Black: 23].

Третьей немаловажной проблемой является уязвимость в период расширения бизнеса. Закономерным на рынке частных военных услуг является увеличение внимания различных общественных объединений, СМИ и международных правозащитных НКО соразмерно увеличению размеров компании, роста числа ее контрактов и персонала. В действительности в западных СМИ сообщения о деятельности ЧВК чаще всего поступают о гигантах рынка: Academia, CASI, Spearhead limited, Executive Outcomes, тогда как о малых и средних фирмах информации практически нет. В моменты резкого увеличения численности персонала и объема работы частные военные компании довольно уязвимы, поскольку ошибки в планировании, нарушения МПП или просто участие в «сомнительных операциях» могут серьезно подпортить репутацию компании, которую придется выстраивать заново [RogueWave...].

2. «Рынок с низкой арендной платой». Клиент частной военной компании — это, в первую очередь, продавец. В отличие от других рынков, спрос на услуги ЧВК достаточно высокий, тогда как предложение ограничено [Соколов, Рогожина, Рыжов 2022]. ЧВК средние и малые зачастую не могут выполнять более чем 2—3 миссии одновременно ввиду дефицита техники, персонала или же логистических трудностей. Гиганты индустрии получают наиболее выгодные контракты, однако они ограничены в выборе клиентов. Как и на любом другом рынке, существует ликвидный товар и менее ликвидный, в данном случае товаром являются военные операции, которые ЧВК могут свободно выбирать. Сложившаяся ситуация, когда практически все компании способны выполнять полный цикл миссий, приводит к низкому уровню заинтересованности заказчика в конкретном подрядчике, если речь идет о малых и средних ЧВК. Все военные операции различаются не только по своей сути, но и по типам заказчиков.

В зависимости от типа заказчиков и функционала ЧВК в миссии авторами выделяются: «операции с высоким уровнем законности» и операции с «низким уровнем законности».

Такая категоризация не совсем зависит от наличия или отсутствия правовых оснований для проведения операции, скорее она включает в себя широкий спектр факторов: кто является нанимателем (легитимное правительство, группа лиц фактически выполняющая функции правительства, частные компании, международные формальные организации, международные неформальные организации, террористические, экстремистские, квази-террористические и квази-государственные акторы, организованная преступность и т. д.); степень законности операции (уровень соответствия цели и задач операции нормам международного публичного права и, в частности, международного гуманитарного права); тип основного противника (государственная армия, террористические / экстремистские формирования, мятежники или организованная оппозиция и т. д.); уровень конфликта (локальный, региональный и международный).

Соответственно, чем более законные акторы участвуют в операции, чем больше ее цели и принципы соответствуют общепринятым правовым нормам и чем «чище» требуется исполнение задач частной военной компанией, тем более высокий уровень «законности» операции. Сторонники второго подхода исходят из противоположной гипотезы: чем меньше операция похожа на «законную», тем более интересна она ЧВК.

В отличие от первого подхода, где имидж компании и долгосрочное планирование являются приоритетом, сторонники данного подхода стремятся как можно быстрее получить контракт с «рынка низкой арендной платы» [Herbst], репутация в данном случае не имеет большой важности, что действительно имеет значение — это возможность быстро получить прибыль.

Следует отметить, что далеко не все представители индустрии, избравшие второй метод увеличения прибыли и клиентской базы, готовы и выполняют операции, напрямую связанные с незаконной по МПП деятельностью. Практически ни одна существующая фирма не будет участвовать в военных действиях, целью которых является геноцид, насилие над мирным населением и применение оружия массового поражения или же в которых невозможно преуспеть без применения неконвенционального оружия. В реальности «ЧВК второго типа» готовы выполнять контракты с низким уровнем поддержки населения, связанные с не совсем легитимными заказчиками и тому подобное. Совершение военных преступлений на сегодняшний день не является целью операционной деятельности ни одной легально зарегистрированной ЧВК.

### **Особенности операционной деятельности Частных военных компаний**

Частные военные компании работают в исключительных условиях. Вооружённые конфликты вне зависимости от количества вовлеченных сторон характеризуются изменчивостью и индивидуальностью условий и ситуаций. Несомненно, в исследовании конфликтов требуется обратить особое внимание на тактику ведения боевых действий, их интенсивность, применяемую технику и т. д. По нашему мнению, существуют два основных критерия, которые непосредственно определяют степень эффективности деятельности и ответственности за причиненный ущерб частных военных компаний, осуществляющих свою деятельность в условия конфликта.

1. Изменчивость среды конфликта. Любой современный международный конфликт характеризуется вовлечением в него нескольких сторон. Даже

внутренние конфликты в форме локальных столкновений между этносами или гражданской войны неминуемо затрагивают соседние страны, которые прямо или косвенно поддерживают противоборствующие стороны, мировое сообщество в лице Организации Объединенных Наций, которая следит за течением конфликта и предпринимает усилия по мирному его урегулированию и разграничению сторон. Третьи страны, непосредственно не граничащие с областью конфликта, также могут иметь свой собственный национальный интерес в регионе и оказывать влияние на стороны с целью получения выгоды. Из этого утверждения следует комплексная и сложная по своей структуре система расстановки сил в конфликте, потому расчет успеха каждого участника вооруженного конфликта в доминировании над другими и, как следствие, реализации собственного интереса представляется затруднительным, если ни невозможным. Достаточно просто предугадать исход конфликта, если одна из его сторон обладает относительно большим военным потенциалом, уникальными видами вооружения или просто хорошо обученной армией [Fabricius], однако все не так однозначно при оценке участников современных вооруженных конфликтов. Со времен холодной войны желание великих держав вмешиваться в войны между малыми странами далеко за пределами Европы и юго-восточной Азии снизилось. Массовое снабжение противоборствующих сторон оружием на безвозмездной основе, равно как и участие собственных военных специалистов, уже не такая распространенная практика. Из этого следует тезис о сложности подсчета наступательного потенциала и выявления вероятного победителя в большинстве современных конфликтов. Все меняется, когда в конфликт входят сотрудники ЧВК. Они могут поддерживать как одну из сторон в военных действиях, так и работать на третьей стране или корпоративные структуры, имеющие собственные цели на территории, охваченной войной. Баланс сил в таком случае меняется стремительно, и если нанимателем выступает сторона конфликта, то вопрос о стратегическом преимуществе очевиден. Когда же ЧВК действует в интересах третьей стороны, то военная помощь оказывается сторонам конфликта попеременно либо же не оказывается вовсе. Значимость расчета потенциального победителя обуславливается необходимостью понимания уровня изменчивости в конфликте, ведь чем меньше доминирование одной стороны над другой, тем чаще в конфликте происходят непредвиденные ситуации. Высокий уровень изменчивости определяет повышенный уровень риска при выполнении задач для частных военных компаний, что влияет на методы и средства достижения цели. Закономерность в данном случае можно описать следующим образом: чем выше вероятность коренных изменений в ходе вооруженного конфликта, тем больше стоимость военной операции для заказчика и тем выше интенсивность действий ЧВК в решении поставленных задач, что может выражаться в повышении уровня применения насильственных методов.

2. Объективность информации. Вне зависимости от функций частных военных компаний они, согласно контракту, так или иначе действуют на поле боя. ЧВК могут осуществлять вооруженную и невооруженную поддержку операций на поле боя, самостоятельно вести боевые действия, работать в системе командования национальной армии заказчика, осуществлять обучение подразделений, которые в следующий день или месяц уже будут выполнять распоряжения своего правительства [Рогожина, Рыжов, Соколов 2020]. Сфера обслуживания военной техники и объектов также непосредственно связана с ситуацией на поле боя, поскольку от этого зависит приоритетность выполнения

задач и конкретная скорость проведения, например, ремонтных работ. Объективность и полнота информации играет ключевую роль в деятельности частных военных компаний и определяет степень и меру успешности ее применения в вооружённом конфликте, полноту ответственности за проводимые мероприятия. ЧВК не так уж и часто действуют в регионе своей регистрации, потому в своей деятельности они вынуждены полагаться на местных проводников, информацию от нанимателя и собственные разведывательные данные, полученные преимущественно с помощью технических средств (поскольку не каждая ЧВК обладает широкой агентурной сетью по всему миру, способной быстро и в полной мере передавать сведения). Ресурсы ЧВК в этом отношении ограничены, что, к сожалению, часто приводит к казусам и нарушениям международного законодательства. Одним из частных примеров неполноты информации, которая привела к крупному скандалу в индустрии, является миссия США и союзников в Боснии. Албанская вооруженная группа «Армия независимости Косово» получала тактическое обучение в рамках программ MPRI в Боснии, согласно отчетам, сотрудники компании и не подозревали, что проводят обучение не личного состава боснийской армии, для чего компания и была нанята [Stephen]. Отсутствие достоверной информации и специфических знаний о регионе проведения операции, ошибки в системе командования и планирования и просто странное стечение обстоятельств привели к тому, что компания обучала противников своего нанимателя.

Данные характеристики вооруженных конфликтов обуславливают деятельность частных военных подрядчиков при выполнении своей работы. Не только экономические и политические мотивы движут ЧВК, но и изменяющиеся условия конфликтов, сложность в прогнозировании и простое отсутствие информации становятся причинами морально правильного и неправильного поведения сотрудников частных военных компаний, склоняя их к выбору конкретных форм и методов ведения военных действий.

Так, благонадежная компания из традиционного сектора частных военных услуг может оказаться злостным нарушителем МГП, причем не всегда по осознанному решению собственного командования и, наоборот, компании с рынка «низкой арендной платы» могут показывать гораздо более высокие показатели эффективности, демократичности и законности собственных действий. Из этого прямо следует, что последствия деятельности частных военных компаний, вне зависимости от их фактических намерений и фактического клиента, предугадать сложно, равно как и дополнительные, непредвиденные и не калькулируемые результаты операционной деятельности ЧВК возможны, эти результаты притом имеют различную морально-нравственную окраску, могут быть как «плохими», так и «хорошими».

Резюмируя, стоит отметить, что частная военная индустрия представляет собой крайне специфичную отрасль, в которой законы рынка и конкуренции отходят на второй план. Система взаимодействия с клиентами построена таким образом, что каждый возможный заказчик, от кровавого диктатора в пустынях Африки до президента какой-нибудь европейской страны, способен в кратчайшие сроки найти себе подрядчика [Соколов, Рогожина, Рыжов 2022]. Компании стараются охватить весь спектр клиентов, поскольку таким образом они способны избежать конкуренции и повысить свою продуктивность. Нет никакой нужды конкурировать с гигантами отрасли, если можно предложить свои услуги вооруженной оппозиции и получить сверхприбыль благодаря большому количеству контрактов. Фактическое

отсутствие способов привлечь компанию к ответственности приводит к общей безнаказанности и агрессивности ведения военных действий со стороны некоторых подрядчиков. Деятельность ЧВК напрямую связана с войной, и вне зависимости от конкретных функций в рамках контракта, вероятность непосредственного участия в боевых действиях у этих компаний чрезвычайно высока.

### **Право как основа незаконной деятельности в сфере военных услуг**

Система международного и национального права большинства государств мира не адаптирована к существованию частной военной индустрии. В сложившейся ситуации вопрос юрисдикции также не всегда является очевидным. Таким образом, в настоящий момент сформировано правовое пространство, которое фактически не может классифицировать преступления ЧВК как нарушения корпоративной структуры, что является одним из нескольких несовершенств системы законов, успешно используем ЧВК в своих целях. В настоящем параграфе авторами рассматривается влияние правовой среды на частные военные компании и механизмы эксплуатации права в интересах ЧВК.

В сложившейся системе законов ЧВК могут, с полным осознанием последствий собственных действий, выполнять свои контрактные обязательства условно законными методами. При этом такая политика не является прямым нарушением международных законов, однако действия ЧВК в таком случае далеки от духа закона, но соответствуют букве. Неверно будет утверждать, что сама структура рынка вынуждает ЧВК работать в серой зоне международного права, однако, несомненно, сложившаяся ситуация на рынке частных военных услуг влияет на методы и принципы деятельности ЧВК.

Рынок частных военных услуг обладает некоторыми особенностями, главная из которых состоит в низком уровне конкуренции в отрасли при условии высокой конкуренции в рамках специализации [Соколов, Рогожина, Рыжов 2022]. Способов выделиться в таком случае у компаний немного. Как уже говорилось ранее — это либо построение хорошего имиджа при ограниченных доходах на этапе развития бизнеса (мало заказов ввиду отсутствия рекламы и доверия со стороны клиентов), либо работа на менее благонадежных клиентах, что сулит значительную прибыль, но минимизирует шанс сотрудничества с правительствами развитых стран в будущем.

Ослабленные государства, не способные позволить найм престижных компаний, охотно обращаются к агентам с низкой или нулевой репутацией, поскольку их услуги стоят значительно меньше.

Вопросы нарушения законодательства в данном случае не являются большой проблемой: в случае предъявления обвинений в одной из развитых стран мира, что ведет к закрытию компании, регистрация ЧВК в странах с менее развитым законодательством или в офшорных зонах (например, Сингапур, Каймановы острова и некоторые заморские территории Великобритании) не занимает более нескольких недель [Rogue Wave...].

Отдельная специализация частных военных компаний на работу с определенными типами клиентов, как то террористически и экстремистские организации или наркокартели, позволяет выживать на рынке военных услуг и получать вполне выгодные контракты. Стоит отметить, что компании не скрывают с кем и для кого они работают, некоторые даже активно демонстрируют эту информацию на своих официальных сайтах. Такая свобода действий обуславливается слабостью законодательства страны-регистрации или его отсутствием полностью. Например, экспорт оружия террористическим

организациям запрещен во многих странах, но обучение силовых подразделений террористов тактике ведения боевых действий едва ли прописано в уголовном кодексе большинства стран-регистрации ЧВК. Более того, одни и те же группировки в законодательствах разных стран классифицируются по-разному: в спектре от сил умеренной оппозиции до террористических и экстремистских организаций.

Израильская компания Spearhead Limited известна в кругу специалистов как активный помощник повстанческих организаций и наркокартелей. В частности, основными клиентами этой компании выступали в разное время силы освобождения южного Судана, нарко-империя Пабло Эскобара и Хосе Гонзалло Родригеса Гачи в Колумбии. Компания специализируется на защите территории и проведении обучения личного состава вооруженных подразделений нанимателя. Spearhead Limited также занималась тренировкой солдат картеля Калли и так называемых ультраправых эскадронов смерти. Компания причастна к убийству 2-х кандидатов в президенты Колумбии и взрыву пассажирского самолета, в результате которого погибло 111 человек [Who Is Yair...].

Подполковник израильской армии в запасе Яр Кляйн (Yair Klein) является руководителем Spearhead Limited. Ему было предъявлено обвинение за деятельность его компании, и он понес заслуженное наказание в виде штрафа в 13400 долларов США за нарушение израильского законодательства об экспорте оружия и защите информации.

Еще одним примером компании со специфическим списком клиентов является Malhama Tactical, зарегистрированная в Узбекистане. Она работает исключительно на джихадистских экстремистов. Все наемники этой компании — сунниты, однако не все они являются представителями радикальных направлений религиозной идеологии, как их клиенты.

Компания предоставляет целый спектр сервисов, сосредоточенных преимущественно в сфере вооруженной поддержки операций на поле боя, хотя они также поставляют оружие и проводят обучение специфическим боевым навыкам. Основным проектом Malhama Tactical на сегодняшний день является вооруженная поддержка операций фронта ан-Нусра, одного из ответвлений террористической группировки Аль-Каида, и Исламской партии Туркестана, сирийского отделения уйгурской экстремистской группировки, базирующейся в Китае [McFate 2008].

Современное международное право — основная причина безнаказанности частных военных компаний при работе в серой зоне. Оно во многом направлено на предотвращение наемничества, было признано неприменимым к сфере частных военных услуг и солдатам этих фирм [Zarate]. Из этого следует, что возможность наступления ответственности для компании практически отсутствует. Кроме того, не существует системы принципов и механизмов контроля за деятельностью частных военных как для традиционных вооруженных сил. Кроме держателей акций и совета директоров, не существует более никакой системы сдержек и противовесов в частной военной индустрии [Aoul et al.].

Как следствие происходит размывание цепочки общества — государство — частная военная компания в сфере распределения контроля. Общественный контроль за действиями ЧВК значительно ограничен, если сравнивать его с возможностями общества в отношении традиционных вооруженных сил. Государство-наниматель при этом имеет крайне ограниченный инструментальный воздействия на ЧВК, так как последние не входят в его непосредственную юрисдикцию. Размывание цепочки ответственности за нарушение МПП и просто

не совсем законную деятельность подрядчика являются результатом сложившейся ситуации. Вопрос о том, кто регулирует, контролирует и наказывает частного подрядчика в военной сфере остается открытым. Международное право не дает четкого ответа на этот вопрос, возможности национального права при этом ограничены. Это происходит из-за отсутствия четкой практики на международном уровне, свода принципов и законов, которые устанавливали бы четкий порядок деятельности ЧВК, стандарты оценки их работы, принципы организации и управления. ЧВК, будучи развитыми корпоративными структурами, прекрасно осознают риски своей деятельности, в том числе и репутационные. Решением проблемы высокого риска является регистрация в офшорных зонах и странах с неразвитым законодательством в отношении частных военных. Такая практика снижает риск наступления последствий и еще больше усложняет механизм определения юрисдикции.

Если бы индустрия частных военных услуг была традиционным бизнесом, то вопрос о регулировании ее деятельности решался бы в рамках местного законодательства стран, в которых компании осуществляют свою деятельность. В случае ЧВК местная власть обычно настолько не способна контролировать внутренние дела, что вынуждена нанимать военные фирмы для наведения порядка, что приводит нас к простому заключению: она вряд ли способна каким-либо образом контролировать деятельность своих подрядчиков.

Будет предвзятым не рассмотреть обратную сторону вопроса, позицию самих частных военных компаний в существующих условиях рынка и законодательной базы.

Как существуют правительства, которые применяют свои вооруженные силы против мирного населения, что напрямую нарушает международное гуманитарное право в личных корыстных целях, так и есть частные военные компании, которые обслуживают серую зону рынка, т. е. работают на не совсем законных или откровенно незаконных клиентов. Такая ситуация — это не причина, но следствие существующей обстановки вокруг ЧВК.

Большинство частных военных компаний работают в легальной и полуполитической сфере, поскольку дорожат своей репутацией и охотятся за более выгодными государственными контрактами. Согласно статистическим данным, частные военные подрядчики реализуют вооруженные операции в среднем с 15—20 процентов меньшим уровнем насилия, чем вооруженные силы развитых стран. В сравнении с слабообученными, малоэффективными военными формированиями развивающихся стран этот показатель еще выше. В то же время стоит отметить и чисто технический фактор в вооруженных операциях с применением частных военных компаний, который играет в их пользу. Средний уровень сопутствующего ущерба при реализации миссий ЧВК значительно меньше по сравнению с схожими операциями, выполняемыми военными несостоявшихся государств (Failed states).

Эта тенденция напрямую связана с применяемыми видами вооружений. Частные военные компании располагают арсеналом сравнительно более нового оружия, которое в свою очередь надежнее и соответствует современным стандартам, как то имеет избирательное действие и не наносит чрезмерный урон.

ЧВК работают в основном в развивающихся регионах, поскольку именно там сосредоточены основные мировые конфликты, поэтому сравнение эффективности деятельности ЧВК и государственных армий в этих регионах мира является оправданным.

Все это приводит, как это ни странно, к снижению преступлений против прав человека, его здоровья и благополучия со стороны военных

(в данном случае сотрудников ЧВК), при условии, что компании действуют в рамках «белого» рынка.

Все меняется, если ЧВК выступают в качестве подрядчиков в военных миссиях с серого рынка частных военных услуг. Обучение и снабжение групп вооруженной оппозиции еще технически вписывается в международное и национальное законодательство стран-регистрации, когда как непосредственное участие в боевых действиях на стороне террористических организаций является преступлением на международном уровне. При этом компании серого сектора открыто и полно заявляют о своей работе, публикуют отчеты и даже ведут странички в социальных сетях. Почему же их не привлекают к ответственности?

Вопрос, кто виновен в том или ином нарушении МГП или человеческих жертвах, остается сложным для понимания. Было ли это желание сотрудников ЧВК выполнить работу поскорее, но с большими жертвами, приказ начальства внутри ЧВК, требование заказчика или просто несчастливое стечение обстоятельств? В каждом конкретном случае это приходится устанавливать отдельно, и стандартизация здесь невозможна. Существующее законодательство, с одной стороны, открывает ЧВК массу возможностей по ведению не совсем законной деятельности. При этом статистика утверждает, что в регионах активной работы ЧВК эффективность и чистота выполнения миссий частными компаниями выше, чем военными стран-региона. ЧВК — наименее заинтересованная сторона конфликта в причинении высокого сопутствующего ущерба, поскольку это влияет на репутацию и на отношения местного населения к сотрудникам, а значит, повышает риски для жизни солдат. Подход в рамках большинства представителей индустрии состоит в том, что один хорошо обученный военный гораздо лучше 10 мало обученных. Не все профессионалы своего дела готовы открывать огонь по гражданским лицам, более того не все готовы участвовать в миссиях, где потенциально такое требование может возникнуть. Несмотря на общий подход к отсутствию заботы о репутации у ЧВК «рынка низкой арендной платы», активное нарушение МГП и создание условий для военных преступлений может снизить желание даже самых незаконных акторов МО к найму такой компании.

Резюмируя, авторами отмечается, что право формирует структуру деятельности ЧВК, однако в современном его развитии содержит много «дыр» и неточностей, которые позволяют ЧВК уходить от ответственности в случае умышленного и не умышленного нарушения норм международного и национального законодательства.

### **Участники «серого» рынка частных военных услуг**

Для одного — террорист, для другого борец — за свободу. Подобная дилемма — один из главных вопросов современных международных отношений. Особенно остро этот вопрос встает в контексте соотношения подобных явлений с легитимными и нелегитимными политическими режимами, с классификацией вооружённых негосударственных акторов, в том числе и террористических и экстремистских организаций.

Для того чтобы определить, нарушает ли частная военная компания закон, требуется установить, насколько легитимным является заказчик, обладает ли заказчик каким-либо официальным статусом, может ли он быть классифицирован как законный участник конфликта или международного процесса.

Вначале необходимо обратить внимание на вооруженных негосударственных акторов, классификация которых происходит в основном на национальном

уровне. В разных государствах одно и то же движение классифицируется по-разному. Одни и те же вооруженные группы могут классифицироваться как террористические организации или как умеренная вооруженная оппозиция. В этой связи для определения законности сотрудничества ЧВК эксперты должны полагаться на национальное законодательство и позицию государства-регистрации, поскольку общепризнанного реестра террористических организаций не существует.

С правительствами и квази-государственными образованиями все обстоит несколько сложнее.

Вопрос их легитимности и в мирное время остается спорным, решается преимущественно механизмом международного признания мировым сообществом. В условиях военных действий определить агрессора, легитимные правительства участников конфликта, легитимные группы освобождения и другие легальные не государственные вооруженные группы задача сложная, а подчас и невыполнимая. Основным институт легитимации акторов — признание мировым сообществом. Прямое или косвенное признание правительства государства или определенной территории как самостоятельного участника конфликта в условиях вооруженного конфликта не имеет различия при выборе ЧВК своего заказчика. Фактическое начало торговых и политических отношений с каким-либо политико-территориальным правительством одного из мировых центров индустрии уже достаточный сигнал для участников рынка, что формальная законность потенциальной операции установлена.

Признание мировым сообществом той или иной государственной власти в стране, охваченной войной, требует времени. Более того не существует стандартных, общепризнанных критериев для установления легитимности какого-либо политико-территориального образования как полноправного участника конфликта. Напротив, ЧВК нанимаются правительствами в момент падения его легитимности с целью предотвращения этого процесса.

В условиях военных действий — единственный достоверный критерий определения легитимности того или иного правительства — фактическое нахождение у власти и управление государством. Вопрос состоит в другом: ограничение деятельности ЧВК сотрудничеством исключительно с легитимными правительствами привело бы к приобретению компаниями нового статуса-агентов статуса-кво: компании оказывали бы поддержку исключительно режимам с достаточными финансовыми ресурсами с целью возвращения власти в стране, при этом потенциально подавляя более легитимные и демократические движения сопротивления. Другим результатом такой деятельности может быть затягивание конфликта и препятствие его перехода в завершающую стадию с дальнейшими мирными переговорами.

Ярким примером таких демократических движения является африканский национальный конгресс под предводительством Нельсона Манделы и даже анти-британское движение Отцов Основателей США. Обе группы в определенный период истории классифицировались как мятежники и террористы, и, только свергнув непопулярные режимы в своих странах, они были признаны лимитными демократическими правительствами во всем мире. С другой стороны, правительство может быть признано мировым сообществом, но в тоже время не признаваться легитимным большинством населения государства, или же это легитимное правительство может действовать прямо, нарушая законодательство. Примером того может быть деятельность компании ЕО на Руандское правительство Хуту против мятежников Патриотического Фронта Руанды (народ Тутси) [Nisse].

Используя критерий легитимности правительства как нахождение последнего у власти, фирма в полной мере была права в действиях, однако то же самое правительство была на полпути к организации одного из самых масштабных геноцидов XX века.

В случае если фирмы стремятся к определению легитимности заказчика, используя иной подход, основанный на более широком, морально-этическом понимании легитимности, ответ все еще не очевиден. Об этом глава компании Sandline Тим Спайсер (Tim Spicer) говорил в своем интервью (1999 год). Компания не могла определиться, с каким бы режимом она сотрудничала в Пакистане — с новым военным правительством страны или с демократическим правительством, которое было свергнуто. Оба правительства не отличаются абсолютной народной поддержкой и имеют эпизоды незаконной деятельности [Nisse].

Государства избегают проблемы признания правительств третьих стран как легитимных посредством развития программ помощи и альянсов, в результате то правительство или политическая сила, что выгодно государствам и признаются легитимным в третьей стране.

Частные военные компании в своей деятельности, кажется, придерживаются схожего подхода. Просто рассматривая и даже поддерживая те национальные и политические силы, чьи интересы, примененные в качестве внешней и внутренней политики государства, будут способствовать получению прибыли частной военной компанией.

В реальности ЧВК, как и любая частная корпоративная структура, стремится работать на тех, у кого есть деньги, если этот заказчик еще и стоит на стороне «добра» — это является дополнительным аргументом к началу сотрудничества. Общее правило, что ЧВК «белого» рынка максимально стремятся к сотрудничеству с государствами, достаточно пластично.

Компания Sandline, например, заявляет о своем сотрудничестве исключительно с теми, кто уважает и стремится защищать права человека и способствует развитию демократии, т. е. с теми, кто в моральном компасе будет на стороне «добра», что при определенных условиях означает ведение военных действий на стороне негосударственных акторов против государств [Spicer: 50]. Компания предпринимала попытки получить разрешение на работу с группировкой «Армия независимости Косово» и была открыта к сотрудничеству с группами сопротивления в Ираке [Nisse].

История, однако, демонстрирует нам одну примечательную тенденцию. Многие политические группы, которые раньше характеризовались как террористы, становятся легитимными правительствами и ведут свои государства в поистине светлое будущее, в то время как порой силы умеренной вооруженной оппозиции становятся худшими преступниками человечества. Например, «борцы за свободу» Афганистана, которые получали помощь и обучение от американских военных в середине 1980-х годов, в современности сформировали несколько десятков террористических организаций, укрепили ряды практически средневековой по правилам и идеологии вооруженной группы Талибан [Hartung]. Если государства не способны предугадать развитие ситуации и результаты своей деятельности, то требовать подобного от частных военных компаний не представляется рациональным.

Реальность такова, что выбор относительно того, с каким заказчиком работать, основывается во многом на морально-этических представлениях хозяев частной военной компании. ЧВК не всегда следуют моральному

компасу, поскольку это может противоречить желанию заработать. В ситуации, когда выбор делается с позиции совести, морали и «правильности», никто не может дать гарантии, что заказчик останется неизменным в своей политике в долгосрочной перспективе, что он останется легитимным.

### Заключение

В целом, подводя итоги, следует отметить следующее. ЧВК — это, в первую очередь, инструмент решения задач собственного интереса. Как и любой инструмент, ЧВК полностью зависит от того, кто и в какой форме его эксплуатирует, с важным замечанием, что ЧВК способны принимать самостоятельные решения, у которых, в свою очередь, будут реальные последствия. Внешняя среда определяет порядок функционирования частных военных компаний: условия заказчика и его тип, существующая правовая база на национальном уровне, изменчивость среды конфликта — все оказывает влияние на выбор тех или иных методов проведения военной операции. Сами ЧВК оказывают влияние на внешнюю среду посредством создания сопутствующего ущерба, эксплуатации несовременных законов, что в конечном счете приводит к их пересмотру.

Авторами отмечается, что внешняя среда и ЧВК неразрывно связаны и формируют друг друга. С изменением законодательства произойдет улучшение модели функционирования частных военных фирм и снизится еще сильнее уровень чрезмерного насилия в миссиях с их участием. Отметим, что по линии взаимодействия Внешняя Среда — ЧВК, преобладающее влияние оказывает именно среда, тогда как ЧВК своими действиями настраивает среду к модификации. Частная военная индустрия развивается стремительно, и лишь коренной пересмотр условий среды в спектре от международного законодательства до создания общепринятых правил и условий деятельности ЧВК и процедуры их найма сможет структурировать отрасль и снизить риски применения частных военных для общества и населения земли в целом.

### Список литературы / References

- Рогожина Е.М., Рыжов И.В., Соколов Р.Н. Специфика деятельности частных военных компаний в XXI веке (на примере Ближнего Востока) // *Конфликтология / nota bene*. 2020. № 4. С. 1—18.
- (Rogozhina E.M., Ryzhov I.V., Sokolov R.N. Specifics of Private military companies' operation at the example of the Middle East, *Konfliktologija / nota bene*, 2020, iss. 4, pp. 1—18. — In Russ.)
- Соколов Р.Н., Рогожина Е.М., Рыжов И.В. Технологии функционирования рынка частных военных услуг и особенности взаимодействия Заказчик — Частная военная компания // *Конфликтология / nota bene*. 2022. № 1. С. 48—62.
- (Sokolov R.N., Rogozhina E.M., Ryzhov I.V. Technologies of Private military market operation and Agent — client cooperation difficulties, *Konfliktologija / nota bene*, 2022, iss. 1, pp. 48—62. — In Russ.)
- Adams J. *The Next World War*. N.Y.: New York: Simon & Schuster, 1998 URL: <https://www.simonandschuster.com/books/The-Next-World-War/James-Adams/9780743223805> (accessed 03.04.2021).
- Al J. Venter Market Forces: How Hired Guns Succeeded Where the United Nations Failed, Washington D.C.: *Jane's International Defense Review*, 2009. 79 p.

- Aoul S. et al. Towards a Spiral of Violence? The Dangers of Privatizing Risk Management in Africa, memorandum, Working Group on Human Rights in Congo, Development and Peace, Mining Watch, 2000. 234 p.
- Black J. *European Warfare*. London, England: Macmillan, 2007, 243 p.
- Clapham A. *Human Rights Obligations Of Non-State Actors*. London: Oxford University Press, 2006. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199288465.001.0001/acprof-9780199288465> (accessed 03.04.2020).
- Companies, *International Law, the New World Order*. N.Y.: *Stanford Journal of International Law*, vol. 34, 1998, pp. 75—156.
- Fabricius P. Private Security Firms Can End Africa's Wars Cheaply Johannesburg: Saturday Star, 2000, pp. 8—11.
- Hanrahan J.D. *Government by Contract*. London: W W Norton & Co Inc., 1998, 354 p.
- Hartung W. Deadly Legacy Update: U.S. Arms and Training Programs in Africa, *World Policy Institute Documents*, 2001, 78 p.
- Herbst J. (ed.) *The Regulation of Private Security Forces Cape Town: The Privatisation of Security in Africa*, 2007, 67 p.
- McFate S. *Mercenaries and Privatized Warfare Current Trends and Developments*, 2008. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/issues/Mercenaries/WG/OtherStakeholders/sean-mcfate-submission.pdf> (accessed 05.04.2021).
- McFate S. *Mercenaries and War: Understanding Private Armies Today*, Washington D.C.: National Defense University Press, 2019. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/Article/2031922/mercenaries-and-war-understanding-private-armies-today/> (accessed 07.04.2021).
- Mills G. & Strelau J. *From Mercenaries Pretoria*: South Africa Institute of International Affairs, 1999, 121 p.
- Nisse J. Cash for Combat. London: Independent, 1999. URL: <https://www.independent.co.uk/news/business/cash-for-combat-1127543.html> (accessed 05.04.2021).
- Rogue Wave-Rogue Trader: Financial Storms Heading Towards the U.S. Economy, *Financial Sense OnLine*, October 26, 2000. URL: <http://www.financialsense.com/series2/rogue.htm> (accessed 11.03.2022).
- Shearer D. Private Armies and Military Intervention, *Adelphi Paper, iss. 316*, London: International Institute for Strategic Studies, 1998. URL: <https://www.routledge.com/Private-Armies-and-Military-Intervention/Shearer/p/book/9780198294405> (accessed 07.04.2021).
- Shichor D. *Punishment for Profit: Private Prisons/Public Concerns*. London: Sage Publications, 1995, 312 p.
- Singer P.W. *Corporate Warriors: The Rise of The Privatized Military Industry*, Ithaca, London: Cornell University Press, 2007, 330 p.
- Singer P.W. The private military industry and Iraq: what have we learned and where to next? Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF), 2008, URL: [https://www.files.ethz.ch/isn/14132/PP4\\_Singer.pdf](https://www.files.ethz.ch/isn/14132/PP4_Singer.pdf) (accessed 15.12.2022).
- Spicer T. *An Unorthodox Soldier: Peace and War and The Sandline Affair*, Edinburgh: Mainstream, 1999. URL: <https://search.proquest.com/openview/17a6d2d2f2ef7d3a5e118b19e40836ce/1?pq-origsite=gscholar&cbl=32579> (accessed 03.09.2021).

The Privatisation of Security: A Blessing or a Menace?, *South African Defence College Paper*, 1999, 45 p.

Who Is Yair Klein and What Is He Doing in Colombia and Sierra Leone? Democracy NOW! Program, *Pacifica Radio*, June 1, 2000; *Colombia Bulletin* 3, iss. 1, 1998, 12 p.

Zarate J.C. The Emergence of a New Dog of War: Private International Security Companies and the New World Disorder, *Stanford Journal of International Law*, London, 1998, 74 p.

*Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.*

### **Информация об авторах / Information about the authors**

**Соколов Роман Николаевич** — лаборант-исследователь Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия, romasokolov777@gmail.com

**Sokolov Roman Nikolaevich** — junior researcher at International interdisciplinary research laboratory "Study of international and regional socio-political processes", Nizhny Novgorod State Linguistic University named after. N.A. Dobrolyubova, Nizhny Novgorod Russian Federation, romasokolov777@gmail.com

**Рыжов Игорь Валерьевич** — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия, ivr@fmo.unn.ru

**Ryzhov Igor Valerievich** — Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia, National Research Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky Senior Scientific Associate, International Cross-Disciplinary Research Laboratory for Studying World and Socio-Political Processes, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ivr@fmo.unn.ru

**Рогожина Евгения Михайловна** — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия, evgenia-amiga@yandex.ru

**Rogozhina Evgeniya Mikhailovna** — PhD in Politics Docent, the department of International Relations and Global Political Processes, Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University Nizhny Novgorod, Russian Federation, evgenia-amiga@yandex.ru

# ФИЛОСОФИЯ

## PHILOSOPHY

---

*Вестник Ивановского государственного университета.  
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 141—150.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 141—150.*

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2022.3.15

### ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*Елена Николаевна Шульга*

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

**Аннотация.** В фокусе внимания автора статьи находится сознание как фундаментальное понятие, указывающее на способность человека к обобщениям, рациональным выводам, систематическому знанию и к познавательной деятельности. Отмечено, что многообразие характеристик заставляет ограничивать представления о проявлениях сознания, определяя последнее исходя из предписываемого ему смысла. Автор особо останавливается на специфике когнитивной психологии, которая связывает феномен сознания с осведомленностью о событиях, о стимулах окружающего мира и о познавательных явлениях, таких как воспоминания, мысли, телесные ощущения. Показано, что философы разных эпох описывали сознание, прежде всего, исходя из соотношения внутренне осознаваемой деятельности с познанием, а познание — с полученным знанием. Так, живой интерес к этому процессу у древних мыслителей проявлялся в поиске конкретного местоположения памяти и знания. В рамках компаративного подхода соотносена позиция древних египтян (разделявшаяся и греческими философами, в частности, Аристотелем), полагавших, что знания находятся в сердце, с точкой зрения Платона, который полагал, что именно мозг является средоточием мысли. Зафиксировано, что философы последующих эпох связывали феномен сознания с проявлением сверхчувственного в человеке, принцип организации которого лежит в основе бытия. Сделан вывод, что это дало толчок для формирования методологии, способной описать феномен сверхчувственного в терминах, адекватных миропониманию конкретной эпохи.

**Ключевые слова:** сознание, познание, знание, смысл, методология, Платон, Аристотель

**Для цитирования:** Шульга Е.Н. Феномен сознания и методология его исследования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 141—150.

---

© Шульга Е.М., 2022

2022. Вып. 3 •

Original article

## PHENOMEN OF CONSCIOUSNESS AND THE METHODOLOGY OF ITS STUDY

*Elena N. Shulga*

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

**Abstract.** The author focuses on consciousness as a fundamental concept that indicates a person's ability to generalization, rational conclusions, systematic knowledge and cognitive activity. It is noted that the variety of characteristics makes it necessary to limit ideas about the manifestations of consciousness, defining the latter based on the meaning prescribed for it. The author especially dwells on the specifics of cognitive psychology, which connects the phenomenon of consciousness with awareness of events, the stimuli of the surrounding world, and cognitive phenomena such as memories, thoughts, bodily sensations. It is shown that philosophers of different epochs described consciousness, first of all, proceeding from the correlation of internally conscious activity with cognition, and cognition with the received knowledge. Thus, a keen interest in this process among ancient thinkers manifested itself in the search for a specific location of memory and knowledge. Within the framework of the comparative approach, the position of the ancient Egyptians (shared by Greek philosophers, in particular, Aristotle), who believed that knowledge is in the heart, and the point of view of Plato, who believed that the brain is the focus of thought, are correlated. It is recorded that the philosophers of subsequent eras associated the phenomenon of consciousness with the manifestation of the supersensible in human, the principle of organization of which underlies being. It is concluded that this gave impetus to the formation of a methodology capable of describing the phenomenon of the supersensible in terms that are adequate to the worldview of a particular era.

**Keywords:** consciousness, cognition, knowledge, meaning, methodology, Plato, Aristotle

**For citation:** Shulga E.N. Phenomen of consciousness and the methodology of its study, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 141—150.

### Введение

Одно из актуальных направлений современных научных исследований связано с поиском оснований того конкретного знания, которое оказывается в центре внимания ученых и исследователей или о котором размышляют философы. Интерес к проблеме обоснования научного знания, а также к поиску его оснований у самих ученых возникает в тех случаях, когда результаты исследований выходят либо на уровень философских обобщений, либо выдвигаемые идеи и отдельные положения (например, внутри научной теории) приобретают философский смысл или даже статус философского знания. Именно на этом уровне развития научного знания возникает необходимость рассуждать о его философских основаниях.

Наряду с общепризнанным разделением знания на естественнонаучное, социально-гуманитарное и философское, остаются открытыми вопросы методологического характера. В особенности это касается изучения сложноорганизованных объектов, сущность которых ускользает и / или требует определенности в формулировании проблемы, нацеленной на понимание природы

такого рода объектов. В полной мере это касается и проблематики сознания, трудные вопросы которого оказывались в центре внимания тех, кто пытался постичь природу вещей на их сущностном уровне.

Следует обратить внимание на то, что любые попытки постичь природу человеческого сознания неизбежно приводят к вопросу о специфике функционирования сознания, его структурной организации. Вместе с тем не лишены эпистемологического смысла исследования различных типов, форм и способов проявления сознания, его генезиса, изучение осознанной деятельности человека, рассматриваемой в социальном или культурно-историческом контекстах. Наконец, важным вопросом познания специфики функционирования человеческого сознания является язык, которым мы описываем этот феномен [Калинин, Портнов]. Но не только собственно язык описания функций сознания важен для понимания его сущности, но и признание изначальным того факта, что именно сам человек осознает и задает постановку тех задач, которые можно аксиоматически постулировать через объяснение таких феноменов, как умственная, эмоциональная и смыслообразующая деятельность человека. В скобках замечу, что именно эти феномены: умственная деятельность, эмоциональная сфера и способность придавать смысл наблюдаемым явлениям, вещам и процессам создают то конкретное проблемное поле исследований, о котором говорят П.Е. Калинин и А.Н. Портнов в связи с языком описания сознания.

Таким образом, очевидная множественность аспектов изучения сознания требует ответа на вопрос: в границах каких дисциплин будет обсуждаться проблематика сознания — с точки зрения естественнонаучного, социально-гуманитарного или философского знания? Выбор направления исследований и базовый материал, на который будет опираться ученый, как раз и определяет адекватный подход к сознанию и выбор наиболее эффективных методов его исследования. При этом полученные результаты, к какой бы конкретной области знания они не относились, будут обладать философским значением уже только в силу того, что направлены на познание природы человека со всеми его родовыми признаками, выделяющими его из окружающей среды или рассматриваемыми как культурно-исторические феномены. Во всех случаях проблематика сознания, по сути, междисциплинарная, приобретает общефилософскую направленность, поскольку восходит к обоснованию философского учения о человеке.

Важным ракурсом учения о человеке является определение роли языка при построении знаковой системы, а также рассмотрение языка как средства коммуникации и межкультурного общения. Оба аспекта затрагивают традиционные для философии вопросы соотношения языка и мышления, познания и понимания, знания и выяснения условий его осуществления. Исторически зарождение этой проблематики мы относим к эпохе античности, когда начал оформляться понятийный язык философии, и одновременно с этим получили распространение систематические учения и вполне обоснованные философские концепции, связанные с представлениями о человеке, его мышлении и специфических способах выражения такого рода знания. Поэтому, прежде чем рассматривать проблему, связанную с языком описания сознания, рассмотрим некоторые философские концепции, подготавливающие наши современные представления о сознании как феномене и о становлении методологии его исследования.

### Античные философы о человеке и специфике его познания

Характер поставленных проблем возвращает нас к той далекой исторической эпохе, когда философы еще не рассуждали о предмете философии, но высказывались о «первых началах», организующих все, что окружает человека: природа, Вселенная, видимый мир и невидимые внутренние сущности вещей или *эйдосы* предметов. Со временем, обратившись к человеку и к вопросам познания, отталкиваясь в своих рассуждениях от принципа *«Познай самого себя»*, греческие философы искали способы объяснения процесса познания и при этом стремились выявить необходимые условия получения знания, придавая им конкретный или общепhilosophический смысл.

Образцы понимания природы человека, выраженные в языке отвлеченных философских понятий, постепенно формировали образ человека думающего, рассуждающего, действующего. Первые и достаточно продуктивные попытки найти определения, имеющие отношение к субъективной познавательной способности человека, к его нравственному опыту нашли отражение в понятии души. Причем душа являлась, прежде всего, эмпирическим понятием, ассоциируемым с множественным проявлением человеческого *«Я»*, т. е. с тем, что мы сегодня называем сознанием и самосознанием. Между тем уже Платон устами Сократа в диалоге *«Критон»* (47e—48a) говорит о душе как о сущности, сопряженной со способностью к справедливости или несправедливости, и при этом демонстрирует веру в бессмертие души. Наконец, в *«Федре»* [Платон 1993] он выстраивает целую аргументацию, утверждая догмат о существовании души до рождения человека. Эта идея перерастает затем в концепцию *«припоминания»*, эпистемологическое значение которой состоит в уверенности, что душа любого человека, кем бы он ни был, обладает знанием. Отсюда следует и задача практикующего философа-мудреца, связанная с майевтикой — *«вытягиванием»* знания в ходе беседы или посредством правильного ведения диалога. Рассуждая в этом направлении дальше, Платон приходит к убеждению, что познание, именуемое припоминанием, делает знание явленным благодаря ощущению и мысленному представлению — именно таким путем формируется мнение, в том числе — истинное.

Множественные ощущения, согласно раннему Платону, не воспринимаются каким-то особым органом, но постигаются исключительно душой, которая характеризуется как внетелесная сущность и, одновременно, как вместительница знания. В более поздних диалогах, написанных в зрелом возрасте, Платон говорит уже об истинном познании как о познании разумом так называемых умопостижимых истин, обнаруживаемых человеком в самом себе. Именно благодаря *«обнаружению»* в самом себе такого рода истин человек получает *«знание»*, именуемое отныне *“episteme”*, и это уже не то эмпирическое знание, к которому относятся частные сведения или даже исторические факты, но истинное знание.

Признавая чувственное восприятие в качестве основы познания и необходимого условия знания, Аристотель в первых же строках *«Метафизики»* подчеркивает мысль о том, что все люди от природы стремятся к знанию, и доказательством тому — влечение к чувственным восприятиям [Аристотель: 5]. По Аристотелю, понятие души *«едино»*, но чтобы понять точку зрения Аристотеля, нужно сравнить ее с концепцией его учителя Платона, который различал три вида души — познавательную (или разумную), раздражительную и способную к вожделению [Платон 1994]. В свою очередь, Аристотель

говорит о различных душах лишь в переносном смысле, а точнее говоря, в условном значении, понимая под ними лишь различные функции проявления единого начала, каковым как раз и является душа.

Он признавал, что наряду с чувственными качествами как предметами ощущения для отдельных органов чувств, существуют еще и общие качества: движение, покой, величина, фигура, число и единство. Для понимания общего смысла этих перечисленных качеств у человека нет особого органа; они ощущаются акцидентально при любых ситуациях, но постигаются так называемым «общим чувством», которое выше известных нам пяти чувств и которое мы сегодня связываем с «предпониманием». Эту интеллектуальную способность можно характеризовать еще и как «постигающее схватывание», предшествующее пониманию. В терминологии Аристотеля — это слово “*noyus*”.

Далее в иерархии воспринимаемых человеком «общих свойств» и «общих качеств» предстает способность, которую Аристотель называет словом «*фантасма*». Рассуждая об этой удивительной способности, известный отечественный философ и историк науки В.П. Зубов подчеркивает, что «это не фантазия или воображение в современном смысле, а скорее способность представления, соответственно и слово *фантасма* означает самое представление, или чувственный образ предмета, существующий в нас и при наличии, и при отсутствии самого предмета» [Зубов: 184]. Интересно отметить и тот факт, что Аристотель неоднократно проводил параллель между ощущением и умом, между ощущениями и фантасмами, различая и соотнося между собой ум и умопостигаемость. При этом философ был весьма категоричным, утверждая, что «нельзя мыслить без фантасмы». Другими словами, нельзя помыслить о предмете, не имея в своем уме представление об этом предмете, образ этого предмета, даже если этот предмет отсутствует в реальности.

Конечно, Аристотель ничего не говорит о сознании в современном нам смысле, но он использует вполне ясные и не двусмысленные понятия: «мыслящая душа», «ум». Так, во фрагменте трактата Аристотеля «О душе», который приводит в своей монографии В.П. Зубов, находим такое утверждение: «И так как ум мыслит все, ему необходимо быть не смешанным ни с чем, по выражению Анаксагора, чтобы властвовать, т. е. познавать... Поэтому немислимо уму смешиваться с телом. Ведь тогда он оказался бы обладающим каким-нибудь качеством — холода или тепла — и тогда у него оказался бы какой-нибудь орган, подобный органу ощущения; в действительности же такого нет» [Зубов: 192]. Характеризуя этот отрывок с современных позиций, не трудно заметить, что речь здесь идет об уме как сверхчувственном феномене и о мышлении, ассоциированном непосредственно с познанием, для которого нет телесного местонахождения именно потому, что и познание сверхчувственно.

Сравнивая используемые Платоном и Аристотелем методы, следует подчеркнуть, что Аристотель никогда не использовал форму диалога и вопросно-ответного метода, которым пользовались Сократ и Платон. Между тем Аристотель писал так, словно обращался к конкретной аудитории. Редко он говорит от себя и в первом лице, используя этот прием только в том случае, когда необходимо обратить внимание на что-то очень важное или что-то новое в противовес иным мнениям. Еще реже он говорит в категоричной форме, подчеркивая, что высказывает лишь вероятные суждения.

Рассуждая о человеке и специфике процесса познания, Аристотель убежден, что познание (как и знание) начинается с чувственного восприятия,

затем восходит к выделению единичной субстанции, затем вида и, наконец, рода. В качестве примера он использует образ Сократа и выстраивает следующую схему: Сократ — человек — живое существо. Тем самым имя (предмета), вид и род как формы общего составляют целостное знание, формирующееся в его движении от частного к общему, и такая схема развития (восхождения) мысли как раз и составляет основу научного познания. В скобках замечу, что иногда Аристотель определяет способность человека воспринимать знания как простую сообразительность. Суть сообразительности в том, чтобы мгновенно найти нужный термин, объясняющий изучаемый предмет. Современные психологи называют этот способ выражения осевшей человека мысли или идеи термином «озарение», соотнося тем самым процесс смыслообразования с тем, как подобные представления о деятельности мышления (разума) и чувств соединяются в единое понятие, способное объяснить суть такого рода явлений человеческой психики.

Обсуждая стиль отдельных философов, мы тем самым приближаемся к решению поставленной в начале статьи задачи — к «языку описания», который использовали эти философы. В частности, речь идет о языке и смысле тех понятий, которые употреблял Аристотель, характеризуя умственную деятельность, эмоциональную сферу и смыслообразование. Что касается умственной деятельности, то мы уже описали ее, приводя примеры использования тех специальных понятий, которые находим в текстах Аристотеля. Кроме того, философ не вводит в свой лексикон термины, заимствованные из других языков, используя слова исключительно греческого происхождения, выстраивая текст на материале родного языка и придавая понятиям тот смысл, который важен для понимания смысла конкретной мысли, высказанной идеи или для понимания смысла всего контекста. Например, в случае употребления понятия “*logos*” с его множественными смыслами или в примере, где Аристотель употребляет слово “*noys*”. В этом последнем случае речь идет об интеллектуальной способности, благодаря которой человек оказывается способным постичь условия и начала науки. Однако здесь следует пояснить, что, согласно Аристотелю, наука не может быть началом науки, как не может быть началом доказательства само доказательство. Здесь требуется когнитивный элемент другого уровня, т. е. такая интеллектуальная способность, которая как раз и обозначена понятием “*noys*”.

Эмоциональная сфера только на первый взгляд представляется закрытой областью. На самом деле Аристотель выстраивает свою аргументацию, противопоставляя понятия, и при этом он стремится найти срединный путь — нормальную середину, примиряя крайности в выражении человеческих страстей. Например, мужество и трусость у Аристотеля — это две крайности, две страсти. Средним между ними можно считать слово, близкое по смыслу русскому слову «бесшабашность». Между человеком гневливым и негневливым нормальную середину занимает человек спокойный. Аргументация Аристотеля предельно проста, и она иллюстрирует ход его рассуждений, подчеркивая, что относительно гнева может быть избыток, недостаток и середина.

Показательно, что в некоторых случаях Аристотель использовал в своей аргументации расхожие положения, употребляя термины с оглядкой на их традиционный и общепринятый смысл. Например, он пишет: «вряд ли встречаются люди слишком мало чуткие к наслаждению, а потому для подобных людей нет обозначения; назовем их бесчувственными» [Аристотель 2019]. Отсылка к упоминаемому тексту интересна с точки зрения содержащихся

в нем предписаний относительно поведения и выяснения оснований такого поведения, которое, по мысли Аристотеля, согласуется с представлением о добродетели как о Высшем Благе. Что значит быть добродетельным? Мы бы ответили: это значит осознавать свои поступки и их последствия. Аристотель же под добродетелью понимает жизнь в таких условиях, которые являются лучшими в плане воспитания в человеке способности и наслаждаться, и переносить страдания. В этике философ исходит из убеждения, что каждый человек хочет быть счастливым, стремится к благополучию и блаженству. Пути, ведущие к счастью, должны быть такими, чтобы формировать нравственный склад души, способный побуждать человека к действиям, направленным на достижение поставленной цели. При этом он должен отдавать себе отчет в том, к чему он должен стремиться, а чего избегать. Именно такой подход утверждает идею человека действующего, активного, способного отличать и соотносить свои цели и средства их осуществления.

Таким образом, рассматривая процесс познания, связанный с концепцией человека, представленной в философии Платона и Аристотеля, можно сделать вывод о том, что уже в недрах античной философской мысли зарождались представления, касающиеся понимания специфики процесса получения знания в результате познавательной деятельности человека. И хотя эти философы не говорили о сознании как о феномене в нашем современном его понимании, они, тем не менее, отчетливо представляли значение умственной деятельности в производстве тех смыслов общефилософского и научного значения, которые составили основу для будущих концепций и теорий. Важно при этом, что становление понятийного аппарата философии было неотделимо от решения тех конкретных задач, которые ставили перед собой эти философы, стремясь максимально приблизиться к пониманию сущности изучаемых процессов. В особенности это заметно, когда выясняется смысл базовых понятий, используемый философами для описания изучаемых ими процессов (познания, становления научного и философского знания).

Обращение к истории философии интересно для современных ученых и философов тем, что оно дает образцы построения концепций, показывая тем самым, как развивалось философское знание не только в смысле движения от натурфилософских представлений и понятий к собственно философским, но и в связи с методологией философского (научного) познания. Признавая оригинальность каждого из представленных здесь философов, мы должны проникнуть в специфику построения изучаемого нами философского текста, рассматривая его с точки зрения содержания текста и смысла каждого вводимого понятия, учитывая при этом, что у каждого из представленных философов имеется собственный стиль мышления и свой способ построения текста.

### **Современные концепции сознания**

Следует заметить, что для современных философов перспективы изучения сознания связаны с обоснованием комплекса положений, которые можно рассматривать в качестве концептуальных основ философии сознания, что, безусловно, не снижает значение любых выдвигаемых гипотез или согласованных точек зрения при условии, что они хорошо аргументированы. Обобщение опыта исследований сознания уже сейчас позволяет сделать вывод о том, что сама проблематика продолжает вызывать интерес у философов науки в силу фундаментальности проблемы. Вместе с тем, наряду с изучением

сознания на междисциплинарном уровне, где привлекаются данные когнитивной психологии, психолингвистики, когнитивной нейронауки, искусственного интеллекта, для традиционной философии актуальным остается поиск методологических оснований философии сознания, поиск которых обусловлен не столько сложностью самого объекта, «сколько теми философскими установками, которые представляются эффективными в понимании организации знания вокруг данного объекта» [Шульга: 360]. Другими словами, то, каким образом будет организовано знание о сознании, будет оформляться и использоваться специфический язык описания сознания. Эта задача согласуется с тем, о чем писали П.Е. Калинин и А.Н. Портнов, ориентируя исследователей на поиск конкретного языка описания сознания, предполагая, что этот новый язык будет найден современными эпистемологами.

Наряду с этой задачей, немаловажное значение для философии сознания имеет выбор эффективной методологии исследования сознания. На этом пути как раз и проявляется междисциплинарность такого рода исследований. Следовательно, встает вопрос участия философии с ее понятийным аппаратом, который непременно будет дополняться сведениями и результатами других наук, изучающих сознание и формулирующих собственные аспекты проблемы сознания. Интересным представляется, например, взгляд на сознание как на умственную деятельность или сферу эмоциональных проявлений человека, осознающего (или неадекватно оценивающего) свои действия. Такого рода вопросы, на самом деле, далеки от философии, поэтому мы не будем в данной статье уделять им специальное внимание. Ограничимся лишь упоминанием о том, что сознание, рассматриваемое как феномен ментальный, возвращает исследователей к тем идеям, которые принадлежат Декарту, который объединял ментальное с феноменальным при обосновании своей концепции самопрозрачности ума. Суть этой концепции состоит в том, что любые мысли, чувства и даже намерения, осознаваемые человеком — все образует сферу опыта, связанного с проявлением “*cogito*”. Из этого следует, что все, что относится к сфере ментального, на самом деле носит осознанный характер. Тем самым ментальное, по Декарту, это и есть сознательное.

В свое время Фрейд заговорил о роли бессознательного, усматривая связи между ментальными актами и действиями, намерениями и поступками человека. Движущей силой некоторых поступков, согласно Фрейду, являются непроявленные, скрытые желания, и они часто носят бессознательный характер. Именно с Фрейда началось смещение акцента в сторону психологической составляющей любых действий человека, включая психологическую и эмоциональную предрасположенность к определенному поведению, что дало толчок к соединению бихевиоризма и философии психологии.

Изучая сознательный опыт как некую данность и, одновременно, как свойство, ученые пришли к выводу о существовании связи между когнитивными процессами и тем, что их порождает. Речь идет о единстве феноменального и психического, которую помогает раскрыть, с одной стороны, чувственная составляющая нашего опыта познания, в том числе самого себя, а с другой — осознанное переживание человеком некоторых внутренних состояний (горе, радость, возмущение, успокоение, безразличие и т. д.). Объяснение этих состояний человека связано, в основном, с выяснением их причины, что, в свою очередь, предполагает использование поступающей извне информации, которая подвергается всестороннему анализу и оценке, осуществляемой,

как правило, самим человеком. На теоретическом уровне речь здесь идет о соотношении свойств психического характера и феноменального, выражаемого посредством выдвижения каузальных критериев и феноменальных понятий. Такая постановка проблемы приводит к рассмотрению «самосознания» как определенного феноменального состояния, по отношению к которому используются новые понятия, объясняющие это состояние. К такому относится термин «интроспекция», который указывает на полноту внимания и полного контроля над вниманием, самоконтроль человека над собственным состоянием сознания. Важно при этом, что человек способен сам давать себе отчет о состоянии интроспективного сознания, и этот способ объяснения можно рассматривать, например, в терминах осведомленности.

Дэвид Чалмерс отмечает: «Понятие осведомленности, разумеется, не является совершенно прозрачным, и для его прояснения может потребоваться серьезный философский анализ. Кроме того, здесь предстоит еще много сделать когнитивной науке, изучающей то, каким образом естественные и искусственные когнитивные системы могли бы функционировать таким образом, чтобы они оказались в состоянии осведомленности... Эти задачи будут в конце концов решены в ходе естественного развития когнитивной науки, опирающейся на надлежащего рода философский анализ» [Чалмерс: 50].

Однако и сама по себе философская концепция сознания превосходит любые естественнонаучные (или социогуманитарные) построения в этой сфере, поскольку философия обладает методологическим аппаратом, метафизичным по своей сути и в своей перспективе.

### **Заключение**

Обращение к проблематике сознания выявило много интересных и перспективных направлений, связанных как с формированием понятийного философского языка, раскрывающего сущность процесса познания и способов получения знания (как мы это пытались показать на примере философии Платона и концепции человека Аристотеля), так и в связи с задачей обоснования философии сознания, рассматриваемой на самой ранней стадии ее формирования. Выбор этих философов не случаен. И хотя их позиции в чем-то согласуются, а в чем-то разнятся, важный вывод, имеющий эпистемологическое значение, связан с описанием сверхчувственного в человеке, что нашло объяснение именно у этих выдающихся философов. Современные концепции сознания, даже в столь коротком обзоре, все же показывают, что сама проблематика сознания становится настолько сложной, что требуется определить, в контексте каких конкретных наук (может быть, совместными усилиями так называемых смежных дисциплин) будут рассматриваться все новые и новые возникающие вопросы проблематики сознания. Для философа важно учитывать не только особо выдающиеся научные результаты исследования сознания как объекта, но, в первую очередь, речь должна идти о методологическом статусе философии применительно к оценке результатов, полученных учеными. Поэтому следует согласиться с точкой зрения Чалмерса, когда он подчеркивает роль когнитивных наук в описании сознания, опирающихся на философский анализ.

*Список литературы / References*

- Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2015. 448 с.  
(Aristotle. *Metaphysics*, Moscow, 2015, 448 p. — In Russ.)
- Аристотель. Этика. М.: Эксмо, 2019. 320 с.  
(Aristotle. *Ethics*, Moscow, 2019, 320 p. — In Russ.)
- Зубов В.П. Аристотель. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 367 с.  
(Zubov V.P. Aristotle, Moscow, 1963, 367 p. — In Russ.)
- Калинин П.Е., Портнов А.Н. Проблемы языка описания сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2. С. 8—36.  
(Kalinin P.E., Portnov A.N. Problems of the language of description of consciousness, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2009, iss. 2, pp. 8—36. — In Russ.)
- Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79—420.  
(Plato. *The Republic*, Plato. *Coll. works: in 4 vols*, vol. 3, Moscow, 1994, pp. 79—420. — In Russ.)
- Платон. Федр // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 135—191.  
(Plato. *Phaedrus*, Plato. *Coll. works in 4 vols*, vol. 2, Moscow, 1993, pp. 135—191. — In Russ.)
- Чалмерс Д. Сознание: ум: В поисках фундаментальной теории: пер. с англ. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.  
(Chalmers D. *Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*, Moscow, 2013, 512 p. — In Russ.)
- Шульга Е.Н. Концептуальные основы философии сознания // Проблема сознания в междисциплинарной перспективе / под ред. В.А. Лекторского. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 360—366.  
(Shulga E.N. Conceptual foundations of the philosophy of consciousness, *The problem of consciousness in an interdisciplinary perspective*, Moscow, 2014, pp. 360—366. — In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.*

*The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.*

*Информация об авторе / Information about author*

**Шульга Елена Николаевна** — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

**Shulga Elena Nikolaevna** — Doctor of Science (Philosophy), Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

*Вестник Ивановского государственного университета.  
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 151—158.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 151—158.*

Научная статья

УДК 165

DOI: 10.46726/И.2022.3.16

## ЛОГИКИ СОЗНАНИЯ

**Владимир Леонидович Васюков**

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, vasyukov4@gmail.com

**Аннотация.** В фокусе внимания автора находится вопрос о возможности использования сетевого подхода для изучения мышления, спровоцированного исследованиями структуры мозга (нейронных сетей). Предложено использование логического исчисления в качестве сети (выводы как ребра графов). Зафиксировано, что если рассматривать так называемые постовские системы в качестве этих исчислений, то правила вывода рассматриваются просто как правила перехода от одних абстрактных объектов к другим в рамках абстрактной «квазилогической» системы (нейронной сети). Обосновано, что можно связать с нейронной «логикой» логические системы, описывающие различные виды связей ментальных состояний, применяя метод комбинирования логических систем. Установлено, что подобная логическая техника позволяет для пары таких «логик» найти некоторую «объединенную» логическую систему, которая будет обладать всеми свойствами, которые детерминируются отношениями следования обеих систем. Отталкиваясь от витгенштейновской позиции, согласно которой «логические предложения описывают строительные леса мира, или, скорее, изображают их», сделан вывод об эвристичности подобного «изображения» функционирования сознания.

**Ключевые слова:** сознание, познание, знание, смысл, методология

**Для цитирования:** Васюков В.Л. Логика сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 151—158.

Original article

## LOGICS OF CONSCIOUSNESS

**Vladimir L. Vasyukov**

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russian Federation, vasyukov4@gmail.com

**Abstract.** The author focuses on the question of the possibility of using a network approach to study thinking provoked by studies of the structure of the brain (neural networks). The use of logical calculus as a network (conclusions as graph edges) is proposed. It is fixed that if we consider the so-called post-systems as these calculi, then the inference rules are considered simply as the rules for the transition from one abstract

---

© Васюков В.Л., 2022

object to another within the framework of an abstract “quasi-logical” system (neural network). It is substantiated that it is possible to associate with neural “logic” logical systems that describe various types of connections of mental states, using the method of combining logical systems. It has been established that such a logical technique allows for a pair of such “logics” to find some “united” logical system that will have all the properties determined by the succession relations of both systems. Based on the Wittgensteinian position, according to which “logical sentences describe the scaffolding of the world, or rather depict them”, the conclusion is made about the heuristic nature of such an “image” of the consciousness functioning.

**Keywords:** consciousness, cognition, knowledge, meaning, methodology

**For citation:** Vasyukov V.L. Logics of consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 151—158.

Многие исследователи до недавнего времени придерживались той точки зрения, что трудности описания сознания могут быть преодолены только в том случае, если будет выработан более совершенный язык описания, который еще не найден в современной теории познания. Но действительно ли только недостаточный уровень совершенства языка является ключевым препятствием на пути прогресса в исследовании феномена сознания?

Дж. фон Нейман, сравнивая работу человеческого мозга и вычислительной машины, еще в 1958 г. писал: «Язык есть в значительной степени историческая случайность. Основные человеческие языки обычно передаются от поколения к поколению в различных формах, но сама их множественность показывает, что в них нет ничего абсолютного и необходимого» [Нейман: 59]. Он считает, что поскольку даже такие языки как греческий или санскрит представляют собой факты истории, а не абсолютную, логическую необходимость, то, по-видимому, логика и математика точно так же являются лишь историческими, случайными формами выражения. Не исключено, что они могут выступать в непривычных для нас формах, а в центральной нервной системе логика и математика, рассматриваемые как языки, структурно должны существенным образом отличаться от тех языков, с какими обычно мы встречаемся в нашем опыте. По мнению Неймана, «...когда мы говорим о математике, мы обсуждаем некоторый вторичный язык, надстроенный над первичным языком, фактически используемым в центральной нервной системе. <...> Внешняя форма нашей математики не является абсолютно существенной с точки зрения оценки того, что представляет собой логический и математический язык, действительно используемый в центральной нервной системе» [Нейман: 60].

Обратим внимание на то, что фон Нейман говорит о «логике и математике, рассматриваемым как языки», т. е. он отождествляет научную дисциплину и ее язык. Это отождествление в значительной степени условно, ведь даже для абстрактных языков, используемых при построении логических систем, доказано, что в одном и том же языке можно сформулировать несколько исчислений, существенно различающихся между собой. Вспомним Т. Гоббса: «Язык употребляется нами прежде всего для того, чтобы при его помощи выражать наши представления, т. е. вызывать в ком-нибудь другом те же представления, которые мы имеем в самих себе» [Гоббс: 569]. Если же наш язык несовершенен, то усовершенствовав его, мы просто будем лучше выражать наши представления, но ведь сущность представлений от этого не изменится.

Принимая во внимание это обстоятельство, кажется более плодотворным при изучении сознания сосредоточить свое внимание на принимаемых концептуальных моделях и структурах. Как писали П.Е. Калинин и А.Н. Портнов: «Имеет смысл представить сознание как некую структуру и аксиоматически постулировать его основные свойства, а уже затем, на основе этих свойств, попытаться объяснить существующие феномены умственной, эмоциональной и смыслообразующей деятельности человека» [Калинин, Портнов: 9].

В этом отношении представляет интерес то, что исследования последних лет структуры мозга (нейронных сетей) поставили вопрос о возможности использования сетевого подхода для изучения мышления. Некоторые исследователи в этой связи выдвигают следующую гипотезу: мышление есть сетевой феномен.

Однако, если даже принять эту гипотезу, то остается открытым вопрос: о каких собственно сетевых структурах следует при этом говорить? Так, любое логическое исчисление можно рассматривать как сеть, если смотреть на него как на граф, вершинами которого являются формулы, а ребрами — логические выводы одних формул из других. В этом случае тезис «мышление есть сетевой феномен» можно было бы понимать и так: «сознание есть феномен логического исчисления».

Кажущаяся произвольность этого перехода может быть преодолена, если обратиться к некоторым философским концепциям. Напомним, что согласно Людвигу Витгенштейну в «Логико-философском трактате»: «1.1. Мир есть совокупность фактов, а не предметов» и «1.11. Мир определен фактами и тем, что это все факты» [Витгенштейн: 36], и совладать с этим бесконечным миром фактов можно, если использовать логику: «5.61. Логика наполняет мир; границы мира являются также ее границами. Поэтому мы не можем говорить в логике: это и это существует в мире, а то — нет. Ибо это, по видимому, предполагало бы, что мы исключаем определенные возможности, а этого не может быть, так как для этого логика должна была бы выйти за границы мира, чтобы она могла рассматривать эти границы также с другой стороны. То, чего мы не можем мыслить, того мы мыслить не можем; мы, следовательно, не можем и *сказать* того, чего мы не можем мыслить» [Витгенштейн: 174]. И далее: «6.13. Логика не теория, а отражение мира. Логика трансцендентальна» [Там же: 198] и «6.124. Логические предложения описывают строительные леса мира, или, скорее, изображают их» [Витгенштейн: 190]. Отсюда следует, что использование логических конструкций обеспечивает не только наличие глобального суперфрейма (что дается всей логикой), но вдобавок позволяет «изобразить» конкретные структуры мира, смоделировать восприятие и деятельность.

На первый взгляд кажется, что подобный логический подход трудно согласовать с некоторыми аспектами функционирования сознания, например, с контекстуальной зависимостью, присущей человеческой памяти. Уолтер Фриман, описывая свою когнитивную модель мозга, писал, что «контекстуальная зависимость является существенным свойством интеллектуальной системы памяти, в которой каждое новое восприятие должно изменить все содержание памяти малой порцией восприятия, чтобы новое поступление было встроено и полностью использовано в существующей системе восприятий... Наши данные показывают, что в мозге память не имеет никаких ограничений или ячеек <...> каждое новое состояние перехода <...> инициирует конструкцию локального шаблона, который внедряется и модифицирует всю интенциональную

структуру» [Freeman: 99]. Но если вспомнить системы натурального вывода [Смирнов], в которых вывод, например, имплицативных формул приводит к блокировке подвыводов и невозможности в дальнейшем использовать заблокированные формулы, то это как раз отвечает той части фримановского описания, когда «каждое новое состояние перехода <...> инициирует конструкцию локального шаблона, который вторгается и модифицирует всю интенциональную структуру».

В рамках этой картины даже объяснение обыденного восприятия и деятельности также можно «изобразить» логически, хотя и более замысловатым образом. Воспользуемся для этого концепцией интенциональности. Морис Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» пишет: «жизнь сознания — познающая жизнь, жизнь желания, или жизнь перцептивная — скрепляется “интенциональной дугой”, которая проецирует вокруг нас наше прошлое, будущее, наше житейское окружение, нашу физическую, идеологическую и моральную ситуации или, точнее, делает так, что мы оказываемся вовлечены во все эти отношения. Эта интенциональная дуга и создает единство чувств, единство чувств и мышления, единство чувствительности и двигательной функции» [Мерло-Понти: 182]. Если верить Витгенштейну, то понятие «интенциональности» тоже можно рассмотреть, или изобразить, используя логические «строительные леса».

Само по себе понятие «интенциональности» для философов не ново, достаточно вспомнить, что про интенциональность говорил еще Франц Brentano, который в своей работе «Психология с эмпирической точки зрения» писал, что «всякий психический феномен характеризуется <...> направленностью на объект <...> В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви — любит, в ненависти — ненавидит, в желании желается и т. д.» [Брентано: 33]. Каждый акт сознания имеет свой предмет и направлен на предмет. Отношение между актом и его субъектом есть интенциональное отношение.

В дальнейшем в философии сознания понятие интенциональности претерпело значительные изменения. Интенциональные состояния по Дж. Сёрлю состоят из содержания и психологических модальностей, и этими содержаниями часто являются суждения.

Сёрль описывает общую структуру интенциональности как предсказание типа психологического состояния пропозициональному содержанию этого состояния. Их следует различать, поскольку одно и то же пропозициональное содержание может появляться в разных психологических модальностях. Интенциональные состояния с пропозициональным содержанием могут либо соответствовать реальности, либо не соответствовать ей. То, как они должны соответствовать реальности, как раз и определяется психологической модальностью.

С точки зрения логики, сёрлевская формула интенциональности представляет собой второпорядковое предсказание, когда психологическое состояние является некоторым свойством пропозиционального содержания. Второпорядковое описание призвано имитировать корреляцию ментальных и физических состояний мозга, если вспомнить проблему психофизического дуализма. Оно призвано преодолеть ту лежащую в основании когнитивистики ошибку, на которую указывал Сёрль, заключающуюся в том, что мозг рассматривался когнитивистами с самого начала как компьютер, а сознание — как компьютерная программа. Но определение интенциональности с помощью предсказания было следствием стремления теоретиков интенциональности

рассматривать самую общую концепцию сопряжения, корреляцию психического и физического. Однако в логике существуют и иные, более абстрактные способы связывания между собой логических свойств и аспектов.

Одним из подобных способов является конструкция произведения логических систем, которую можно использовать с данной целью [Vasyukov]. Логическую систему, полученную с помощью произведения двух других систем, можно охарактеризовать как такую логику, в которой «формулы» представляют собой пары формул, а следствия получаются путем комбинирования соответствующих следствий из двух исходных систем. Следование в первой системе в нашем случае было бы призвано моделировать каузальную связь физических состояний, в то время как следование во второй системе должно пониматься как ментальное следование, связь ментальных состояний, отличную от каузальной связи, т. е. психофизический дуализм моделируется связыванием этих двух разновидностей следования в одно, точнее в пару следований. Подобная техника позволяет для пары подобных «логик» найти некоторую «объединенную» логическую систему, которая будет обладать всеми свойствами, детерминированными рассматриваемой конструкцией пар формул и пары отношения следования.

Использование подобных разновидностей последовательностей выводов обещает привести к логическому описанию работы «витгенштейнианского» сознания, когда присутствует два уровня сознания — каузальный (физический) и ментальный, представленные двумя логическими системами. В этой модели, по сути дела, происходит модификация сёрлевского представления интенциональности. Формула Сёрля переписывается в виде в виде совокупности пар психологических состояний и соответствующих им пропозициональных содержаний.

В рамках подобного подхода можно даже гипотетически описать некую разновидность «интенциональной интеллектуальной интуиции» как ситуацию «мгновенного суждения», когда рассматривается последовательность пар выводов с фиксированной первой формулой (психологическим состоянием) и изменяющейся второй формулой (пропозициональным содержанием) в соответствии с выводами в рамках второй системы.

Наоборот, последовательность выводов дает нам описание «обратной интенциональности», когда фиксированное пропозициональное содержание сопровождается сменой психологических состояний в виде соответствующей последовательности выводов. Это можно было бы понимать как ответ на вопрос, каким образом наша мыслительная деятельность может влиять на каузальную связь физических состояний, т. е. как описание механизма «ментального» управления телесными свойствами, обратную связь психики с телом.

Этот же механизм можно описать и иначе, используя конструкцию так называемых *экспоненциалов* логических систем. Система-экспоненциал двух логических систем возникает тогда, когда существуют два взаимно обратных перевода из одной логики в другую и результаты всех переводов из одной системы в другую и обратно навязывают свою связь по следованию формулам исходной системы. В этом случае формулы будут следовать друг из друга, когда их результаты композиции переводов будут связаны между собой отношением следования первой системы. По сути дела, мы получаем описание ситуации, когда ментальное следование влияет на каузальное следование, поскольку здесь каузальная выводимость определяется именно взаимнообратным сопоставлением каузальных и ментальных свойств с помощью композиции переводов.

Произвольность и многочисленность связей в данном механизме «обратной интенциональности» можно в какой-то степени преодолеть с помощью конструкции *коэкспоненциала* двух логических систем. В этом случае системе-коэкспоненциалу достаточно наличия одного перевода из одной логики в другую. Формулы будут следовать друг из друга в коэкспоненциале, когда их результаты перевода будут связаны между собой отношением следования второй системы. В этом случае мы также получаем описание ситуации, когда ментальное следование влияет на каузальное следование, поскольку здесь каузальная выводимость определяется сопоставлением каузальных и ментальных свойств с помощью перевода, однако здесь сопоставление будет жестким в том смысле, что при любой связи (переводе) ментальное следование гарантировано. То есть в этом случае речь идет о фиксации каузального следования любым ментальным выводом.

Если же мы хотим в какой-то степени учитывать и подход нейробиологической когнитивистики, то следовало бы рассматривать не пары, а тройки, где третий элемент представляет собой физические состояния нейрона. Аскриптивность (приписываемость) интенциональности понимается в этом случае как приписывание к состоянию нейрона пары <психологическое состояние, пропозициональное содержание>.

Для реализации интенциональной установки этого и других уровней нам фактически не требуется никаких иерархических, реляционных конструкций или нейронных цепей. Всегда можно сконструировать логику, которая будет эквивалентна произведению трех логик, т. е. логике троек <психологическое состояние, пропозициональное содержание, состояние нейрона>, которую и следует применить для описания работы сознания. Конкретный вид интенциональности дается тогда обратным разложением формул на тройки формул и тройки соответствующих выводов.

В этом случае рассматриваются уже не комбинации двух логических систем, но комбинации трех систем, и не пары, а тройки формул и следований. Первые два следования — это каузальное и ментальное следования, а третье — следование в системе пропозициональных содержаний, и оно теперь будет зависеть от принимаемой логики, описывающей связь состояний. То, что эта комбинация будет действительно некоей системой, можно утверждать на основании серлевского «тезиса Фона»: интенциональные состояния не функционируют автономно и каждое интенциональное состояние нуждается в Сети других интенциональных состояний. Эта Сеть, в свою очередь, функционирует только относительно совокупности фоновых способностей, не связанных прямо с интенциональностью, что можно истолковывать как раз в смысле использования троек формул с целью получения полного описания.

В качестве последнего контраргумента против витгенштейнианской модели сознания можно рассматривать проблему природы неклассических логических систем, используемых в его конструкции. Дело в том, что при рассмотрении вторичной интенциональности с помощью троек <психологическое состояние, пропозициональное содержание, состояние нейрона> неясным моментом остается логический статус третьего элемента, описывающего физические состояния нейрона. Что это может быть за логика, описывающая функционирование нейронов? Точнее, можем ли мы вообще использовать логику с этой целью?

Здесь на помощь приходит понятие постовских систем, иначе — индуктивных определений или дедуктивных систем (в терминологии

С.Ю. Маслова), которое было введено в 1943 г. американским логиком польского происхождения Э. Постом [Post]. Пост заметил, что в процессе наших рассуждений мы можем сосредоточиться на самих правилах вывода одних высказываний из других, не обращая никакого внимания на вид этих высказываний. Тогда правила вывода рассматриваются просто как некие правила получения одних абстрактных объектов из других в рамках абстрактной «квазилогической» системы.

Такие системы не обязательно должны быть тенью систем логических рассуждений, они могут жить собственной жизнью, движимые своими внутренними потребностями. Сам общий класс таких определений можно изучать, абстрагируясь от конкретного типа формальных систем. Например, можно рассматривать множества всех возможных эволюционных потомков фиксированного начального индивида  $J$  (считая, что индивиды полностью определены своим генотипом, а генотипы — это слова в подходящем алфавите), где шагом эволюции будет рождение всякого нового плодовитого мутанта [Маслов: 14]. Дедуктивная система, описывающая различные (ведущие к плодовитому мутанту) мутации, будет системой с аксиомой  $J$  и с некоторыми правилами вывода. Для случая эволюции слова  $ab$  при трех допустимых типах «мутаций» эти правила выглядят следующим образом: из  $p$  выводимо  $pp$  (полиплодия), из  $pbabQ$  выводимо  $pbbQ$  (делеция-1), из  $pabbQ$  выводимо  $rabQ$  (делеция-2).

Современные системы неклассической логики во многих случаях представляют собой именно подобные системы (например, квантовая логика). Во всяком случае, мы вполне можем использовать дедуктивные системы не только для описания функционирования нейронов, но и каузального уровня витгенштейнианской модели сознания. Кроме того, мы можем использовать различные виды модальных логик, логики императивов и т. д. для получения достаточно разнообразных пропозициональных содержаний.

### Список литературы / References

- Брентано Ф. Избранные работы, М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.  
(Brentano F. Selected works, Moscow, 1996, 176 p. — In Russ.)
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008. 288 с.  
(Wittgenstein L. Logico-Philosophical Treatise, Moscow, 2008, 288 p. — In Russ.)
- Гоббс Т. Человеческая природа // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 507—573.  
(Hobbs T. Human nature, Hobbs T. *Coll. works in 2 vols*, Moscow, 1989, vol. 1, pp. 507—573. — In Russ.)
- Калинин П.Е., Портнов А.Н. Проблемы языка описания сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2. С. 8—36.  
(Kalinin P.E., Portnov A.N. Problems of the language of description of consciousness, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2009, iss. 2, pp. 8—36. — In Russ.)
- Маслов С.Ю. Теория дедуктивных систем и ее применения. М.: Радио и связь, 1986. 136 с.  
(Maslov S.Yu. The Theory of Deductive Systems, Moscow, 1986, 136 p. — In Russ.)

- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 604 с.  
(Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception, St Petersburg, 1999, 604 p. — In Russ.)
- Нейман Дж. Вычислительная машина и мозг // Кибернетический сборник 1 / под ред. А.А. Ляпунова и О.Б. Лупанова. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 11—60.  
(Neumann J. von The computer and the brain, *Cybernetic digest 1*, ed. by Lyapunov A.A. & Lupanov O.B., Moscow, 1960, pp. 11—60. — In Russ.)
- Смирнов В.А. Логический анализ научного знания. М.: ЛЕНАНД, 2021. 264 с.  
(Smirnov V.A. The Logical Analysis of Scientific Knowledge, Moscow, 2001, 264 p. — In Russ.)
- Freeman W. Societies of Brains: A study in the neuroscience of love and hate, Amsterdam, 1995. 231 p.
- Post E. Formal reductions of the general combinatorial decision problem, *American Journal of Mathematics*, 1943, vol. 65, pp. 197—215.
- Vasyukov V.L. Structuring the Universe of Universal Logic, *Logica Universalis*, 2007, vol. 1, no. 2, pp. 277—294.

*Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.*

*The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.*

#### ***Информация об авторе / Information about the author***

***Васюков Владимир Леонидович*** — доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и философии науки, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, vasyukov4@gmail.com

***Vasyukov Vladimir Leonidovich*** — Doctor of Science (Philosophy), Head of the Chair of the History and Philosophy of Science, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, vasyukov4@gmail.com

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 159—165.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 159—165.*

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.46726/И.2022.3.17

## **ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ВАРИАТИВНЫЙ СЕМИОЗИС, ПСИХОСЕМИОТИКА**

*Анатолий Степанович Турчин*

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ast55@mail.ru

**Аннотация.** В статье рассматривается проблема семиотического развития как конституирующего типа эволюции, характерного для Homo sapiens. Отмечается, что на протяжении последних двух веков семиотическое развитие интерпретировалось как преимущественно линейное и необратимое. При этом упускалось из виду, что семиотическое развитие имеет свои особенности, выражающиеся в обогащении системы средств взаимодействия человека как с предметной средой, так и с другими субъектами, создающими и созидающими человеческую культуру. Излагается авторская концепция управляемого семиозиса, согласно которой высшие уровни развития семиотической (знаково-символической) функции требуют специального формирования. Делается вывод о том, что они могут быть основой для становления субъектности личности в разных видах деятельности.

**Ключевые слова:** философская антропология, семиозис, семиотическая функция, ортогенез, кладогенез

**Для цитирования:** Турчин А.С. Философская антропология, вариативный семиозис, психосемиотика // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 159—165.

Original article

## **PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, VARIABLE SEMIOSIS, PSYCHOSEMIOTICS**

*Anatoly S. Turchin*

St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops,

St. Petersburg, Russian Federation, ast55@mail.ru

**Abstract.** The article deals with the problem of semiotic development as constituting the type of evolution characteristic of Homo sapiens. It is noted that over the past two centuries, development has been interpreted as mainly linear and irreversible. At the same time, it was overlooked that semiotic development has its own characteristics, expressed in the enrichment of the system of means of human interaction with both the subject environment

---

© Турчин А.С., 2022

and other subjects that create and create human culture. The author's concept of controlled semiosis is presented, according to which the highest levels of development of the semiotic (sign-symbolic) function require special formation. At the same time, they can be the basis for the formation of personality subjectivity in different types of activities.

**Keywords:** philosophical anthropology, semiosis, semiotic function, orthogenesis, cladogenesis

**For citation:** Turchin A.S. Philosophical anthropology, variable semiosis, psychosemiotics, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 159—165.

## Введение

В истории науки трудно выделить период, в рамках которого не ставилась бы проблема человека как особого существа, наделенного разумом и свободой воли. В структуре философских наук этой проблематикой особенно активно занимались представители философской антропологии преимущественно в немецкоязычных странах в первой половине XX века [Шютц; Gehlen]. По мнению большинства представителей философской антропологии, содержательному анализу подлежат такие проблемы, как:

- 1) интерпретация человеческого бытия как осознаваемого, а также связанного с учетом отношения человека к своему бытию;
- 2) рефлексивность сознания и самосознания, отличающая человека от животных;
- 3) деятельностная природа человеческого бытия, в котором человек является субъектом своей жизнедеятельности;
- 4) действия человека в «поле возможностей», основание выбора им типа своего существования.

## Теоретический анализ

Один из наиболее близких психологам немецкий философ А. Гелен, отмечавший неукорененность человека в живой природе, выделял в качестве особого признака неспециализированность органов чувств и обделенность инстинктами [Gehlen: 34—35]. Последнее соответствует методологическому принципу общепсихологической теории деятельности о неадаптивном характере психики человека [Леонтьев]. Она не запрограммирована изначально на какой-то определенный, узкий способ взаимодействия со средой. На раннем этапе жизни ребенка это делает его беспомощным и компенсируется ролью матери, которая «социально прикреплена» к своему малышу. В дальнейшем, погружаясь в мир знаков и символов, он приобретает возможность обогнать детенышей животных «навсегда».

В свою очередь, педагогическая антропология рассматривает человека как субъект воспитания. Согласно К.Д. Ушинскому, человек есть «предмет воспитания» [Ушинский], следовательно, важен не только вопрос о сущности человека, но и рефлексия системы условий и средств, с помощью которых задается тип развития личности, отвечающей требованиям социального заказа общества.

В инновационных теориях построения обучения (на всех его уровнях) отечественная философия психологии образования никогда не игнорировала

постулаты педагогической антропологии, но сталкивалась с трудностями при их практическом воплощении. Так, при осуществлении идей основоположников развивающего обучения Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова, наибольший успех был достигнут именно по параметрам развития интеллекта обучаемых как основы их субъектности [Давыдов]. Однако и в этой дидактической системе выявилась наибольшая трудность в реализации оснований антропологического подхода — достижение баланса в диаде «свобода и ответственность».

Опираясь на мнение Ю.М. Лотмана, определившего, что культура есть текст [Лотман], а также на идею В.В. Давыдова о том, что цель организации развивающего обучения есть формирование готовности субъекта к присвоению основ человеческой культуры [Давыдов], мы считаем принципиально возможным рассмотреть магистральный путь становления обучаемых в качестве субъектов образования, в основе которого лежит «управляемый семиозис» [Турчин].

Понятие семиозиса связывается с процессом порождения и функционирования знаков и знаковых систем в деятельности [Анисимов]. Именно семиотические средства являются собственно человеческим изобретением, обеспечивающим социокультурное развитие, т. е. хранение, передачу и использование знаний, при этом пропадает необходимость каждый раз изобретать способы их получения [Гамезо, Ломов и др.]. Управляемый семиозис может рассматриваться и как инструментальная основа функционирования человеческой культуры, и как специфический механизм трансляции содержания данной культуры. В нем создается инструментальная основа для развития и выявления субъектности как способности личности к творческой преобразующей деятельности.

На кафедре философии Ивановского государственного университета идею семиозиса на рубеже XX—XXI веков развивал А.Н. Портнов [Портнов]. По его мнению, семиотическое развитие не могло быть втиснуто в жесткие рамки одной-единственной ортогенетической схемы. Процесс развития в философской и психологической литературе XIX—XX веков рассматривался как поступательное движение (самодвижение) к личностно-значимой (или общественно-ценной) цели. В диалектике Г. Гегеля дано предупреждение о нестабильности этого движения, однако в отечественной психологии образования нестабильность развития преимущественно связывается с возрастными особенностями и внешними условиями. Собственно внутренняя динамика развития субъектности исследована не полно. При интерпретации развития как процесса используют представление о нем как об ортогенезе, где обозначают верхнюю («акме») и нижнюю («катэ») планки. Промежуточные состояния, стадии и их протекание, а также различные отклонения от нормы (весьма условной) исследованы недостаточно полно. По нашему мнению, ортогенез сужает репрезентативные возможности модели акмеразвития, ориентируясь на упрощенное, линейное движение «вверх — вниз». Даже если добавить такой момент, как стагнация, не рассматриваемый в катабологии предметно [Пожарский], то и это не слишком заметно меняет данную модель, поскольку личная стагнация на фоне прогресса группы может не осознаваться обучаемой личностью как трагедия. Психологическая защита личности может как-то маскировать сползание к «катэ» (из-за лени, по недомыслию и др.).

Мы рассматриваем стагнацию как следствие добровольной и инициативной остановки развития субъектности, сопровождаемую интеллектуальными, эмоциональными и волевыми реакциями. Наиболее ярко это отражается

в прокрастинации — торможении активности путем откладывания «на потом» с последующим забыванием своего намерения. Оценка стагнации личностью может варьироваться, что связано с осознанием своего социального положения, динамикой жизненных целей, наличием / отсутствием внешнего контроля и др. Процесс стагнации может провоцироваться особым типом обучения, так называемым «обучением со злым умыслом».

По нашему мнению, обучающая функция не может быть полноценно реализована в специально организуемом обучении без знания этапов семиозиса (уровней семиотической функции) и учета степени овладения (рефлексии) семиотических средств в основных видах деятельности (игра, учение, познание, труд).

Согласно Л.С. Выготскому [Выготский], знаки есть психологические орудия. Такое понимание предполагает учет таких последствий, как:

1) установление конвенциональной связи в системе «знак—значение» и ее фиксирование с помощью речевых средств;

2) учет того факта, что в архаическом (и детском) мышлении они могут выполнять разнообразные функции (от утилитарно-орудийных, до «волшебных»);

3) прослеживается определенная логика прохождения этапов освоения уровней семиотической функции (указание, замещение, кодирование, схематизация, моделирование), нарушение которой осложняет процесс обучения;

4) высшие уровни семиотической функции (моделирование и схематизация 2-го уровня) стихийно не формируются ни у школьников, ни у студентов.

В практике развивающего обучения (дидактической системе Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова) был отмечен интересный парадокс: после перехода в подростковые классы, выпускники начальной школы отказываются от использования моделирования и возвращаются на уровень схематизации [Турчин]. Это можно было бы связать с позицией педагогов или объявить регрессом, если бы не тот факт, что уровень академической успешности в этих условиях не падал.

Мы выяснили, что схематизация и моделирование могут быть равнозначны и равноценны, если схематизация из элементарной (когда схемы выполняют функцию плана или наглядной опоры для усвоения) преобразуется в нечто более совершенное [Турчин]. Поскольку внутренний план действий позволяет удерживать 4—5 «шагов» в уме, то схематизация выходит на более высокий, второй уровень.

Из этого вытекает ряд дополнений, относящихся не только к психологии обучения, но и к акмеологии (теории «вершинного» развития):

1) вместо ортогенетической лесенки, развитие человеческого сознания представляет кладогенетический граф — «веточку», направленную не только вверх, но и в стороны;

2) развитие может быть не только нормативным, но и отклоняющимся (так оно обозначается в психологии воспитания) и, к сожалению, оно не обладает необратимостью;

3) возможны блокированное развитие, задержанное развитие и отложенное развитие (последнее характерно для современности, когда взрослые начинают получать второе образование или пытаются реализовать — иногда успешно — свои детские или юношеские планы).

### Заключение

Семиотическое развитие, эмпирически обнаруживаясь в основном в проективных способностях, может быть соотнесено с предориентировкой и внутренним планом действий [Турчин]. В частности, такие признаки развития, как перенос освоенной системы на иную реальность и сохранность способа владения системой семиотических средств, изучены в педагогической психологии недостаточно полно. В человеческой практике семиотические средства представлены по-разному. Хотя некоторые системы (родной язык) могут осваиваться стихийно, все-таки большинство из них требуют специального изучения. Это, например, относится к символическим языкам культуры (живопись, кино, театр и др.), когда нужно еще учитывать «дух» соответствующей исторической эпохи.

Преодолевая разрыв между сиюминутным и количественным бытием и идеальным или непознанным, семиотическое развитие дает возможность расширить поле самоактуализации не только в общечеловеческом смысле. Так, ученые с его помощью реализуют познавательную потребность уже не в узко локализованном пространстве отдельной концепции, а могут выйти за рамки своей же объяснительной схемы, опираясь на принцип дополнительности. Неудивительно, что разработка новой научной парадигмы начинается с переосмысления терминологии, с создания «иногo языка» своего научного направления. В указанных случаях, с помощью семиотических средств, человек, как и тысячи лет тому назад, пытается получить власть над миром не только объективно существующих, но и гипотетических предметов и явлений, пытается повлиять на еще не проявившиеся процессы.

Исследования семиотической функции в основных видах деятельности создают перспективу для преодоления отрыва человека от реальности, если:

1) в образовательных программах школ и вузов она будет реализовываться в «логике науки» [Давыдов];

2) в обучении индивидуальный подход будет осуществляться с опорой на уровень освоенности текстовой деятельности (процесс порождения и функционирования текстов);

3) затруднения в реализации семиотической (инструментальной) основы учебной и научной деятельности будут компенсироваться с учетом реально освоенного этапа семиозиса, чтобы не породить синдром «хронического отставания» (это возможно также как следствие обучения «со злым умыслом», по А.Н. Поддьякову) [Поддьяков];

4) при освоении высших уровней семиотической функции (схематизации и моделирования) нужно учитывать, что информационное пространство имеет тенденцию к намеренному искажению (гибридные войны).

### Список литературы / References

- Анисимов О.С. Знак, смысл, значение и структурирование внутреннего мира человека // Мир психологии. 2008. Вып. 2. С. 14—26.  
(Anisimov O.S. Sign, meaning, meaning and structuring of the inner world of a person, *World of Psychology*, 2008, iss. 2, pp. 14—26. — In Russ.)
- Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 6. С. 6—90.

- (Vygotsky L.S. A tool and a sign in the development of a child, *Vygotsky L.S. Collected works: in 6 vols*, Moscow, 1984, vol. 6, pp. 6—90. — In Russ.)
- Гамезо М.В., Ломов Б.Ф., Рубахин В.Ф. Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем // Психологические проблемы переработки знаковой информации. М.: Наука, 1977. С. 5—48.
- (Gameso M.V., Lomov B.F., Rubakhin V.F. Psychological aspects of methodology and general theory of signs and sign systems, *Psychological problems of processing sign information*, Moscow, 1977, pp. 5—48. — In Russ.)
- Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
- (Davydov V.V. Theory of developing learning, Moscow, 1996, 544 p. — In Russ.)
- Запорожец А.В. Избранные психологические труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т. 2: Развитие произвольных движений. 296 с.
- (Zaporozhets A.V. Selected psychological works: in 2 vols, Moscow, 1986, vol.2: The development of voluntary movements, 296 p. — In Russ.)
- Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
- (Leontiev A.A. Active mind (Activity. Sign. Personality), Moscow, 2001, 392 p. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
- (Lotman Yu.M. Semiosphere, St. Petersburg, 2000, 704 p. — In Russ.)
- Максимова Л.В. Особенности отношения младших школьников к учебному моделированию в условиях специальной организации учебной деятельности // Развитие и современное состояние теоретических и прикладных социально-психологических и психолого-педагогических исследований в системе образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иваново, 26—27 ноября 2004 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. Вып. 2. С. 133—137.
- (Maksimova L.V. Features of the attitude of younger schoolchildren to educational modeling in the conditions of special organization of educational activities, *Development and current state of theoretical and applied socio-psychological and psychological-pedagogical research in the education system*, Ivanovo, 2004, iss. 2, pp. 133—137. — In Russ.)
- Поддяков А.Н. Троянское обучение в структуре рефлексивного управления // Рефлексивные процессы и управление. 2006. Вып. 2. С. 84—95.
- (Poddyakov A.N. Trojan training in the structure of reflexive management, *Reflexive processes and management*, 2006, iss. 2, pp. 84—95. — In Russ.)
- Пожарский С.Д. Акмеология и катабология (теория совершенствования человека). СПб.: Лема, 2013. 265 с.
- (Pozharsky S.D. Acmeology and catabology (theory of human perfection), St. Petersburg, 2013, 265 p. — In Russ.)
- Портнов А.Н., Турчин А.С. Семиотическая функция: философские, социологические и психологические аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. Вып. 2. С. 62—74.
- (Portnov A.N., Turchin A.S. Semiotic function: philosophical, sociological and psychological aspects, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2002, iss. 2, pp. 62—74. — In Russ.)
- Турчин А.С. Семиотическая функция и процесс обучения. СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2019. 132 с.
- (Turchin A.S. Semiotic function and learning process, St. Petersburg, 2019, 132 p. — In Russ.)

Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии. М.: Фаир-Пресс, 2004. 574 с.

(Ushinsky K.D. Human as a subject of education: the experience of pedagogical anthropology, Moscow, 2004, 574 p. — In Russ.)

Шютц А. Некоторые структуры жизненного мира // Философия языка и семиотика / под ред. А. Н. Портнова. Иваново: Иван.гос. ун-т, 1995. С. 213—229.

(Schutz A. Some structures of the life world, *Philosophy of language and Semiotics*, ed. by A.N. Portnov, Ivanovo, 1995, pp. 213—229. — In Russ.)

Gehlen A. Der Mensch, seine Natur und seine Stellung in der Welt. Bonn: Athenäum-Verlag, 1955. 444 s.

*Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.*

*The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.*

#### ***Информация об авторе / Information about the author***

***Турчин Анатолий Степанович*** — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и прикладной психологии Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург, Россия, ast55@mail.ru

***Turchin Anatoly Stepanovich*** — Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor of the Department of General and Applied Psychology of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, St. Petersburg, Russian Federation, ast55@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 166—179.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 166—179.*

Научная статья

УДК 1(091)(38)

DOI: 10.46726/И.2022.3.18

## **ИДЕИ ПЛАТОНА И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ПОСТХОЛИЗМА**

*Сергей Петрович Мякинников*

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,  
г. Кемерово, Россия, msrscaph@list.ru

**Аннотация.** В центре внимания автора статьи находится ситуация парадигмального переосмысления бытия, которая требует нового мышления, исключающего редукционистскую абсолютизацию единого, целого, множественного и единичного в картине мира и во всех аспектах жизнедеятельности общества. Обоснована новизна такого воззрения: единое представляется изначально вечнопробывающим в каждой отдельной единичности, будущей части того или иного целого (которое временно), что обуславливает специфику свойств всех частей целого и его самого. Основная мысль автора состоит в позиционировании отсутствия какой-либо изначальной разделенности любых объектов мира и в обосновании правомерности условного выделения дискретных множеств частей любого целого и спаянности свойств их единства, целостности и уникальности. Показано, что истоки такого мышления и возможности его изменения можно обнаружить в творчестве Платона. Указывается, что он впервые достаточно основательно обосновал сущность понятий «единое», «целое», «часть» и логические переходы между ними. Предложена авторская интерпретация категории «единое целое», исключающая любую редукцию при корреляции единого, целого и частей, выделяемых в отношении человека и мира. Данная категория эксплицируется как подхоформирующая для мировоззренческо-методологической платформы постхолизма, а сам постхолизм позиционируется как альтернатива для мировоззренческо-методологических конструктов холизма, меризма и единогоцентризма (генологии).

**Ключевые слова:** единое, целое, часть, холизм, меризм, генология, Платон

**Для цитирования:** Мякинников С.П. Идеи Платона и мировоззренческо-методологическая платформа постхолизма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 166—179.

Original article

## PLATO'S IDEAS AND THE IDEOLOGICAL AND METHODOLOGICAL PLATFORM OF POSTHOLISM

*Sergey P. Myakinnikov*

Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev,  
Kemerovo, Russian Federation, mspcaph@list.ru

**Abstract.** The article notes that in the current conditions of human civilization, a paradigmatic rethinking of one's being is required. It is assumed that the new thinking will exclude the reductionist absolutization of the one, the whole, the many and the singular in the picture of the world and in all aspects of the life of society. The novelty of such a view is that the one appears to be initially eternally residing in each individual unit, the future part of a whole (which is temporary), which determines the specifics of the properties of all parts of the whole and itself. The main idea of the author is to position the absence of any initial separation of any objects of the world and to justify the legitimacy of the conditional allocation of discrete sets of parts of any whole and the solidity of the properties of their unity, integrity and uniqueness. The origins of such thinking and the possibility of its change are seen in the work of Plato. It is indicated that for the first time he thoroughly rationalized the essence of the concepts of the one, the whole, the part and the logical transitions between them. Based on these concepts of Plato, especially on his ideas about the unified whole, it is proposed to form a new worldview in which the author's interpretation of the category of "one whole" is fundamental, excluding any reduction in the correlation of the one, the whole and the parts allocated in relation to man and the world. This category is explicated as a formative approach for the ideological and methodological platform of postholism. Postholism itself is positioned as an alternative to the ideological and methodological constructs of holism, merism and unicentrism (genology).

**Keywords:** one, whole, part, holism, merism, genology, Plato

**For citation:** Myakinnikov S.P. Plato's ideas and the ideological and methodological platform of postholism, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022. iss. 3, pp. 166—179.

Человеческий мир усложняется все более ускоряющимися темпами. Возрастающая сложность существования при этом характеризуется увеличивающейся степенью искусственности отношений людей между собой и природой. В качестве посредника этих отношений все чаще выступают техника и технологии, не учитывающие естественные законы мира. Это ведет к дезинтеграции общественного социума, к экологическим проблемам. Требуется объединяющее личность, общество и природу мировоззренческое основание, способствующее их подлинной интеграции.

Проблема сущности мировоззрения имеет важное значение для разработки методологических подходов, направленных на определение путей и средств устойчивого развития как собственно общества, так и устойчивых темпов его соразвития с природой на всех уровнях: от локального до глобального. Думается, что нельзя разработать и реализовать новое мировоззрение без изменения текущей парадигмы. Для этого неизбежна существенная трансформация парадигмального мышления, сценария коэволюции общества и природы, со-бытия людей путем создания особой методологии — аппарата понятий, принципов должной экспликации знаний, форм исследований.

Изменение парадигмы должно быть способно произвести на свет новое мировоззрение и обеспечить его требуемым арсеналом методов конструирования когнитивных, онтологических, ценностных и праксиологических оснований жизнедеятельности людей. Требуется, чтобы данное мировоззрение отличалось широтой охвата, всесторонностью и целостностью, единством всего множества аспектов и явлений, реализуемых через концептуализацию картины мира, познавательных установок, ценностных и практических ориентаций, с последующим выходом на уровень конкретных программ жизнедеятельности и развития, событийных рядов каждого человека, общества.

Следует, прежде всего, определиться с методологическими задачами построения самой мировоззренческой платформы. И, в первую очередь, необходимо уточнить категориально-понятийный аппарат, необходимый для выражения нового смыслового содержания идей предлагаемого мировоззрения. Важнейшей категорией для формирования такого мировоззрения может стать понятие «единое целое», которое известно со времен античности в виде недостаточно рационально оформленной полуметафоры, полуинтуиции.

Одним из первых, кто основательно осмыслил корреляции между единым, целым, многим и единичным (части), был Платон. В большинстве случаев современные авторы, исследуя наследие Платона, не рассматривают отдельные аспекты его учения в ракурсе компаративистики. Немногие акцентируются на вопросах поиска соответствия современной науке и идей Платона, на призывах прочитать Платона «по-новому» в современных реалиях [Лебедев 2010; Протопопова 2012]. Некоторые исследователи более конкретно подмечают влияние идей Платона на современную космологию, ее базовые конструкты [Казютинский 2010], даже обнаруживают в космологических представлениях Платона истоки теории относительности и учений квантовой физики [Мантзос 2010] и сходное понимание им хаоса как многого, не упорядоченной в целое совокупности [Кулик 2013].

Некоторые статьи все же посвящены разбору различных аспектов понимания проблемы единого у Платона и его связи с «иным». Например, исследователей привлекают в наследии Платона вопросы единого и двойцы как начал идей и вещей [Лебедев 2007], сравнения блага и единого [Лебедев 2008], апофатического смысла его единого и соответствующей дескрипции Единого как небытия [Филин 2017; Богомолов 2019], диалектики единого и иного [Сапарбаева, Терехова 2014], соотношения единого и многого [Месяц 2012], сравнения единства материального и вне материального миров Платона и Аристотеля [Лебедев 2011]. Осуществляется также анализ учения «идей» в корреспонденции с единым [Из истории эстет. мысли...; Лосев 2000а; Лосев 2000б].

Обнаруживаются и отдельные публикации по проблематике платоновской экспликации целого, в частности, затрагивающие вопросы: противопоставления элементаристского понимания сложных объектов как совокупности у Парменида холистическому пониманию их как целых Платоном [Берестов 2014]; видения учения идей Платона в ракурсе делящихся универсалий на партикулярии (как целого на части) [Слинин 2015]; холистического понимания целого, его сопряжения с частями у Платона [Берестов 2015]; проникновения в бытие Платона небытия и лишения первого единства, что превращает целое во множество, состоящее из отдельных частей («индивидов» — единичных вещей с «единичными» качествами) [Слинин 2020].

Особое внимание привлекают малочисленные статьи, в которых проводится корреляционный анализ отношений единого, многого и целого,

частей. Так, рассматриваются отношения единого и сущего, их целостность, которая представлена в виде «единого-сущего» и не сводится к сумме идей, а тем более вещей [Елашкина 2013], а также предпринимаются попытки переосмысления единого у Платона в связке с целым, многим и частью [Бугай 2017].

Произведенный литературный обзор показал, что поднятая нами проблема соотношения Платоном единого, целого и частей в их множестве и отдельности в современной научной литературе обсуждается недостаточно, с различных узких ракурсов, которые представляются обособленными, разобщенными, не позволяющими сложить общую картину. Почти не затрагивается проблема индивидуации единичной части у Платона, обоснование взаимопроникновения единого, целого и частей в мире идей и вещей, мировоззренческий уровень такого сплавления интересующих нас понятий, обоснование их категориального статуса и методологического значения.

Представляется, что Единое у Платона есть другое бытия (мира), т. е. инобытие как небытие — не существование в едином этого мира. Но в другом отношении единое пребывает в этом мире как целом, многом, части, оказываясь бытием в своем инобытии, как в существовании себя в мире. Так, находясь в себе, тождественное с собой одно одновременно присутствует в другом, во многом, в отдельном. Исходя из этого можно выделить следующие вектора исследования Платоном единого: доначальное Единое вне бытия мира; первоначальное единое в ином, другом — в переходе к бытию мира; единое как одно в целом; единое как общее во многом; единое в части. Схематически можно обозначить несколько смысловых линий экспликации Платоном понятия «Единое»: Единое в себе («само по себе») [Платон: 359—360], иное с бытием мира (как Первоединое), как Единое в переходе от себя в другое [Там же: 311—312]; Единое в состоявшемся ином, разделяющемся на единое в целом, единое во многом и единое в единичном. Все эти версии единого рассматриваются в диалогах Платона с разной глубиной и степенью точности.

Так как первым возникла единица, то, следовательно, сначала, после перехода абсолютного Единого (самого в себе) в относительное единое бытия мира, появилось единое как одно для будущего всего, а не многое. И все же единое (единичного) может возникать из каждой части другого. Только делаясь единым целым, оно сравнивается с другим во всем [Платон: 390]. Платон заключает о наличии единого в отдельной части бытия, используя в качестве довода то, что любая часть бытия существует, а значит она есть и часть единого как единого бытия [Там же: 373].

Примечательно, что Мировой разум (как и Мировая душа) представляются у Платона частями Всеединого-Всецелого первоначала всего, его ипостасями. Единство, которое количественно характеризуется, тождественно у него целостности. Наряду с этими ипостасями Верховного божественного Единого рассматривается еще и Двоица — бытие и небытие (как инобытие). В диалоге «Парменид» Первоединое оказывается во многом и отдельным единичным с помощью Диады. Уже утверждая, что единое есть (т. е. приписывая ему атрибут бытия), получается логическая бинарность — разделение на Единое и на бытие единого и иного. Данная Двоица, в свою очередь, служит первоначалом всего многого. Такое сущее единое (как существующее, бытие) уже оказывается неединным, а значит, утверждает Платон, оно небытие (не плане существования, а в смысле другого существования, инобытия). Причастность двойке (дуальности большого и малого) Платон называет причиной возникновения вещей, которые оказываются причастны ей в своем появлении как особой высшей сущности [Платон: 58—61].

Но как единое может быть многим и наоборот? Когда бытие не другое, то оно единое, а когда иное (небытие), то оно «бесконечно по числу», т. е. многое. Небытие есть инобытие, а не противоположное ему (как отрицание исходного) [Платон: 329]. Небытие есть в бытии, как все иное ему [Там же: 332], а также наоборот. Это значит, что многое есть в едином, а единое во многом.

О связи единого со многим Платон пишет немало. Принято понимать единое во многом как общее. Аристотель, например, идеи в вещах Платона называет единым во многом [Виндельбанд: 164]. Платон объясняет понятие «все», содержанием которого оказывается многое, в сопряжении с тем, кто сотворил «все». Этот кто-то соединяет «все в одном» [Платон: 297—298]. Единое вещей (идеи) и многое материи (неопределенное по форме) образуют материальные вещи, в которых присутствует нечто от активных, единичных идей и нечто от бездеятельной материи.

Рассмотрим изыскания Платона в области единого в целом. Он не разводит целое с единым, которые у него то отождествляются, то оказываются отличающимися. Рассуждения платоновского Парменида касаются и другого существующего единого, т. е. не-единого. Другое, не лишнее единого, причастно ему. Другое есть другое потому, как имеет части, т. е. есть целое, не будучи «всецело единым». Единое как целое, имеющее части, есть не целое, а «целое единое» [Платон: 390—399].

В диалоге «Софист» Платон критикует тождество понятий единого бытия и целого бытия Парменида [Платон: 311—312]. Он изрекает гениальную фразу о том, что нет причин отрицать, что в каждой части целого нет «свойств единого», а само все, целое есть в то же время и единое, что единое пребывает как в целом, так и в его части [Там же: 312]. Но ведь единое не имеет частей! Как же оно может быть целым? Получается, по Платону, что единое не есть целое в полном смысле. Хотя прямо он это не говорит. Вероятно, бытие, обладающее свойством единого в одном отношении, может оказаться целым в другом.

Платон напрямую не обосновывает соотношение единого и целого, но различает единое и целое через бытие. Говоря, что по Пармениду существует лишь единое бытие, которое неизменно и неподвижно, он приравнивает последнее, по словам Богомолова, «сфероидальному целому» [Богомолов 1985: 189]. Сам Парменид рассуждает о бытии как целом, что существует в шарообразной форме. Если бытие шар, имеющий центр, середину и границы, то оно должно иметь и части, рассуждает далее Платон. Но то, что разделено на части (бытие) вполне может нести свойство единого (т. е. единство), являясь целым быть и единым. «Но может ли единое, напротив, быть целым?», — спрашивает Платон. Ведь уже по определению оно неделимо! Считается, что здесь Платон критикует механицизм представлений о целом как конгломерате однокачественных составляющих «тождество» многих частей [Платон: 312—313].

Говоря о части, Платон резюмирует, что она есть часть не многого, а некоего одного, единого, называемого целым. Такое целое есть становящееся из частей «законченное единое». Первое обманчивое впечатление указывает на то, что Платон путает, не различает единое и целое. Но и любое другое целое имеет части, будучи способным выступать «единым законченным целым», продолжает он [Платон: 396]. Части, каждая из них, причастны единому, как и целое. Если целое составляет единое целое, включающее многие части, то каждая часть есть «член» этого целого [Там же: 396—397].

Части и целое, которые причастны к единому как многому, делают последнее количественно беспредельным, считает платоновский Парменид

[Платон: 397]. С одной стороны, целое и части, часть как другое единого являются количественно беспредельным, а с иной стороны, любая часть ограничена пределом к другим частям и к целому в другом единому. Поэтому в таком смысле другое существующему единому предельно [Платон: 397—398]. В другом единое и часть подобны в чем-то друг другу и в чем-то не подобны. Таким же образом одно другое подобно и не подобно многим другим [Платон: 398].

Теперь рассмотрим, как Платон соединяет единое со многим, целым и единичным. Если мы признаем, что единое существует, то мы также допускаем, что единое имеет части, рассуждает платоновский Парменид. Ведь бытие и единое не одно и то же, значит в едином существующем (в отличие от Единого в себе) есть две части: единое и существующее. Так единое оказывается целым. Далее Парменид утверждает, что каждая из этих частей в свою очередь также образована из двух частей (единого и бытия), коль скоро единое становится двумя [Платон: 368—370]. Получается, что единое, будучи существующим, дробится, представляя многим [Платон: 370]. Но само по себе Единое есть единое и без бытия. В таком ракурсе, полагает Парменид, они различны.

Имея части, существующее единое есть целое, а не только многое. Единое как целое содержит ограниченное пределом границ многое частей. Оно есть как ограниченное, так и бесчисленное [Платон: 373—374]. Являясь целым, единое имеет границы, начало, конец, середину, фигуру [Там же: 374]. Существующее единое тогда может пребывать вне себя, в другом и в себе. Оно может составлять содержимое целого, охватывать все части.

Единое охватывает не только целое с частями, но и само себя, пребывающее в бытии как едином. Но целое, находясь во всех частях, в каждой части, в то же время и не находится в них. Целое не находится в отдельных или некоторых частях уже потому, что тогда бы меньшее (некоторые части) стало бы больше целого. А это не является возможным. Однако целое находится в частях, являясь единым. Единое как целое пребывает в другом (отдельных частях) и в их единстве (целом), т. е. в себе. Так единое обнаруживается в себе и в другом. Находясь в себе, единое покоится, а находясь в другом — движется [Платон: 374—376]. Такое единое тождественно себе и является иным, тождественно другому и отличается от него, но не одновременно, а в разных отношениях. Существующее единое тождественно себе, когда не есть целое и часть. Единое не иное к себе, т. к. не отличается от себя. Оно тождественно и не тождественно себе, находясь в одном и ином месте. Поэтому единое может быть и иным себе. Оно иное по отношению ко всему другому. Единое есть подобное и не подобное другому. Оно может быть тождественно другому и отличаться от него. А в таком случае единое подобно и неподобно себе [Платон: 381].

Таким образом, Платон не разделяет полностью единое, многое, целое и единичную часть, говоря о едином как целом, о едином как многом, и едином как единичном. Наглядно в этом отношении представление Платона о вещи как целом из частей (единой идеи и бездеятельной материи). Чувственные вещи (как многое) пребывают между сущим идей и не сущим материи. Тогда возможно рассуждать следующим образом: если идеи есть единое, а вещи многое, то материя есть целое, которое возможно благодаря единому в единичных частях (вещах), из которых складывается целое материи. Хотя сам Платон ничего не говорит об этом. У него мир вещей и мир идей опосредует «мировая душа».

Хотя Платон и затрагивает вопрос об отдельном единичном (части целого), его рассуждения не доходят до признания такого единичного единственным, уникальным и неповторимым. Например, в учении о душе он утверждает

о тождественности себе единичной бестелесной души, понимая ее качественным (духовно-нравственным) содержанием определенной идеи тела. Будучи идеей, душа скорее оказывается инстанцией божественного Всеединого в единичном теле, чем некоей индивидуальной сущностью [Платон: 54].

Весь ход умозаключений о диалектике единого и иного (целого, многого, части) ведет Платона к выводу о том, что без единого нет ничего. Подобным же образом в «Софисте», сопоставляя понятия единого и целого, он резюмирует невозможность суждения о них в отдельности вне их взаимообусловленности, и более того, что в едином есть целое, а в целом единое. Платон все же допускает возможность существования целого без единого, если оно искусственно создано. Тогда как естественное целое образуется из частей, содержащих единое [Платон: 397]. Следовательно, такое целое есть продолжающееся единое (целое единое), своего рода единое целое.

Теперь выделим и обсудим основные современные мировоззренческо-методологические позиции фундирования отношений единого, целого и части. В качестве важнейших предпосылок новой парадигмы нами рассматриваются мировоззренческо-методологические основания меризма, холизма и дополняющего их едиоцентризма (в частности, генотеизма). В отличие от двух первых терминов последний не является распространенным и общепризнанным в качестве категории философии и науки. Назовем едиоцентризмом методологическую позицию, в которой целое и части сводятся к единому, абсолютизируемому по значимости, подчиняющему себе все остальное бытие (в генологии). Например, основатель «русской трансдисциплинарности» В.С. Мокий разводит мультидисциплинарный системный подход, описывающий «мир холизма» и трансдисциплинарный системный подход, изображающий «мир едиоцентризма» [Мокий: 9—10].

Прежде рассмотрим понятия «меризм», «холизм» и «едиоцентризм» в качестве концептов, чтобы выяснить их исходный смысл и значение. Эти понятия, как концепты, предстают в первую очередь различными формами мировоззрения и особыми осмысленными наименованиями методологий их построения. Будем считать, что «концепт» есть смысловое содержание понятия, взятое независимо от формы его выражения в знаках языка. Концепт меризма выражает предопределенность качеств целого совокупностью качеств его частей. Противостоящий ему концепт холизма настаивает на несводимости качеств целого ко множеству свойств его частей, но признает качества целого возникающими в ходе синтеза его частей. Концепт едиоцентризма указывает на исходное наличие качеств единого, наличествующих до целого и его частей и не выводимых из них.

Методология меризма рассматривает целое в форме конгломерата, который не имеет особого качественного статуса, обладая лишь другой количественной характеристикой. Методология холизма позволяет обосновать подлинную целостность качеств объекта, придерживаясь аристотелевского тезиса «целое больше суммы частей». Методология едиоцентризма исследует единое, которое, в отличие от целого, не имеет частей, не делится и выступает основанием для них [Тихонов: 53—69].

Характерными чертами любого меристического варианта методологии являются редукционизм (редукция целого к частям), неизбежны при этом механицизм, элементаризм, атомизм и партикулярность, часто сопровождаемые дистинктивностью (учетом уникальности отдельной части). Основными спецификациями методологических подходов холизма служат нонредукционизм

целого, но редукционизм частей (т. е. редукция частей к целому), сопровождающиеся нондистинктивностью, интеграцией, эмерджентностью или системностью. Для генологической методологии, основанной на концепте едиоцентризма, характерна нондистинктивность, нередко (но не всегда) наряду с нонхолистичностью, со слабым различием единого и целого, абсолютизация качественных, функциональных аспектов исследования единства, акцент на до начальное сплавленное состояние всего в объекте, представляющееся некоей всюдностью одних свойств, характеристик, сторон в нем, склонность к идеалистической интерпретации, инфинитизму неограниченного ничем среды бытия в противовес финитизму, конечности любой части и целого.

Если методология меризма указывает на наличие индивидуальных свойств частей (но не убедительно доказывает причины и источники этих свойств в каждой части), а методология холизма показывает само целое, предлагает механизм образования его из частей и фиксирует новые качества целого (но не усматривает причины их появления), то методология едиоцентризма демонстрирует наличие единого и факт его присутствия в целом и частях (но недостаточно объясняет причины и механизм качеств единого в них).

К важнейшим характеристикам холистического мировоззрения относится склонность к монизму, монадности, а мировоззрение меризма характеризуется удвоением, умножением числа субстанций. Если в мировоззрении холизма любой объект есть целое, то для генологического мировоззрения он есть единое, без частей, но с условно выделяемыми составляющими, которые неразрывны и функционально связаны, они соразвиваются. Целым со своими законами и свойствами представляется любой объект мира и весь мир в целом, а единое отмечается одними законами и свойствами, но представленными в любых целых и частях, их множествах. Отсюда единое может быть целого мира, целого отдельного объекта мира, во множестве объектов, в каждом единичном объекте как части мира, в каждой части объекта как ее целого. Кроме того, с точки зрения мировоззрения генотеизма, выделим Абсолютное Единое-само-по-себе (вспомним Платона и неоплатоников). Кроме того, важными характеристиками мировоззренческо-методологического базиса едиоцентризма, позиционирующими его редукционистскую абсолютизацию, служат более слабый учет пространственно-временной дискретности, чем протяженности, длительности форм бытия, а также склонность к выражению инфинитивного, нематериального, преимущественно религиозно-идеалистического, метафизического в бытии мира и человека.

Актуальной становится необходимость построения такого варианта мировоззренческо-методологического мышления, в котором фундируется корреляция между индивидуальной частью, множеством частей в целом и самим целым, пронизанных единым. Предлагаем в качестве подходеформирующей категории для такого мироосмысления использовать особым образом эксплицируемое понятие «единое целое».

Изучение современной специальной литературы показало, что в термин «единое целое» вкладывается такое же смысловое содержание, как и в термины «единое» и «целое». Одни авторы выводят единое, единство из целого, целостности, другие — целое, целостность из единого, единства, а третьи рассматривают единое, единство в рамках целого как рядоположенные ему, целостности или как характеристику, свойство, аспект целого. Если не углубляться в семантические нюансы различий терминов «единое» (часто приравненное единству) и «целое», то легко их отождествить. Но это происходит

скорее по причине недоучета специфики смыслового контента данных понятий. Гораздо чаще наблюдается недостаточное различие терминов «единство» и «целое», «целостность». А.М. Минасян утверждает, что единство есть целое и целостность [Минасян: 97]. Ю.А. Голиков, А.Н. Костин определяют, со слов Прангишвили, «достаточно удачно» в качестве целостности нечто, отождествляемое с единством [Голиков, Костин: 309; Прангишвили: 24]. С.А. Ключников считает целостность и единство характеристиками объекта как системы, но не указывает на их различие, не дает им характеристику [Ключников: 4].

Из этих сопоставлений напрашивается вывод о том, что термин единое целое является всего лишь метафорой, рационально не обоснованной интуицией без четкого смысла. Тем не менее у этого термина заметен огромный методологический потенциал категориального значения. Можно понимать единое целое как особую коннотацию единого, в которой смысловые содержания понятий единого и целого дополняют друг друга. Это делает так эксплицируемое единое целое имеющим смысловое преимущество перед отдельно единым и целым, которые уже не могут заменить друг от друга (как в едиоцентризме и холизме).

Уточним авторскую экспликацию концепта «единое целое». В этом концепте единое проявляется в целом через части, которые непосредственно оформляются не целым, а единым. Так как единство, наличествующее во всем множестве частей, каждой части через общее, созидает целостность во всем множестве становящихся частями отделенных единичностей, которые начинают взаимодействовать. При этом проявляется, актуализируется потенциальное, предустановленное в них единство, благодаря которому из их смеси разобщенных дискретностей возникает целое. Таким образом в целом просматривается единое со своими качествами.

Обозначим мировоззренческо-методологическую платформу, выражаемую посредством предлагаемого понятия единого целого, термином «постхолизм». Данный термин демонстрирует неудовлетворенность методологией холизма по причине редуционистской абсолютизации единого к целому (как и методологией едиоцентризма, сводящей целое к единому). Не говоря уже о методологии меризма, где единое не обнаруживается в должной мере в отдельных частях и их конгломерате. В постхолизме отсутствует сведение целого к частям (свойственное парциализму, меризму), как и в холизме, по причине признания целого не столько большим частей, сколько качественно отличающимся от них. Но постхолизм, в отличие от холизма, придает большее значение не меньшим частям целого, а качественно иным ему частям. В постхолизме возможны случаи, когда части оказываются как меньше, так и больше целого (например, когда учитываются качества уникальности каждой части). Получается, что концепт постхолизма оказывается не только нонредуционистским, но и компромиссно сглаживающим смысловые крайности понятий целое и части. Более того, подобные крайности устраняются в постхолизме и между терминами единого и целого, чему способствует введение термина единое целое, признание понятие единого целого основополагающим фундаментальным для постхолизма. В холизме из свойств частей необъяснимым образом синтезируется свойство целого, а в постхолизме свойство целого, возникающее в ходе интеграции частей, обусловлено единым.

В случае единого целого постхолизма любые виды редукиции не отменяются, а, взаимно компенсируя друг друга, нивелируются, сглаживаются,

дополняя и устраняя свойственную им односторонность. Предлагается считать, что содержание понятия «единое целое» включает в себя не только весь конструктивный потенциал смыслового содержания понятий «единое», «целое», «часть», но и все многообразие, всю полноту взаимосвязей между ними. Таким образом, с его помощью преодолеваются недостатки различных односторонних подходов меризма и холизма, и становится возможным осуществить взаимодополнение смысловых пространств понятий единое, целое и часть.

Сутью методологии постхолизма служит подлинный нонредукционизм, который призван осуществить сплав понятий единого и целого через понятие части. При этом не исключается возможность второстепенного сведения целого, частей и единого друг к другу в отдельных случаях, но первостепенным всегда остается их равнозначность в едином целом. Значение и новизна философско-методологической платформы постхолизма, исходя из методологии нонредукционизма, заключается в учете свойств всей совокупности частей и каждой части целого, их зависимости от качеств единого при сохранении значимости индивидуальных свойств отдельной части, паритетность качественных и количественных, финитивных и инфинитивных и др. характеристик единого, многого, целого и частей.

Для продуцирования аппарата категорий мировоззрения постхолизма требуются специальные методологические средства — принципы, процедуры, способы формирования понятий, не являющихся паллиативами, служащими сплавами смыслов иных понятий в качестве спутников для выделяемого нами концепта единого целого. Предполагается, что только такой арсенал понятий-сплавов способен позволить создание более полной и точной картины мира, чем в мировоззрении холизма, геноизма и меризма. Важнейшими из таких понятий-сплавов, основополагающими для методологии и выражения картины мира постхолизма, могут стать понятия вещества, энергии и информации, проявляющих в себе реальное единство всех форм бытия, конструирующих особую картину мира, где все согласовано со всем.

Подведем итоги. Различие рассмотренных форм мировоззрений, инициированных через ряд соответствующих категорий (единого, целого, множества, части) еще во времена Платона демонстрирует различие восприятия мира, ценностных, практических ориентиров и теоретических установок, существенно определяющих любые виды деятельности. Мировоззрение меризма на современном уровне коэволюции общества и природы становится все более опасным из-за потери духовного чувства принадлежности к природе и космосу, утраты их ценности, самоценности жизни и из-за создания ощущения душевной опустошенности (неразвитости духовных качеств). Более широкое, богатое многообразием форм установок бытия и познания холистическое мировоззрение во многом устраняет элементаристские и механистические издержки меризма, но уводит в сторону не менее низкодуховной инстинктивности, теряет ценность уникальной единичности, часто вводя диктат целого (политико-идеологический абсолютизм, тоталитаризм, экологический фашизм и т. п.). Всеохватывающее мировоззрение генотеизма (единоцентризма), как правило, принижает значение частей и целого, выраженного меризмом и холизмом, в угоду единого (выхолощенной и безжизненной, обезличенной абстракции духа), в котором они незначительны или растворяются вовсе.

Представляется, что постхолизм, который позиционируется в качестве специфического мировоззрения и особого методологического подхода, способен в одной логической связке, неразрывно рассматривать, как рядоположенные

по значению в разных отношениях, единое, целое, множество частей и индивидуальность каждой части. Постхолизм, в плане практической значимости, может рассматриваться как особое экологическое мировоззрение, исключающее редукцию и открывающее истоки, причины, механизмы возникновения качества целостности экосистем. Это качество фундировано проявлением из единого (например, энергоинформационного свойства) взаимодействующих природных и социальных структур посредством наличия у единого свойства качественного единства всех объединяемых в данное экоцелое частей. Подобным образом постхолистическое мировоззрение способно, в сложной связке пребывания единого в единичном и целом, продемонстрировать и объяснить структурирование, функционирование и развитие религиозных, политических, социальных и иных сообществ, человеческой цивилизации как единого целого.

### Список литературы / References

- Берестов И.В. Внутренние объекты мышления у Парменида и Платона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12. Вып. 4. С. 86—98.  
(Berestov I.V. Internal objects of thought in Parmenides and Plato, *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2014, vol. 12, iss. 4, pp. 86—98. — In Russ.)
- Берестов И.В. Эпистемологический холизм в 28 В 2 ДК Парменида и в «Евтидеме» Платона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13. Вып. 2. С. 104—114.  
(Berestov I.V. Epistemological holism in the 28 В 2 DK of Parmenides and in Plato's "Euthydemus", *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2015, vol. 13, iss. 2, pp. 104—114. — In Russ.)
- Богомолов А.С. Античная философия. М.: МГУ, 1985. 368 с.  
(Bogomolov A.S. *Ancient philosophy*, Moscow, 1985. 368 p. — In Russ.)
- Богомолов А.В. Апофатическая проекция учений о материи в философии Платона, Аристотеля и Плотина // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 91—94.  
(Bogomolov A.V. Apophatic projection of the teachings on matter in the philosophy of Plato, Aristotle and Plotinus, *Manuskript*, 2019, vol. 12, iss. 5, pp. 91—94. — In Russ.)
- Бугай Д.В. Единое не на потребу: к интерпретации второй части платоновского «Парменида» // Вопросы философии. 2017. Вып. 1. С. 109—121.  
(Bugaj D.V. The One is not needed: to the interpretation of the second part of Plato's "Parmenides", *Questions of Philosophy*, 2017, iss. 1, pp. 109—121. — In Russ.)
- Виндельбанд В. История древней философии с приложением философии средних веков и эпохи Возрождения. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1898. 399 с.  
(Vindel'band V. The history of ancient philosophy with the application of the philosophy of the Middle Ages and the Renaissance, St. Petersburg, 1898, 399 p. — In Russ.)
- Голиков Ю.А., Костин А.Н. Проблемы и принципы исследования межсистемных взаимодействий в сложных человеко-машинных комплексах // Системные исследования. Методологические проблемы / под ред. Гвишиани Д.М., Садовского В.Н. 1996. Вып. 24. С. 293—316.  
(Golikov Ju.A., Kostin A.N. Problems and principles of research of intersystem interactions in complex human-machine complexes, *System Research. Methodological problems*, ed. by Gvishiani D.M., Sadovsky V.N., 1996, vol. 24, pp. 293—316. — In Russ.)

- Елашкина А.В. Роль категорий часть/целое в понимании фрагментов второй гипотезы диалога «Парменид» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 1. С. 110—116.  
(Elashkina A.V. The role of the part/whole categories in understanding fragments of the second hypothesis of the Parmenides dialogue, *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, iss. 1, pp. 11—116. — In Russ.)
- Из истории эстетической мысли древности и средневековья / под ред. В.Ф. Берсенева. М.: АН СССР. 1961. 343 с.  
(Bersenev V.F. (ed.) *From the history of aesthetic thought of antiquity and the Middle Ages*, Moscow, 1961, 343 p. — In Russ.)
- Казютинский В.В. Платон и современная космология // Эпистемология & Философия науки. 2010. Т. XXVI. Вып. 4. С. 167—176.  
(Kazjutinskij V.V. Plato and Modern Cosmology, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2010, vol. XXVI, iss. 4, pp. 167—176. — In Russ.)
- Ключников С.А. Уровни целостности социальных систем // Вопросы философии. 2013. Вып. 4. С. 3—8.  
(Kljuchnikov S.A. Levels of integrity of social systems, *Questions of Philosophy*, 2013, iss. 4, pp. 3—8. — In Russ.)
- Кулик А.В. Представления Платона о хаосе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2013. Т. 26. Вып. 4. С. 119—126.  
(Kulik A.V. Plato's ideas about chaos, *Scientific notes of V.I. Vernadsky Tauride National University. Series: Philosophy. Culturology. Political science. Sociology*, 2013, vol. 26, iss. 4, pp. 119—126. — In Russ.)
- Лебедев С.П. Проблема платоновского учения о началах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 9. Вып. 46. С. 7—18.  
(Lebedev S.P. The problem of Plato's doctrine of principles, *Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2007, vol. 9, iss. 46, pp. 7—18. — In Russ.)
- Лебедев С.П. Единое и благо в учении Платона // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2008. Вып. 7. С. 131—138.  
(Lebedev S.P. The One and the Good in Plato's Teaching, *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art history*, 2008, iss. 7, pp. 131—138. — In Russ.)
- Лебедев С.П. Вперед к Платону? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 4. С. 75—79.  
(Lebedev S.P. Forward to Plato?, *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2010, vol. 11, iss. 4, pp. 75—79. — In Russ.)
- Лебедев С.П. Физика и метафизика в философии Платона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 4. С. 117—121.  
(Lebedev S.P. Physics and Metaphysics in Plato's Philosophy, *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2011, vol. 12, iss. 4, pp. 117—121. — In Russ.)
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000а. 624 с.  
(Losev A.F. The history of ancient aesthetics. Early classics, Moscow, 2000, 624 p. — In Russ.)
- Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000б. 846 с.  
(Losev A.F. The history of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato, Moscow, 2000, 846 p. — In Russ.)

- Мантзос Дж. Квантовая механика и теория относительности: модель происхождения мира по Платону // Эпистемология & Философия науки. 2010. Т. XXVI. Вып. 4. С. 147—166.
- (Mantzou Dzh. Quantum Mechanics and Relativity theory: Plato's Model of the Origin of the World, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2010, vol. XXVI, iss. 4, pp. 147—166. — In Russ.)
- Месяц С.В. Платоновский «Филеб» о едином, многом и среднем (комментарий к фрагменту 14c—18d) // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2012. Т. 6. Вып. 2. С. 323—339.
- (Mesjac S.V. Plato's "Philebus" about the One, the many and the average (commentary on fragment 14c-18d), *Scholae. Philosophical antiquity and the classical tradition*, 2012, vol. 6, iss. 2, pp. 323—339. — In Russ.)
- Минасян А.М. Диалектика как логика. Ростов-на-Дону: РИСИ, 1991. 462 с.
- (Minasjan A.M. *Dialectics as logic*, Rostov-on-Don, 1991, 462 p. — In Russ.)
- Мокий В.С. Методология трансдисциплинарности-4. Нальчик: АНОИТТ, 2017. 112 с.
- (Mokij V.S. Methodology of transdisciplinarity-4, Nalchik, 2017, 112 p. — In Russ.)
- Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
- (Platon. Collected works: in 4 vols, Moscow, 1993, vol. 2, 528 p. — In Russ.)
- Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. М.: СИНТЕГ, 2000. 528 с.
- (Prangishvili I.V. A systematic approach and system-wide patterns, Moscow, 2000, 528 p. — In Russ.)
- Протопопова И.А. Платон: новое начало // Философско-литературный журнал «Логос». 2012. Вып. 6. С. 3—4.
- (Protoporova I.A. Plato: a new beginning, *Philosophical and literary journal "Logos"*, 2012, iss. 6, pp. 3—4. — In Russ.)
- Сапарбаева И.В., Терехова Г.Л. Эйдос и единое как фундаментальные категории философии Платона: позиция А.Ф. Лосева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. 2014. Вып. 3. С. 123—128.
- (Saparbaeva I.V., Terehova G.L. Eidos and the One as fundamental Categories of Plato's Philosophy: the Position of A.F. Losev, *Bulletin of St. Petersburg University. Series 17: Philosophy. Conflictology*, 2014, iss.3, pp. 123—128. — In Russ.)
- Слинин Я.А. Две античные модели всего сущего: Аристотель и Платон // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. 2015. Вып. 1. С. 22—29.
- (Slinin Ja.A. Two ancient models of everything: Aristotle and Plato, *Bulletin of St. Petersburg University. Series 17: Philosophy. Conflictology*, 2015, iss.1, pp. 22—29. — In Russ.)
- Слинин Я.А. Категория небытия в философии Платона // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 1. С. 69—81.
- (Slinin Ja.A. The category of non-existence in Plato's philosophy // *Bulletin of St. Petersburg University. Series 17: Philosophy. Conflictology*, 2020, vol. 36, iss. 1, pp. 69—81. — In Russ.)
- Тихонов А.В. Бытийная негативность софиста в учении Платона // АКАДΗΜΕΙΑ: Материалы и исследования в истории платонизма. 2010. Вып. 8. С. 53—69.
- (Tihonov A.V. The Existential Negativity of the Sophist in Plato's Teaching, *AKADHMEIA: Materials and research in the history of Platonism*, 2010, iss. 8, pp. 53—69. — In Russ.)

Филин Д.А. Апофатика Платона // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. Т. 2. Вып. 41. С. 42—49.  
(Filin D.A. Plato 's Aporhaticism, *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2017, vol.2, iss. 41, pp. 42—49. — In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 24.03.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.*

*The article was submitted 24.03.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.*

***Информация об авторе / Information about author***

***Мякинников Сергей Петрович*** — кандидат философских наук, доцент, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, г. Кемерово, Россия, mspcaph@list.ru

***Myakinnikov Sergey Petrovich*** — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation, mspcaph@list.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.  
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 180—188.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 180—188.*

Научная статья

УДК 130.122

DOI: 10.46726/И.2022.3.19

## **ДВИЖЕНИЕ К АБСОЛЮТУ КАК ВСЕОБЩАЯ ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ В ТЕОРИИ Б.Н. ЧИЧЕРИНА**

*Анна Олеговна Слепцова*

Тамбовский государственный технический университет,  
г. Тамбов, Россия, sleptsova\_ao@mail.ru

**Аннотация.** В центре внимания автора статьи находится онтологическая теория Б.Н. Чичерина. Раскрыта синтетическая позиция мыслителя, утверждающего, что религия, философия и наука в своей конечной цели тождественны и представляют собой выход человека за границу животного мира к абсолютному закону мироздания. Показано, что человек в этой парадигме обладает врожденной потребностью объяснить мир, когда именно религиозные верования удовлетворяют его познавательную потребность. Проанализированы воззрения Б.Н. Чичерина на феномен человеческой нравственности, основанной на чувстве уверенности в существовании абсолютной справедливости, что является косвенным доказательством существования Абсолюта. Выявлено, что уникальность философских воззрений Б.Н. Чичерина основана на синтезе рационального восприятия и религиозной веры как единственно возможном объяснении феноменов личности и государства. Сделан вывод, что в теории Б.Н. Чичерина многовековой спор о соотношении веры и разума нашел разрешение в абсолютной взаимной дополняемости этих мыслительных практик осмысления мира. Зафиксировано, что Б.Н. Чичерин создал теорию, масштаб которой охватил онтологию всего духовного мира, который, эволюционируя, устремлен к всеобщей цели — Абсолюту.

**Ключевые слова:** Абсолют, бытие, религия, философия, наука, государство, мораль, личность

**Для цитирования:** Слепцова А.О. Движение к Абсолюту как всеобщая онтологическая цель в теории Б.Н. Чичерина // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 180—188.

Original article

## MOVEMENT TO THE ABSOLUTE AS A GENERAL ONTOLOGICAL GOAL IN THE THEORY OF B.N. CHICHERIN

*Anna O. Sleptsova*

Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation,  
sleptsova\_ao@mail.ru

**Abstract.** The author of the article focuses on the ontological theory of B.N. Chicherin. The synthetic position of the thinker is revealed, who claims that religion, philosophy and sciences are identical in their ultimate goal and represent a person's going beyond the border of the animal world to the absolute law of the universe. It is shown that a person in this paradigm has an innate need to explain the world, when exactly religious beliefs satisfy his cognitive need. The views of B.N. Chicherin on the phenomenon of human morality based on a sense of confidence in the existence of absolute justice, which is an indirect proof of the existence of the Absolute, are analyzed. It is revealed that the uniqueness of the philosophical views of B.N. Chicherin is based on the synthesis of rational perception and religious faith as the only possible explanation for the phenomena of the individual and the state. It is concluded that in the theory of B.N. Chicherin, the centuries-old dispute about the relationship between faith and reason was resolved in the absolute mutual complementarity of these mental practices of understanding the world. It is recorded that B.N. Chicherin created a theory, the scale of which embraced the ontology of the entire spiritual world, which, evolving, is striving towards a common goal — the Absolute.

**Keywords:** Absolute, being, religion, philosophy, science, state, morality, personality

**For citation:** Sleptsova A.O. Movement to the Absolute as a general ontological goal in the theory of B.N. Chicherin, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 180—188.

Бесспорно, философия самая свободная из наук. С самого своего начала философия представляла собой не аккумулированное знание, а диалектически развивающуюся духовную сферу, где идейная борьба была основой развития. Новые философские системы чаще полностью отрицали друг друга, нежели дополняли. Новый дерзновенный ум отрицал все, что было создано предшественниками. Не было в среде философов согласия. Философия в таком ракурсе представляет собой царство человеческой субъективности. Даже в философских школах, объединенных общим ракурсом внимания, базовая идея с течением времени менялась до неузнаваемости.

Научное знание основывается на принципе преемственности, философия же не детерминирована этим принципом. Здесь она подобна искусству, тяготеющим к пересмотру и отвержению прошлых достижений. Достаточно редко в философии встречаются примеры созидания качественно нового с опорой на существующее, аккумуляция наследия и его развитие. Авторы оригинальных теорий, привнесших гениальную идею, сообразовав ее с существующей, были скорее исключением из правил. Тяготение к преемственности явилось попыткой уменьшить субъективность философского знания. Такая наукообразность в философии является уникальным явлением, следствием глубокого анализа философского наследия и высокой степенью уважения к нему. Здесь тот случай, когда философские системы не отрицались, разрозненное

знание, подвергнувшись индуктивной рефлексии, приобрело новое качество в виде целостной теории онтологического масштаба. Можно предположить, что появление опирающегося на опыт предшественников мыслителя есть явление в истории философской мысли, когда количественный показатель переходит в новое качество.

Одним из таких философов, чьи мысли, несмотря на оригинальность, учитывали прошлую философскую практику, продолжая и развивая ее, был Б.Н. Чичерин (1828—1904).

Уроженец тамбовской земли поражает разносторонностью дарования. Этого человека сложно причислить к одной научной сфере. Правовед, политолог, философ исследовал проблемы социального порядка, параллельно делая фундаментальные открытия в естественнонаучной сфере. Д.И. Менделеев рекомендовал избрать Б.Н. Чичерина почетным членом Русского физико-химического общества. Перечислить все его заслуги практически невозможно, это был универсальный мыслитель глобального масштаба, который стал основоположником конституционного права России и разработал первую модель атома, «классифицировал» русский либерализм и искал философские основания нравственного чувства. Б.Н. Чичерин был высоко оценен современниками, занимал должность декана юридического факультета Московского университета, был московским городским головой и преподавал курс государственной науки наследнику престола, старшему сыну Александра II, цесаревичу Николаю Александровичу.

Поскольку Б.Н. Чичерин внес существенный вклад во множество отраслей наук, его труды стали предметом изучения в рамках целого ряда общественных дисциплин: политологии, юриспруденции, истории, философии и др. В работах, рассматривающих наследие Б.Н. Чичерина с философских позиций, чаще всего акцент делается либо на правовой аспект его воззрений, например, диссертации С.И. Фишера [Фишер] и Н.В. Катениной [Катенина], что подразумевает изучение философских оснований права, либо на универсализм его теории, ее рассмотрение в онтологическом аспекте, например, диссертации В.М. Лобеевой [Лобеева] и Р.Р. Щёкотовой [Щёктова]. Очевидно, что второе направление наиболее близко к тематике данной статьи, однако в ней целью является не рефлексия онтологического характера теории, ее универсализма, а рассмотрение того, как Б.Н. Чичерин доказывает наличие Абсолюта, основываясь на абсолютности духовных феноменов человеческого бытия.

Значительный вклад Б.Н. Чичерин внес в развитие философской мысли, будучи не последователем, а именно продолжателем гегелевской философской традиции. Прежде чем выстроить свою философскую систему, Б.Н. Чичерин охватил в духе гегелевской «Энциклопедии философских наук», предшествующие достижения философской мысли, близкие ему по духу.

Б.Н. Чичерин, являясь правоведом, с позиций рационализма и логики подходил к решению философских проблем. Высшее благо для единичного человека и всего человечества в целом, по Б.Н. Чичерину, — это свобода. Здесь Б.Н. Чичерин сближается с либеральным течением общественной мысли, отстаивая необходимость отмены крепостного права, которое тормозит становление государства, общества и личности. Свобода является необходимым условием для человеческого развития, человек «закрепощенный» никогда не станет тем, кем мог бы. Только свободное волеизъявление дает человеку возможность ощутить творцом самого себя и мира вокруг. Однако, свобода одного «сталкивается» со свободой другого, порождая конфликты,

право же делает так, что каждый обладает свободой в той степени, в какой она не ущемляет свободы другого: «Взаимное ограничение свободы есть право» [Чичерин 1894а: 318].

Право есть результат моральной рефлексии, поиска всеобщего блага, попытка реализации понятия о высшей справедливости как следствия равенства людей. Б.Н. Чичерин, считая единственным гарантом возможности нравственного сосуществования людей закон, не принимал революционные идеи. Либеральные начинания, необходимые для прогресса личного и общественного, должны быть постепенны. Либеральный консерватор видел в крепостном праве помеху для развития государственного, общественного и личного потенциала. Отмена крепостного права, по Б.Н. Чичерину, это не просто преобразования в социально-экономической сфере, это прежде всего восстановление человеческого достоинства. Однако Б.Н. Чичерин настаивает на эволюции общественных отношений, поскольку любые революционные преобразования неминуемо приводят к социальным потрясениям. Только законным путем допустимо реформировать общество, иначе оно скатится к тирании, к власти силы, а не разума. Ликвидация закона приведет к моральному хаосу и власть будет принадлежать слепой воле. Только основываясь на законе, который обеспечивает индивидуальную свободу, можно построить правовое государство, и цель здесь не может оправдывать средства, нельзя построить лучшее общество, нарушая права и свободы человека.

Государство мыслилось им исключительно как монархия, основанная не просто на многовековой традиции, а на нерушимой духовной основе, скрепляющей народ и государственную власть, потому что только монархия способна быть основой народного единства, только она является символом величия государства.

Б.Н. Чичерин, несмотря на либеральные настроения, был государственным человеком в самом нравственном смысле этого слова, не зря получив у современников прозвище «русский Макиавелли», хотя и категорически отрицал главный макиавеллевский принцип об оправданности аморальных средств высокоморальной целью.

Вне государства ни право, ни мораль, ни свобода существовать не могут. При этом Б.Н. Чичерин замечает, что не согласен с Т. Гоббсом, который видит в государстве лишь вынужденную необходимость, иначе человечеству не избежать «войны всех против всех». Б.Н. Чичерин видит в государстве гармоничное сочетание общих и частных интересов, не вынужденную меру для возможности совместного сосуществования, а ту человеческую общность, в которой частная нравственность выходит на новую ступень. Именно в нем действует диалектический закон: количество духовного переходит в его качество. Только в форме цивилизованного сосуществования человечество способно двигаться в правильном направлении, разобщенность увеличит лишь степень субъективности познающего субъекта и не будет способствовать обнаружению всеобщих законов бытия.

Б.Н. Чичерин соглашается с Г. Гегелем в том, что у каждого народа есть своя историческая миссия, реализация которой возможна лишь в рамках государства: «исполнение этого высшего назначения народа, его исторического призвания, деятельное участие в судьбах мира составляет также цель государства» [Чичерин 1894b: 15].

«Русский Макиавелли» утверждает, что только в рамках государства возможно развитие подлинной нравственности личности, оно не обезличивает человека, а дает возможность обрести максимально возможную свободу

в самоосуществлении: «Государство есть нравственное лицо, стоящее над физическими лицами, но не поглощающее их в себе, а оставляющее им собственную сферу свободной деятельности, подчиненную только целям целого» [Чичерин 1894b: 15]. Государственная власть имеет божественное происхождение, только союз власти, закона и свободы может обеспечить единичному индивиду условия для развития. Поэтому Н.А. Бердяев абсолютно прав в том, что для Б.Н. Чичерина «государство есть ценность высшая, чем человеческая личность» [Бердяев: 185]. Без государства нет личности, только в контексте государства возможно формирование тех духовных основ, которые составляют феномен человеческой личности как субъекта истории, как носителя идеи универсальной справедливости.

У Б.Н. Чичерина все проявления абсолютного начала в бытии человека возможны исключительно на пересечении личного и общего. Исследуя этическое правовые основания феномена свободы, С.Л. Чижков пишет о концепции человеческих союзов (семья, гражданское общество, церковь и государство) в которых у Б.Н. Чичерина, в отличие от Г. Гегеля, личностное начало играет первостепенную роль: «Чичерин все же считает, что Гегель недооценил того обстоятельства, что любой союз основывается на личном начале, что живые лица, а не мертвые учреждения являются выражением духа» [Чижков: 54].

Именно поэтому такое человеческое воплощение нравственного чувства как церковь игнорируется Г. Гегелем и подвергается рефлексии у Б.Н. Чичерина. Пристальное внимание мыслитель уделяет феномену религии. В этом вопросе Б.Н. Чичерин развил учение Г. Гегеля об Абсолюте, придав концептуальную законченность мыслям немецкого философа. Б.Н. Чичерин был глубоко религиозным человеком. Несмотря на исключительно рациональный подход ко всем феноменам человеческой действительности, мыслитель убежден в наличие высшего бытия. Для Б.Н. Чичерина не существовало бинарной оппозиции веры и разума, человеческая вера в принципе есть достижение, по его мнению, исключительно разума. Только вырвавшись из круга насущных потребностей, которые и породили науку, человеческий разум стремится понять смысл этого мира. Религиозная вера начинается с потребности понять больше, чем надо для животной жизни: «За этими пределами открывается бесконечный мир мыслей, стремлений и чувств, которые остаются неудовлетворенными» [Чичерин 1999: 18].

Б.Н. Чичерин не сомневается в том, что человек не может существовать без религиозных устремлений. Религия, по Б.Н. Чичерину, ни успокоение для страждущих в земной жизни, ни психологический механизм защиты от мысли о конечности своего существования, ни теория, обосновывающая эксплуатацию одних другими, она то, что чувствуется каждым человеческим существом при столкновении с миром как объектом познания. Если же человек отказывается от идеи высшего бытия, утомленный работой разума, но ни нашедший очевидности Абсолюта в эмпирическом опыте, то ему приходится добровольно ограничить себя: «Человек, который хочет ограничиться познанием того, что доступно внешним чувствам, должен заглушить в себе голос разума и совести» [Чичерин 1999:18].

В конце XIX века Б.Н. Чичерин говорит об ограниченности возможностей науки. Один из самых образованных людей эпохи, обладающий энциклопедическими знаниями в большинстве сфер современной ему науки, ученый, делавший открытия в естественнонаучной сфере, параллельно формировавший основы конституционного права, видел, что наука не всесильна: «Мы должны

довольствоваться относительным, отказываясь от какого бы то ни было познания абсолютного» [Чичерин 1999: 26]. Б.Н. Чичерин как чрезвычайно разносторонний ученый, опираясь на свои естественно-научные изыскания, утверждает, что наше бытие не исчерпывается знанием о структурных единицах материального мира: «Материальная же частичка составляет ничтожнейшую долю мирового бытия» [Чичерин 1999: 108]. Даже увидев структуру мира, мы продолжаем чувствовать, что мир телеологичен, и это чувство дает основание для всякой религии.

Человеческий разум упорно стремится к пониманию абсолютного. Религия, философия и наука как движущие силы развития цивилизации прямое доказательство этого. Б.Н. Чичерин выводит из позитивистского постулата о том, что наше сознание в принципе есть отражение опыта и нет ничего в разуме человека, с чем бы он не сталкивался в реальной жизни, мысль о том, что у нас есть опыт опосредованного познания абсолютного. Человек рождается со знанием о гармоничности и телеологичности окружающего мира. Эта устремленность человеческого разума к познанию высшего бытия есть его врожденная особенность, ведь религия есть у всех первобытных народов, следовательно, она вечный спутник человеческого сознания. Можно сказать, что именно мысль о Боге делает человека человеком. Жизнь человека конечна, разум ограничен, мораль несовершенна, он также зависим от природной стихии и закован в биологическую ограниченность, что и любое животное и только поиск абсолютного вырывает его из этих оков.

Косвенным доказательством существования Абсолюта является неисчерпаемая опытным знанием сущность человека. Материалисты, стремясь объяснить все многообразие личностных проявлений, ссылаются на законы наследственности. Однако, как справедливо отмечает Б.Н. Чичерин: «этим не объясняется то неисчерпаемое своеобразие, которое представляет собой каждая человеческая личность» [Чичерин 1999: 120]. Только наличие у человека части Абсолюта — духа, может объяснить абсолютную непредсказуемость результата проекта под названием «Человек». Помимо неисчерпаемой сущности, само человеческое бытие неисчерпаемо даже для него самого. Б.Н. Чичерин склоняется к мысли о наличии такого фактора, определяющего жизнь человека, как божественное Провидение, которое абсолютно скрыто от понимания. Опыт жизни как попытка ее понимания повергает человека в отчаяние, он становится обезличенной частичкой материи, и его бытие есть абсолютная случайность. По Б.Н. Чичерину, только религия и философия, освобождая человека от очевидных естественнонаучных законов, могут дать надежду на то, что его жизнь телеологична, что судьба его зависит от божественных, сверхразумных законов.

Б.Н. Чичерин, говоря о скептических воззрениях касательно человеческого разума как инструмента для раскрытия божественных истин, утверждает, что само наличие этих помыслов и устремлений есть свидетельство обратного. Здесь он возводит философствующий ум до небывалых высот, оправданно считая, что история философствующего субъекта представляет собой развитие в человеческом сознании понятия абсолютного. Кажущееся, на первый взгляд, хаотичное нагромождение взаимоисключающих друг друга философских учений, таково лишь на первый взгляд. Вся философия, в конечном счете, сводится к поиску абсолютного через специфику национальных культур и исторических эпох, человеческий субъективизм и детерминизм идеологий, философствующий субъект тянется к абсолютному.

Религиозное сознание, согласно мыслителю, не может существовать без рационального обоснования, только через напряженную работу разума человеку открывается божественная истина. Вне рационального религиозное сознание приобретает черты суеверия, в котором нет места поиску смысла бытия, его конечной цели, а присутствуют лишь попытки создать на бытовом уровне ритуалы, слепое отправление которых ликвидирует всякую жизненную неопределенность.

Религия, по Б.Н. Чичерину, в этом смысле, явление противоположное суеверию, она явно не способствует мировоззренческой стабильности, она предстает бесконечным поиском, становлением человеческой духовности, который, опираясь на несовершенный разум, стремится познать абсолютное. Поэтому религия, философия и наука для Б.Н. Чичерина тождественны. Мыслитель продолжает традицию Г. Гегеля рассмотрения бытия как становления Абсолюта, а религия, философия и наука являются лишь гранями человеческого разума, единственным направляющим которого является чувство абсолютного. Это чувство и выводит частную философскую систему на уровень онтологического учения, ведь согласно этому мыслителю, все великие философы были глубоко религиозными людьми. Это чувство дает и основание человеческой нравственности. Одним феноменом наличия нравственного чувства как стремления к совершенству, по мнению Б.Н. Чичерина, достаточно для доказательства реальности Абсолюта. При этом, именно в контексте государственности, реализуется компенсация бездуховности одних сверхдуховностью других, что опять же свидетельствует о наличии сверхразумного закона.

Человек выступает как триада души, ума и тела. Философия телесности Б.Н. Чичерина сводима к мысли о том, что тело лишь материальная обитель, силы которой истощаются за время жизни, что приводит к ее распаду. Говоря о душе, Б.Н. Чичерин разделяет ее бытие на индивидуальное (жизнь) и общее (состояние после жизни), когда душа «сливается с общею духовною субстанцией, разлитою в мире и составляющею сущность человечества» [Чичерин 1999: 175]. При этом именно душа связывает воедино тело и разум, она является связующим между материальным и нематериальным, между временным и вечным. Разум предстает вечно творимой, глубоко индивидуальной субстанцией, ядром личности, сохраняющим в себе пережитое при жизни. Это индивидуальное сознание, которое с распадом материальной обители сохраняет память о прошлом. Однако разум не просто сосредоточение человеческой субъективности, это субстанция реализует абсолютный закон, поэтому все содеянное личностью имеет вселенское значение.

Феномен существования человеческой морали доказывает, что разум стремится к благу, хотя человеческая жизнь дает для этого мало оснований. Однако же мораль снова и снова проявляет себя. В этом Б.Н. Чичерин видит доказательство и существования жизни вечной, и высший смысл человеческой жизни. Ведь зачем следовать нормам морали, если конечная цель неясна, невозможно всю жизнь руководствоваться законами и заповедями, если жизнь абсолютно конечна. На интуитивном уровне личность ощущает закон: «добродетель должна быть награждена, а порок наказан» [Чичерин 1999: 178]. Разум безоговорочно верит в этот закон, поэтому и стремится сообразовывать свое физическое бытие, то есть жизнь, с ним. Таким образом, Б.Н. Чичерин создал не только модель атома, но и модель человека, где, опираясь на логику, доказал наличие вечных начал.

Масштаб философствования этого мыслителя предполагает рассмотрение того, каким будет итог развития реализующих абсолютный закон философии, науки и религии. Б.Н. Чичерин предполагает, что итогом будет слияние, поскольку цель у них едина. Произойдет высший синтез, который станет мировоззрением новой, грядущей эпохи. Эта эпоха и завершит реализацию абсолютного закона в контексте человеческой истории.

Духовные феномены человеческого бытия, согласно Б.Н. Чичерину, генетически едины, они есть «как различные стороны или формы единой, вечной истины, присущей человеческому духу» [Чичерин 1999: 451]. Все они представляют собой проявления Абсолюта и различимы лишь постольку, поскольку бытие человека многоаспектно и исторично. Их созидание происходит, когда человеческий дух рефлексирует над природной и социальной средой. Даже исключительно утилитарный, на первый взгляд, правовой закон для основателя российского конституционного права имеет абсолютное значение. Его нарушение есть не просто пренебрежение правилами человеческого общежития, это искривление пути к Абсолюту. Человеческий дух именно так воспринимает правовой закон, поэтому «злодеи сами предают себя в руки правосудия, чтобы избавиться от внутреннего разлада и умиротворить непрестанно вопиющий в них голос закона» [Чичерин 1999: 213—214]. Б.Н. Чичерин подчеркивает внеприродный характер этих феноменов, так, будучи просто этапом эволюции приматов, человек не испытывал бы внутреннего разлада, если бы его деяния противоречили закону.

Б.Н. Чичерин видит в наличии множества этих феноменов их явную незавершенность, поэтому итогом становления должно быть их единение: «период универсализма приведет нас к новому религиозному синтезу, который, не уничтожая, а восполняя предыдущие, полнее раскроет нам существо Духа, сводящего противоположности к конечному единству» [Чичерин 1999: 452].

Целью своего учения Б.Н. Чичерин ставит создание теории всего сущего, интерес для него представляет конечный смысл всей пространственно-временной, материальной и духовной человеческой ойкумены. Систематизм — это направляющая философской системы Б.Н. Чичерина, поиск гармоничной основы существования, которая нивелирует вопросы индивидуалистских философских учений.

Таким образом, Б.Н. Чичерин создал онтологическую теорию, объяснив и смысл индивидуального бытия, и смысл всей человеческой истории. Человек, чаще всего, не подозревая об этом, проживает индивидуальную жизнь, реализует абсолютный закон, поэтому каждое движение его бессмертной души значимо. При этом реализация абсолютного закона возможна только в контексте государства, только там человек становится выразителем воли Абсолюта, только там человек достигает необходимого уровня морали, благодаря гармонизации индивидуального и общего. Продолжая традицию Г. Гегеля, Б.Н. Чичерин охватил в своей философской системе все мировое духовное наследие, видя в траектории его развития поиск абсолютного закона, который окончится, когда религия, философия и наука признают свое тождество. При этом русский мыслитель создает не просто отвлеченную теорию становления Абсолюта в мире, он именно из основания всеобщей цели как движения к Абсолюту выводит социально-политическое учение с главенством рационального начала, которым является юридический закон как квинтэссенция человеческой нравственности.

*Список литературы / References*

- Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.  
(Berdyayev N.A. The Russian Idea, St. Petersburg, 2008, 320 p. — In Russ.)
- Катенина Н.В. Философско-правовое учение Б. Н. Чичерина как явление русской мысли: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Москва, 2012. 145 с.  
(Katenina N.V. Philosophical and legal doctrine of B. N. Chicherin as a phenomenon of Russian thought: Dissertation Candidate of Sciences (Philosophy), Moscow, 2012, 145 p. — In Russ.)
- Лобеева В.М. Философская теория общества Б.Н. Чичерина: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. Москва, 2016. 367 с.  
(Lobeeva V.M. B.N. Chicherin's Philosophical Theory of Society: Dissertation Doctoral of Sciences (Philosophy), Moscow, 2016, 367 p. — In Russ.)
- Фишер С.И. Философия права Б.Н. Чичерина: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2003. 158 с.  
(Fisher S.I. Philosophy of Law by B.N. Chicherin: Dissertation Candidate of Sciences (Philosophy), Moscow, 2003, 158 p. — In Russ.)
- Чижков С.Л. Метафизика свободы и идея государства в философии Б.Н. Чичерина. М.: ИФ РАН, 2017. 100 с.  
(Chizhkov S.L. Metaphysics of freedom and idea of state in the philosophy of B.N. Chicherin, Moscow, 2017, 100 p. — In Russ.)
- Чичерин Б.Н. Основания логики и метафизики. М.: Типография Высочайше утвержденного Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1894а. 376 с.  
(Chicherin B.N. The Foundations of Logic and Metaphysics, Moscow, 1894, 376 p. — In Russ.)
- Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М.: Типография Высочайше утвержденного Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1894б. 482 с.  
(Chicherin B.N. The course of the state science, Moscow, 1894, 482 p. — In Russ.)
- Чичерин Б.Н. Наука и религия. М.: Республика, 1999. 495 с.  
(Chicherin B.N. Science and Religion, Moscow, 1999, 495 p. — In Russ.)
- Щёкотова Р.Р. Мировоззренческий универсализм Б.Н. Чичерина: историко-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Екатеринбург, 2010. 183 с.  
(Shchokotova R.R. B.N. Chicherin's worldview universalism: a historical and philosophical analysis: Dissertation Candidate of Sciences (Philosophy), Yekaterinburg, 2010, 183 p. — In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.*

*The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.*

*Информация об авторе / Information about the author*

**Слепцова Анна Олеговна** — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Россия, sleptsova\_ao@mail.ru

**Sleptsova Anna Olegovna** — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, sleptsova\_ao@mail.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.  
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 189—195.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 189—195.*

Научная статья

УДК 1:316(=1.4)/(=1.9)

DOI: 10.46726/И.2022.3.20

## **ВОЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ: ПОГРАНИЧНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЖИЗНЬ НА РУБЕЖЕ**

*Леонид Джоржович Петряков*

Ярославское высшее военное училище ПВО МО,  
г. Ярославль, Россия, tkstudia@mail.ru

*Алексей Леонидович Кочура*

станция Вёшенская, Ростовская область, Россия, aleksnorth1984@mail.ru

**Аннотация.** В статье рассматривается вольное сознание, характерное для номадов — кочевников, проявляющееся у современных казаков, старообрядцев, цыган, художников и других людей так называемых «свободных профессий». Показано, что вольное сознание характеризует человека «рубежа» в географическом, социальном и историческом смысле. Обосновано, что фронтир определяет не только особые формы солидарности и коммуникации между людьми, но и особое отношение к праву, языку; особую ментальность, формирующую пограничную идентичность и свой взгляд на мир. Обрисованы предпосылки возникновения вольного сознания. Раскрыто особое значение религиозной составляющей в формировании вольного сознания. Описана культурно-символическая реальность, обеспечивающая соответствующую идентичность, вольность мышления и бытия. Особое внимание уделено такой специфичной черте вольного сознания, как совпадение внутреннего чувства и внешнего его проявления, «симультанность» одиночества и единства с целым миром. В качестве вывода приведены характерные черты вольного сознания.

**Ключевые слова:** номады, мировоззрение, миропонимание, вольное сознание, пограничная идентичность, менталитет, история

**Для цитирования:** Петряков Л.Д., Кочура А.Л. Вольное сознание: пограничная идентичность и жизнь на рубеже // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 189—195.

Original article

## FREE CONSCIOUSNESS: BORDER IDENTITY AND LIFE AT THE TURN

*Leonid G. Petryakov*

Yaroslavl Higher Military School of Air Defense of the Yaroslavl Defense Ministry,  
Yaroslavl, Russian Federation, tkstudia@mail.ru

*Alexey L. Kochura*

Stanitsa Vyoshenskaya, Rostov region, Russian Federation, aleksnorth1984@mail.ru

**Abstract.** The article discusses the free consciousness characteristic of nomads — nomads, manifested in modern Cossacks, Old Believers, gypsies, artists and other people of the so-called “free professions”. It is shown that free consciousness characterizes the person of the “frontier” in the geographical, social and historical sense. It is substantiated that the frontier determines not only special forms of solidarity and communication between people, but also a special attitude to law and language; a special mentality that forms a borderline identity and its own view of the world. The prerequisites for the emergence of free consciousness are outlined. The special significance of the religious component in the formation of free consciousness is revealed. The cultural and symbolic reality is described, which provides the corresponding identity, freedom of thinking and being. Particular attention is paid to such a specific feature of free consciousness as the coincidence of the inner feeling and its outer manifestation, the “simultaneity” of loneliness and unity with the whole world. As a conclusion, the characteristic features of free consciousness are given.

**Keywords:** nomads, worldview, worldview, free consciousness, border identity, mentality, history

**For citation:** Petryakov L.D. Kochura A.L. Free consciousness: border identity and life at the turn, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 189—195.

В настоящее время мы все оказались на рубеже эпох, на грани, отделяющей мифологизированное прошлое от плохо представляемого будущего. Исторически мы живём в эпоху формирования новых государств и наций. Этот опыт происходит на наших глазах и не всегда оказывается успешным. Ментально и чувственно мы испытываем на себе волны притяжения и отталкивания старых идеалов и новых надежд. Общества, как моря, испытывают «приливы и отливы» социальной активности, дающие примеры силы духа, но сопровождаемые страданиями и людскими потерями. Помочь осмыслить эту новую для большинства людей ситуацию может опыт людей, веками живущих на рубежах, границах стран и народов. Современный человек формирует своё «эго-сознание» [Бескова], рассматривая себя как целое, противопоставленное внешнему миру и собственному организму, возникает граница между человеком и миром, что ярко проявляется в «обществе спектакля», «экранной культуре». Но и в современном мире есть немало людей и общностей, живущих в резонансе с окружающими и самими собой. Это люди — номады: путешественники, казаки, цыгане, старообрядцы.

Можно выделить внешнюю и внутреннюю, духовно-душевную стороны жизни номад [Энхтувшин], носителей вольного сознания. Кто такие номады? К примеру, казаки — «особый субэтнос, впоследствии ставший этносом» [Гумилёв: 196]. Казаков ранее называли так же и «черкасами».

Н.М. Карамзин в «Истории Государства Российского» писал: «Вспомним касогов, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Чёрным морем; вспомним и страну Казахию, полагаемую Императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что осетинцы и ныне именуют черкесов касахами: столько обстоятельств вместе заставляют думать, что торки и берендеи, назывались черкасами, назывались и козаками...» [Карамзин: 393—394]. Что говорит об этническом многообразии формирования этого этноса? Цыгане, старообрядцы, другие люди «вольного духа» также имеют этническую «пестроту» своего происхождения. И едва ли не все они подвергались репрессиям со стороны государства как в советское время в России, так и в прошлом, и во многих других странах.

В статье 2-го Закона РСФСР от 26 апреля 1991 года «О реабилитации репрессированных народов» было указано: реабилитировать репрессированные народы, в том числе и казачество, то есть казачество — это исторически сложившаяся культурно-этническая общность. Здесь казаки названы не этносом, а именно общностью. А в монографии «Сословная структура постсоветской России», казачество представлено именно организацией [Кордонский]. Сегодня казачьи организации есть в большинстве городов России. Существуют организации «согласия» старообрядцев, всемирный съезд цыган [Абраменко, Кулаева] и другие подобные формы организации людей-номад, защищающих их права и вольности.

Вольность казаков (казак — от древнерусского козакъ — удалец, вольный человек на Руси) притягательна для людей, живущих в центре страны: они не зависят от работодателя, не «привязаны» к месту жительства, не «скованы» стереотипами образа жизни. «Защищай и живи, как хочешь» — их кредо, (почти как у Августина: «Люби (Бога) и делай, что хочешь»). Внешним выражением вольности служит удаль — безудержная смелость или лихость, драйв. Данное качество воспитывалось у казаков с детства, можно сказать, впитывалась с молоком матери. Подростками их воспитывали отцы и деды верховой езде и обращению с оружием — саблей, нагайкой и др. Поддерживать эту удаль и драйв необходимо соревнованием, развитием конно-военных видов спорта. Кроме того, важные вопросы казачьей жизни решает «круг» — институт прямой демократии, где в спорах решаются вопросы права, службы, принимаются совместные решения — в этом выражается агонистический смысл пограничности. Институты самоуправления характерны и для других номад: у цыган существует сход — «крис».

Но такая независимость должна быть обеспечена экономически. Исторически казаки кормили себя сами, приобретали коней и оружие за свои деньги, что требовало значительных усилий со стороны семьи и общины. Они нередко осваивали целинные земли на рубежах страны. А кочующие цыгане были коневодами, дрессировали медведей, были певцами, танцорами, широко занимались кузнечным делом.

Экономическая независимость даже на уровне семьи была невозможна в СССР. Но сегодня, в трудных условиях, нередко после потери работы, многие казаки возвращаются к натуральному хозяйству, предпринимательству и становятся экономически самостоятельными. Кроме этого, для них характерна служба за плату, то есть понимание войны и защиты как работы, к которой у них есть призвание, но не всегда есть желание. Рисковать жизнью стоит за что-то достойное этой жизни, соизмеримое с ней. Поэтому выбор: кому стоит служить, а кому нет, казаки делают сознательно.

Вольное сознание предполагает особое мировоззрение и миропонимание: «казак должен быть с Богом, иначе он не казак, а разбойник». Такое понятие сложилось издавна. Выражением её служили: соблюдение каждым религиозных обрядов, постов, общие молитвы перед дальним походом, полевые церкви и т. п. Объяснением особой религиозности могут служить два аспекта: первый — риск внезапной смерти в бою, отсюда надежда выжить или обрести «жизнь вечную», судьба, удача; второй — дисциплина духовная как способ поддержания дисциплины воинской. Связь страха перед Страшным судом со страхом Божиим очевидна. Эта связь описана в Святоотеческом предании: «Человек приобретает страх Божий, если имеет память смерти и память мучений; если каждый вечер испытывает себя — как он провел день и каждое утро — как прошла ночь; если не будет дерзким в обращении и, наконец, если будет находиться в близком общении с человеком, боящимся Бога» (Преподобный авва Дорофей). «Это состояние страха и трепета — состояние особое, отличное от простого человеческого страха по отношению к чему-то, в котором нет трепета или благоговения» [Романова: 47]. Как у Кьеркегора — различие «страха и трепета». Большое значение для формирования мировоззрения имеет опыт переживания смерти, опасности с риском для жизни. Он же нередко выступает как опыт свободы, освобождения от «пут» несправедливости, обид, неправды. Тем более, что эсхатологичность сознания подкрепляется идеей о конце времён, конечности земного существования, о времени, «свернувшемся в свиток».

Отсюда острое различие «свой-чужой» по линии казак — не казак принципиально важно. Чужой для них — человек хитрый, алчный, ищущий личную выгоду во всяком деле, а также формальный законник, покушающийся на казачью вольность и желающий сделать казаков слепым орудием в своих руках. Аналогично одна из главных идеологических догм старообрядческой культуры заключается в оппозиции «свое-чужое», что проявилось не только в противостоянии официальной церкви, но и в полемике с другими толками «старой веры». Для цыган — это различие подкрепляется языком, образом жизни, занятиями [Абраменко, Кулаева]. Для всех кочевых групп характерен идейный дуализм: добро — зло, свое — чужое, сакральное — профаническое, полезное — вредное. «Этот дуализм был даже гипертрофирован, возведен в абсолютную норму по причине постоянной угрозы: внутренней (необходимость хранить внутреннюю чистоту от обмирщения, существовавшие разногласия внутри самого староверия, которые порождали новые толки и согласия) и внешней (преследования со стороны властей — светских и духовных...)» [Романова: 47]. К примеру, у казаков есть отличие их верования от остальных православных: у каждого войска имеется свой Святой-покровитель. Его день отмечают как главный войсковой праздник. У донских казаков — Святой пророк Осия; у оренбургских казаков — Святой великомученик Георгий Победоносец; у терских казаков — Святой Варфоломей. А объединяет верование всех казаков праздник — день Покрова Пресвятой Богородицы, который отмечают казаки 14 октября (по новому стилю). Все казаки также отмечают память Святого апостола Андрея Первозванного 30 ноября (13 декабря по новому стилю).

Для вольного сознания характерно динамическое противоречие между одиночеством и стремлением к единству с другими. «Раскольничество», показанное в литературе Н. Гоголем и М. Шолоховым, представляет собой один из эффектов пограничья — «притяжение» одного из двух граничных государств

на службу одних членов казачьей семьи и служба других её членов государству «противнику». Такое же решение может принять не только отдельный казак, но и община, «круг», во главе с атаманом. Таким образом, соседние общины могут оказаться по разные стороны фронта. Историческая родина казаков — Запорожская Сечь в разные времена служила не только русским царям, но и охраняла границы Речи Посполитой от турок.

Бегство от центральной власти к границам государства характерно для русских крестьян, «бегство в Сибирь», где нет формальной законности, но есть честность и справедливость людей, сознательно выбравших этот путь и уважающих аналогичный выбор других. Там, на границах, формируется особое право, основанное на морали, порой жестокое, но необходимое для выживания общины. У старообрядцев появляется особое «учение о побеге» и «Бегунское согласие».

Обеспечением своей идентичности, вольности мышления и бытия, выступает культурно-символическая реальность: одежда, украшения, атрибуты, а у казаков это ещё и оружие. Оружие — важный элемент казачьей жизни, для подростка — это средство воспитания, так как даже холодное оружие может ранить владельца или случайного соседа при неосторожном обращении. Оружие приучает к внимательности и дисциплине, требует ухода, вызывает уважение. Вооружённый человек не допустит унижения своей чести и достоинства, сможет постоять за себя и защитить невооружённого. Отсюда элементом «расказачивания» казаков был запрет появляться на улице с саблей — традиционным элементом одежды. В метафизике пограничности оружие отделяет жизнь от смерти, свободу от зависимости и произвола. Если «винтовка порождает власть», то границы применения оружия — это нравственные границы власти. Если Аристотель утверждал норму как середину между крайностями, то сегодня мы видим, что такой середины нет. Есть острая грань, обозначенная применением оружия к тому или иному субъекту. Казаки, как «люди пограничья», остро чувствуют морально нечистоплотных людей, желающих «пожиться» и использовать казачью общину в своих корыстных интересах.

Образ жизни номад [Энхтувшин] требует особого внимания к здоровью, как нравственному, так и физическому. У старообрядцев оно обеспечивалось строгим отношением к соблюдению повседневных правил, чему способствовали отказ от алкоголя, курения табака, отсутствие распутства, здоровая пища, размеренный труд. У казаков это ещё и физические упражнения, боевая тренировка, верховая езда, соревнования.

Внутренняя сторона вольных людей, личностно-смысловые аспекты их жизни составляют их «философию». Она заключается в следующем: «простота», открытость сознания казака миру и другим людям, готовность к самопожертвованию. Особенности «таборных» цыганских детей: открытость, эмоциональность, подчеркнутое уважение к старшим [Абраменко, Кулаева: 3]. Имманентно присущее номадам вольное сознание при этом склонно к трансцендированию — выходу за пределы наличного бытия, позволяющему «обнаружить условия, формы и характеристики деятельности сознания, в которых и с помощью которых происходит трансцензус» [Латышева: 10]. То есть к самоанализу, философствованию. «При этом все трансценденции, конституирующиеся активностью сознания — природные, аксиологические, практические, эстетико-культурные и иные — не представляют собой некой непознаваемой реальности» [Латышева: 12]. Материальность («вещность»)

и сознание связываются воедино в конкретных «живых» психофизических целостностях, и скрепляет их имеющаяся целокупность мира.

Следствие трансцендентности — открытость человека другому: «мой» мир и доступное ему нужно считать принципиально доступным миру «другого», и наоборот. Как говорят, «прост как правда». Проявляется этот принцип, например, в возможности каждого «я» удостоверить себя в «другом я», через «другое я». Отсюда возможность находить взаимопонимание, устанавливать эмпатию. Именно на основе взаимопонимания автономные сферы опыта могут образовывать единую интересующую среду, что универсальным образом раздвигает общечеловеческое пространство в аспекте бытия чистых сознаний и их полюсов «я».

Другая сторона коллективной трансценденции — трансгрессия — сила, превосходящая предел, установленный ей другими силами (предел как внутренний, так и внешний). Выражается это в возможности пойти на смерть «за други своя». Также её определяют как эксцесс — избыток или недостаток сил, состояние, приводящее к нарушению нормы. Впервые аналогичное понятие ввёл Гегель для обозначения выхода за пределы социального бытия и достижения позиции внешнего наблюдателя. Когда человек попадает в экстремальную ситуацию, нередкую на границе, он переживает состояние трансгрессии, в котором преодолеваются социальные, культурные, моральные и иные запреты. Людям границы такая позиция вполне присуща.

Подведем некоторые итоги из вышесказанного. Вольное сознание — термин, раскрывающий философские основы самосознания и мировоззрения «вольных людей»: казаков, путешественников, художников, цыган, староверов и представителей других кочевнических групп. Оно характеризуется следующими моментами:

- сознанием я-целостности, отрицающим частичность и неполноту человека, полную подчинённость его социальным и иным нормам;
- совпадением моментального, ситуационного «я» с постоянным «образом я»;
- силой и направленностью личной воли во вне-себя, в мир, неполный и пустой без данного «я»;
- ощущением одиночества своей «самости» среди людей и одновременно единства с Богом и / или Природой, лошадей, степью;
- подчинением человека мимолётной эмоции и личному желанию в сочетании с игрой — проверкой своих эмоций и желаний на других людях, вовлечении их в созданную им реальность;
- свободой от забот о будущем — эсхатологичная жизнь «здесь и сейчас», от рассвета до заката: «день простоять и ночь продержаться».

#### *Список литературы / References*

- Абраменко О.А., Кулаева С.Б. История и культура цыган: пособие для дополнительных и внеклассных занятий. СПб.: АДЦ «Мемориал», 2013. 100 с.  
(Abramenko O.A., Kulaeva S.B. History and culture of the Gypsies: A manual for additional and extracurricular activities, St. Petersburg, 2013. 100 p. — In Russ.)
- Бескова И.А. Эго-сознание как поверхностная структура // Философия науки. 2006. Вып. 12: Феномен сознания. С. 71—95.

- (Beskova I.A. Ego-consciousness as a surface structure, *Philosophy of Science*, 2006, iss. 12: The phenomenon of consciousness, pp. 71—95. — In Russ.)
- Гумилёв Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. М.: Рольф, 2000. 320 с. (Gumilev L.N. From Russ to Russia: Essays on ethnic history, Moscow, 2000, 320 p. — In Russ.)
- Романова Н.И. Эсхатологические представления старообрядцев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 42—51.  
(Romanova N.I. Eschatological representations of Old Believers, *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2012, no. 18, pp. 42—51. — In Russ.)
- Карамзин Н.М. История Государства Российского: в 12 т. Т. 5. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 412 + 284 с.  
(Karamzin N.M. History of the Russian State: in 12 vols, vol. 5, St. Petersburg, 1819, 412 + 284 pp. — In Russ.)
- Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.  
(Kordonsky S.G. The estate structure of post-Soviet Russia, Moscow, 2008, 216 p. — In Russ.)
- Латышева Ж. В. Проблема трансцендирования в перспективе трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 9. С. 10—16.  
(Latysheva Zh. V. The problem of transcendence in the perspective of E. Husserl's transcendental phenomenology, *Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities*, 2015, no. 9, pp. 10—16. — In Russ.)
- Энхтувшин Б. Номады и нomaдизм: традиции и современность // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 4. С. 691—699.  
(Enkhtuvshin B. Nomads and nomadism: traditions and modernity, *Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics*, 2015, vol. 25, no. 4, pp. 691—699. — In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.*

*The article was submitted 31.03.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.*

#### ***Информация об авторах / Information about authors***

***Петряков Леонид Джоржович*** — доктор философских наук, доцент, профессор, Ярославское высшее военное училище ПВО МО, г. Ярославль, Россия, tkstudia@mail.ru

***Petryakov Leonid Dzhorzhevich*** — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor, Yaroslavl Higher Military Air Defense School of the Ministry of Defense, Yaroslavl, Russian Federation, tkstudia@mail.ru

***Кочура Алексей Леонидович*** — казак, офицер, станица Вёшенская, Ростовская область, Россия, aleksnorth1984@mail.ru

***Kochura Alexey Leonidovich*** — Cossack, officer, Veshenskaya Stanitsa, Rostov region, Russian Federation, aleksnorth1984@mail.ru

# ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

---

*Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)).* Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: [http://ivanovo.ac.ru/about\\_the\\_university/science/magazines/herald/humanities/index.php](http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php)

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.). Периодичность издания — четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

**[vestnik.ivgu@mail.ru](mailto:vestnik.ivgu@mail.ru)**

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

- 1) текст статьи с аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языке и сведениями об авторе;
- 2) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

### Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля — верхнее 2,7 см, левое и правое 4 см, нижнее 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы — не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи — не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

**Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:**

*Вестник Ивановского государственного университета. Серия:  
Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. XX—XX.*

Научная статья

УДК

**DOI:**

#### **НАЗВАНИЕ**

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

*Имя, отчество, фамилия (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)*

Аффилиация (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

**Аннотация.** На русском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10. Должна содержать: постановку проблемы, обозначение новизны подходов, концепции, результатов и др., исследовательские выводы.

**Ключевые слова:** на русском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

**Благодарности** (при необходимости): работа выполнена при поддержке... (Times New Roman, кегль 10).

**Для цитирования:** Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Original article

**НАЗВАНИЕ на английском языке**

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

*Имя О. Фамилия на английском языке (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)*

Аффилиация на английском языке (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

**Abstract.** На английском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10.

**Keywords:** на английском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

**Acknowledgments** (при необходимости): the work was supported by... (Times New Roman, кегль 10).

**For citation:** Familiya I.O. Article title, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Основной текст статьи (Times New Roman, кегль 11).

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- между инициалами и фамилией ставится неразрывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с приставным «**Списком литературы**»: указывается фамилия автора (без инициалов) и при необходимости, после двоеточия, страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую. Например:

[Иванов], [Smith]

[Иванов: 35], [Smith: 35]

[Иванов, Петров: 35]

В случае ссылки на издание без автора следует указывать сокращенное название работы:

[Философия культуры...: 35].

Если в библиографическом списке приводятся две или более работы автора, то указывается год [Иванов 2007]; если работы опубликованы в одном и том же году, то добавляется латинская буква в тексте статьи и списке литературы: [Иванов 2007a; 2007b].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков перед двоеточием указывается номер тома или выпуска: [Булгаков 4: 275].

Сноски постраничные, ставятся автоматически. В сноски выносятся комментарии, примечания, дополнительная информация. Ссылки на источники и исследования, упоминаемые в сносках, оформляются так же в квадратных скобках.

### Список литературы / References

Шрифт Times New Roman 10.

Формируется по алфавитному принципу, без нумерации.

Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

#### В References

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: In Russ.

Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

#### Примеры оформления:

Платонов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. / сост. Н.В. Корниенко. М.: Время, 2009—2011.

(Platonov A.P. Collected works: in 8 vols., ed. by N.V. Kornienko, Moscow, 2011. — In Russ.)

Жолковский А.К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты (Материалы к теме) // Эткиндовские чтения: сборник статей по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинда (27—29 июня 2000 г.). СПб., 2003. С. 250—271.

(Zholkovskiy A.K. Infinitive writing: tropes and plots (Materials for the topic), *Etkind's readings: a collection of articles based on materials from the Readings in memory of E.G. Etkind (June 27—29, 2000)*, Saint Petersburg, 2003, pp. 250—271. — In Russ.)

Давыдов Д. Последовательность гнева // Книжное обозрение. 2015. № 1—2. URL: [http://hylaea.ru/davyd\\_rez\\_peret.html](http://hylaea.ru/davyd_rez_peret.html) (дата обращения: 17.04.2020).

(Davydov D. Sequence of anger, *Book review*, 2015, no. 1—2. — In Russ.)

Goldsmith K. Uncreative Writing: Managing Language in the Digital Age, N.Y.: Columbia University Press, 2011. 272 p.

*Статья поступила в редакцию XX.XX.2022; одобрена после рецензирования XX.XX.2022; принята к публикации XX.XX.2022.*

*The article was submitted XX.XX.2022; approved after reviewing XX.XX.2022; accepted for publication XX.XX.2022.*

**Информация об авторе / Information about the author**

**Фамилия Имя Отчество** — ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail (на русском и английском языках)

Например:

**ТЮЛЕНЕВА Елена Михайловна** — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, [talen@rambler.ru](mailto:talen@rambler.ru)

**TYULENEVA Elena Mikhailovna** — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, [talen@rambler.ru](mailto:talen@rambler.ru)

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: [vestnik.ivgu@mail.ru](mailto:vestnik.ivgu@mail.ru)

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, к. 304.

Более подробная информация — на сайте Ивановского государственного университета: [http://ivanovo.ac.ru/about\\_the\\_university/science/magazines/herald/humanities/index.php](http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php)

---

**ВЕСТНИК  
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»  
2022. Вып. 3**

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*  
корректор *Е.Е. Андреянова*  
технический редактор *И.С. Сибирева*  
компьютерная верстка *Т.Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.09.2022 г.

Формат 70 × 108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 17,5.

Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 100 экз. Заказ № 124. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: [publisher@ivanovo.ac.ru](mailto:publisher@ivanovo.ac.ru)

• Серия «Гуманитарные науки»

# **Вестник Ивановского государственного университета**

*Научный журнал*

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- **ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ - 4 ВЫПУСКА**
- **ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ - 2 ВЫПУСКА (online)**
- **ЭКОНОМИКА - 4 ВЫПУСКА (online)**

Адресован преподавателям,  
научным сотрудникам,  
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты  
фундаментальных и прикладных исследований,  
осуществляемых по гуманитарным, общественным,  
естественным и техническим наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально